

М. С. Сарьян. СБОР УРОЖАЯ. Фрагмент. 1940 год.
Государственная картинная галерея Армении.

ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Copyrighted material

Югославия. Белград. Улица Маршала Тито.

Фото А. Гусева.

Город Дубровник.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 23 (1512) 3 ИЮНЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Год тому назад в Белграде была подписана Декларация Правительств Союза Советских Социалистических Республик и Федеративной Народной Республики Югославии.

«Оба Правительства,— говорится в Декларации,— согласились приложить максимальные усилия для осуществления задач и постановлений настоящей Декларации в интересах дальнейшего развития взаимоотношений между двумя странами и в интересах развития международного сотрудничества и укрепления мира во всем мире».

Год, прошедший с тех пор, показал, какую важную роль сыграли советско-югославские переговоры в укреплении дружбы между нашими народами.

На снимке: товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев в гостях у товарища И. Броз Тито на острове Бриони в 1955 году.

Фото А. Устинова.

ВСТРЕЧИ

Записки югославского журналиста

После пограничной станции Чоп вагон поезда, в котором я ехал в Москву, заполнился пассажирами. Я стоял у окна в коридоре и любовался пейзажами, которым поздняя осень придала особое обаяние, обогатив их спектром ярких красок. Сразу завязался разговор с попутчиками. Советский человек, в чем я не раз убеждался и позже, непосредственен и прост; эти ценные качества свойственны и людям моей страны. Разговор начался, как часто бывает, с погоды. Когда собеседники узнали, что я югослав, круг вопросов нашей беседы сразу расширился. Мы спрашивали друг друга о многом: «А как у вас это? А как у вас то?»

Не прошло и нескольких часов, как мы уже сидели в одном купе. Мои новые советские знакомые учили меня новой, очень живой игре в карты, за которой мы коротали время. Шутки и смех, сопровождавшие игру, сменялись серьезными разговорами. Мы постоянно возвращались к разным сторонам жизни наших народов: это одинаково интересовало меня и моих знакомых. Мы обсуждали все, начиная от климата и футбола и кончая способами уборки урожая и методами управления предприятиями.

На Киевском вокзале в Москве мы расстались уже как старые знакомые, как друзья.

За время восьмимесячного пребывания в столице Советского Союза у меня были многочисленные встречи и беседы с советскими людьми различных профессий, разного возраста. Беседовал я с участниками революции 1905 года и с молодой студенткой, изучающей географию в Московском университете, с работницами на стройке и с колхозниками Киевской области, приехавшими в Москву, с замечательными артистами Московского Художественного академического театра имени Горького и с ученым, посвятившим свою жизнь благородной цели продления человеческой жизни.

Могу смело сказать, что мои первые впечатления о простом советском человеке подтвердились. Я пользуюсь словом «простой», хотя им иногда злоупотребляют, но я ценю это слово, подразумевая под ним народ. Советский человек не только прям и непосредственен, но сердечен и доброжелателен. Это прежде всего человек труда, больше всего

Copyrighted material

заинтересованный в улучшении своей жизни, в том, чтобы сделать ее более счастливой и жить в мире.

Мои беседы с людьми Советского Союза были всегда откровенными, они были продиктованы желанием больше узнать и лучше понять. Случалось, что у меня и моего собеседника оказывались различные взгляды по какому-либо вопросу. Но это нисколько не мешало дружескому характеру обсуждения, а, наоборот, усиливало его. Ибо издавна известно, что только настоящие друзья говорят друг другу правду в глаза. В самом существенном у нас всегда взгляды сходились: это — сохранение мира и строительство социализма. Именно отсюда эта потребность, я бы сказал, необходимость, взаимного понимания.

Я видел, сколь велик интерес советских людей к Югославии, так же велик, как и интерес граждан моей страны к Советскому Союзу. Ряд событий из нашей жизни здесь известен. Но есть вещи, о которых не знают или знают мало. Мне задавали и такие вопросы, как, например, имеются ли еще у нас народные комитеты. Это только подтверждает, что уже сказано выше: нужно узнать друг друга лучше и глубже. Какое это имеет значение, показывает один случай, который я наблюдал на московском заводе «Компрессор».

Недавно в клубе этого завода происходила конференция читателей местной библиотеки, посвященная роману современного югославского писателя Добрицы Чосича «Солнце далеко». Ход конференции показал, что рабочие много читают, имеют сложившийся литературный вкус. Выступавшие высказывали оригинальные и интересные соображения о прочитанном югославском романе. Я не могу умолчать и о сильном впечатлении, которое произвел на меня самый факт: обсуждение романа моего соотечественника. Я подумал: одна книга, а как она помогает сближению двух народов! Прочитав роман «Солнце далеко», в котором дана правдивая, реалистическая картина трудной и героической борьбы одного югославского партизанского отряда, рабочие «Компрессора» получили живое представление о борьбе народов Югославии против фашистских оккупантов, за строительство социалистического общества. Они смогли ближе познакомиться с чертами характера югославских борцов, с их моральным обликом, их стремлениями. Книга помогла нам ближе стать друг к другу.

Рабочий Щербин сказал на этой конференции: «Вук, Павле, Евта, Бояна, Уча, Гвозден — все эти герои романа близки мне как друзья, которых я уже давно знаю».

Рабочий Шевальгин заметил: «Я впервые прочел произведение югославского писателя. Роман «Солнце далеко» помог мне увидеть Югославию, ее людей, которые так героически и самоотверженно боролись за освобождение своей родины, несмотря на беспощадный террор гитлеровцев».

Многие из ораторов высказали пожелание писателю Чосичу: в новом произведении нарисовать дальнейшую судьбу героев романа, изображенных в условиях войны, показать этих людей в мирном строительстве социализма.

Вся атмосфера вечера в клубе «Компрессора» была такая сердечная, что мы, несколько югославов, присутствовавших на нем, чувствовали себя как среди самых близких друзей.

Этот пример я привел не только для того, чтобы проиллюстрировать огромное значение взаимного ознакомления народов. Мне хотелось показать также, как много сделано уже на пути сближения наших народов в течение года, истекшего со дня подписания Белградской Декларации, насколько укрепилась атмосфера теплоты и дружбы, которую и я лично ощущаю при каждой встрече с советскими людьми.

За год со времени подписания этого столь знаменательного документа, заложившего твердые основы развития советско-югославских отношений на новых началах, ярко проявилось его положительное значение. Результаты мы видим в различных областях: экономической, политической, культурной.

Поездка Президента Федеративной Народной Республики Югославии товарища Иосипа Броз Тито в Советский Союз представляет собой еще один важный шаг к укреплению наших дружеских отношений, что отвечает искренним стремлениям народов СССР и Югославии и является крупным вкладом в дело мира, прогресса и социализма.

Тошо ПОПОВСКИЙ,
московский корреспондент газеты «Борба».

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

К летчику Гражданского Воздушного Флота Герою Советского Союза Дмитрию Езерскому подошел пилот, вернувшийся из рейса в Белград.

— Тебе привет от Нух Беговича, — сказал он. — Не припоминаешь такого? Высокий, черный, с костылем ходит. Нух Бегович просил напомнить, что он был двадцать третьим раненым на посадочной площадке в Осовцах и что он твой друг на всю жизнь.

Езерский, конечно, помнил этот полет в Осовцы, помнил и двадцать третьего раненого, только не знал его имени.

Было это в 1944 году. Советские транспортные самолеты почти каждую ночь летали к югославским партизанам. Они доставляли им оружие, боеприпасы и медикаменты. Обратными рейсами они вывозили раненых бойцов.

Однажды, возвращаясь с задания, летчик Езерский получил в воздухе дополнительный приказ: «Произвести посадку в местечке Осовцы и вывезти раненых партизан». Штурман быстро произвел расчеты, и Езерский повел самолет по новому курсу. Ночь была безлунная. При слабом свете звезд далекая земля едва просматривалась. Скоро показались костры, выложенные конвертом. Это был условный сигнал: партизаны ждут самолет. Сделав контрольный круг и обменявшись парольными сигналами, самолет пошел на посадку.

Когда Езерский осмотрел площадку, на которую приземлился, то сокрушенно покачал головой:

— Отсюда порожняком-то едва взлетишь, а не то что с грузом.

К самолету приносили раненых. Командир партизанского отряда рассказал, что в этом районе фашисты внезапно повели наступление. Уходя, партизаны не могли взять с собой тяжело раненых. Они выкопали яму, снесли в нее тридцать раненых, оставили им воду и продовольствие. Яму сверху заложили досками и засыпали землей. Дышали раненые через стебли кукурузы, выведенные наружу.

— Сейчас каратели ушли и раненых необходимо вывезти, — говорил командир, — без медицинской помощи они все умрут. Дорог каждый час, торопитесь.

Теперь Езерский знал, что ни за что не полетит порожняком. Но чтобы взлететь благополучно, самолет нельзя перегружать.

— Грузите десять человек, — приказал Езерский.

Раненые были в очень тяжелом состоянии. Многие бредили. И когда партизаны, положив в самолет десятого, остановились, Езерский посоветовался с экипажем и приказал:

— Грузите двадцать!

Вместе с бортмехаником Федором Кучугурным он пошел еще раз просмотреть взлетную площадку. Имея на борту двадцать человек, взлететь с нее было чрезвычайно трудно. Малейшая ошибка в расчете, и...

— Рискнем, Федор Тимофеевич, — все же сказал Езерский.

Оказалось, что в самолет внесли уже 22 человека.

«Лишних 140 килограммов, — с тревогой подумал Езерский. — Но не вытаскивать же их обратно?!»

Летчик попросил партизан откатить самолет на сколько можно назад: теперь имел значение каждый лишний метр разбега. Езерский уже поднимался в кабину, когда к машине поднесли еще одного раненого.

— Это последний, — сказали партизаны, — остальные умерли. Если не возьмешь с собой, он тоже умрет.

Летчик посмотрел на изможденное страданием лицо раненого партизана, его глаза, полные мольбы и тревоги, и обратился к бортмеханику:

— Оставь горючего в баках не больше, чем нужно, чтобы долететь до базы. Остальное слей. Возьмем еще одного партизана.

Раненый облизал запекшиеся губы и тихо, но внятно произнес:

— Русский брат, спасибо!

Взлет прошел удачно, и через два часа все раненые получили необходимую хирургическую помощь.

— Случай этот не исключение, — рассказывает Езерский, — все летчики транспортной группы по-братски относились к югославским партизанам. Однажды при полете на маленькую партизанскую посадочную площадку, которая на картах значилась под номером шесть, было получено предупреждение: ни в коем случае не брать на борт больше пятнадцати человек. Однако из прибывающих с задания самолетов Петра Еромасова, Василия Бажана, Владимира Павлова, Николая Трофимова, Павла Михайлова и других летчиков санитары выносили по восемнадцать — двадцать, а порой и до тридцати раненых партизан.

За помощь, оказанную югославским партизанам, Дмитрий Езерский и его товарищи Павел Михайлов, Василий Шипилов и Владимир Павлов награждены югославским орденом партизанской звезды I степени. Советское правительство присвоило им высокое звание Героя Советского Союза.

А. ГОЛИКОВ

В Белграде, в доме культуры «Западный Врачар», открылась выставка технического творчества воспитанников училищ и школ трудовых резервов Советского Союза.

Фото Югофото.

Copyrighted material

Президент Федеративной Народной Республики Югославии Маршал Иосип БРОЗ ТИТО.

К приезду в СССР.

Copyrighted material

На открытии гастролей Югославского драматического театра в Москве. Министр культуры СССР Н. А. Михайлов среди югославских артистов.
Фото В. Егорова (ТАСС).

ИСКУССТВО НАШИХ ДРУЗЕЙ

Когда раздвигался занавес Московского Художественного театра, радушно предоставившего свою сцену для дорогих гостей, артистов братского югославского народа, горячими аплодисментами встречал зритель талантливый коллектив.

Чудесная национальная народная комедия Марина Држича «Дундо Марое» снискала большие симпатии москвичей. Несмотря на то, что спектакль исполнялся на сербском языке, он интересен и понятен всем увлекательной интригой и благодаря выразительной игре талантливых югославских артистов. Действие спектакля происходит в далеком прошлом, четыре века назад, на одной из небольших площадей Рима. Его герои, жители Дубровника, встречаются в старых кварталах Рима.

Комедия рассказывает о легкомысленных поступках Маро, сына дубровницкого купца, который, приехав в Италию, чтобы выполнить деловые поручения своего отца Дундо Марое, кутит и растрачивает родительские деньги. Дундо Марое и Пере, невеста юноши, отправляются на розыски повесы, находят его и разоблачают все проделки. Спектакль заканчивается примирением отца с раскаявшимся сыном и возвращением Маро к своей невесте.

Единство ансамбля, хороший сценический стиль и чисто комедийный, быстрый темп исполнения отличают всю постановку. И в этом немалая заслуга вдумчивого режиссера-постановщика Бояна Ступицы.

Нельзя не восхищаться игрой замечательного комедийного актера Йозо Лауренчича, остро и темпераментно исполняющего роль слуги Пòмета, воплощающего народную мудрость. И на сцене и у закрытого занавеса, между действиями, Пòмет приковывает к себе внимание зрителя, помогает ему разобраться в замыслах автора комедии, в сути поступков ее героев. Столь же живо и образно играет роль соперника Пòмета — Попивы артист Жарко Митрович. Чудесен их «дуэт», превращающийся в «трио», когда к ним присоединяется обаятельная комедийная актриса Мира Ступица, которая необычайно легко, непосредственно и грациозно ведет роль служанки Петруньеллы.

Три выразительных и ярких образа стариков создают в комедии артисты Деян Дубанч (Бокчилло), Виктор Старчич (ростовщик Сади) и Карло Булич (Дундо Марое). Но особенно покоряют своим талантом Деян Дубанч и Виктор Старчич, порой напоминающие по манере исполнения нашего замечательного артиста М. Тарханова.

Нельзя не упомянуть и об исполнителях небольших, но тонко сделанных ролей: немецкого дворянина Тедешко, няни, Блахо и Нико — артистах Йоже Рутиче, Анне Паранос, Любомире Богдановиче и Зоране Ристановиче. В этой связи мы, мхатовцы, вспоминали слова нашего учителя К. С. Станиславского, часто говорившего: на сцене нет маленьких ролей — каждую можно сделать заметной и яркой. В спектакле югославских товарищей даже самые маленькие роли — трактирщика, бессловесных фонарщиков, дирижера,— иной раз даже не упомянутые в программе, запоминались зрителю.

Много ярких впечатлений принес и спектакль «Егор Булычов и другие» А. М. Горького (пьеса переведена на сербский язык Миланом Джоковичем) — интересный, оригинальный, правдивый, чисто горьковский. Особенно убедителен и своеобразен Егор Булычов в исполнении талантливого артиста Миливое Живановича. В общем безупречном ансамбле спектакля надо отметить артистов Рахелу Ферари (Ксения), Дубравку Перич (Шура), Невенку Микулич (игуменья Меланья), Марьяна Ловрича (Тятин), Йожа Рутича (Василий Достигаев), много способствовавших успеху постановки.

В искусстве наших гостей мы были счастливы увидеть близкие нам творческие традиции, роднящие культуру народов Югославии и СССР.

Гастроли Югославского драматического театра продолжатся в Горьком, Ленинграде и Киеве. Несомненно, что и в этих городах Советской страны гости встретят самый радушный и теплый прием.

Н. МИХАЛОВСКАЯ,
заслуженная артистка РСФСР.

«Дундо Марое» Марина Држича. Пòмет — Йозо Лауренчич, Дундо Марое — Карло Булич и Бокчилло — Деян Дубанч.

С большим успехом проходил в Москве фестиваль югославских кинофильмов. Шесть художественных и несколько документальных и научно-популярных картин существенно дополнили те представления о югославском киноискусстве, которые уже имелись у советских зрителей. Фестиваль явился серьезным вкладом в благородное дело сближения советского и югославского народов. Ни одно искусство не может рассказать о жизни народа так образно, наглядно, как кино, а узнать и понять жизнь друзей — значит еще больше полюбить их.

Несмотря на то, что пути развития советского и югославского киноискусства совершенно различны, многое объединяет их. Киноискусство Советского Союза и Югославии развивается как искусство многонациональное. Картины, выпущенные сербскими киностудиями «Авала-фильм» и «Уфус», хорватской студией «Адранфильм», словенской — «Триглав-фильм», македонской — «Вардар-фильм», а также боснийскими и черногорскими кинопредприятиями, исполнены национального своеобразия и вместе с тем проникнуты духом социалистического интернационализма.

Залогом дальнейшего роста югославского киноискусства являются его тесные творческие связи с национальной литературой, театром,

Copyrighted material

музыкой, изобразительными искусствами. Произведения югославских писателей Болеслава Нушича, Боры Станковича, Ивы Андрича, Добрицы Чосича нашли яркое воплощение в кино. Артисты Югославского драматического театра, гастролирующего сейчас в Советском Союзе,— Миливое Живанович, Мария Црнобори, Мира Ступица и другие — знакомы многим советским людям по фильмам. Музыка К. Барановича, С. Бомбарделли, Б. Папандопуло и других произвела глубокое впечатление, так же как и мастерство югославских кинооператоров и декораторов.

Лучшие произведения югославского кино посвящены освободительной борьбе против фашизма. Эта тема решается разнообразно и

Кадр из фильма «Девушка и дуб»

увлекательно. В фильме «Их было двое» сценарист Столе Янкович и режиссер Жорж Скригин показали глубокие сдвиги в психологии крестьян, неизбежно и закономерно приходящих в стан борцов с оккупантами. Картина «Погоня» того же режиссера повествует о героизме работников белградской подпольной типографии, самоотверженно борющихся с фашистской полицией. О подпольной деятельности партизан правдиво рассказывает словенский фильм «Решающие минуты» (сценарист и режиссер — Ф. Чап) и вторая половина хорватского фильма «Концерт» (автор сценария — В. Десница, режиссер — Б. Белан). Однако наибольшее впечатление производит совместная югославо-норвежская постановка «Кровавая дорога» (режиссеры — Коре Бёргстрем и Радош Новакович). Это своеобразный памятник великому мужеству и пламенному патриотизму югославских партизан. Образ командира партизан, созданный М. Живановичем, незабываем.

Ощущением духа времени, ароматом эпохи отмечены югославские фильмы, посвященные прошлому. О трудной, суровой жизни хорватских рыбаков и крестьян повествуют драматические фильмы В. Погачича «Буря» и Крешы Голика «Девушка и дуб». О трагической истории боснийского крестьянского юноши Стояна Мутикаши, ставшего богатым купцом и познавшего растлевающую силу денег, говорит фильм «Загубленные жизни».

Тупость и трусость провинциальных чиновников прошлых лет остро высмеивает комедия «Подозрительная личность» режиссеров Сан Йовановича и Предраги Динуловича (по пьесе Нушича, в которой использованы приемы и частично сюжетные положения «Ревизора» Гоголя).

Все эти фильмы по достоинству были оценены советским зрителем. Однако нельзя не пожалеть об отсутствии кинокартин, показывающих современную жизнь Югославии, подвиги мирного труда и строительства, воспитание социалистического сознания людей. Далекое и недавнее прошлое служит неисчерпаемым источником вдохновения для художников, но темы животрепещущей современности всегда были и будут основными темами реалистического народного искусства.

Р. ЮРЕНЕВ

В нынешнем году Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко осуществит постановку балета известного югославского композитора Стевана Христича «Охридская легенда». Готовясь к этому, творческая бригада театра во главе с балетмейстером В. П. Бурмейстером выезжала на несколько недель в Югославию. Мне довелось быть свидетелем их первого знакомства с постановкой «Охридской легенды» в Загребе и в Белграде, а также наблюдать, как начиналась дружная совместная работа представителей югославского и московского театров.

Уже после просмотра первого акта «Охридской легенды» стало заметно, насколько увлек этот балет наших артистов, которым понравились глубоко национальная по духу музыка, своеобразие ритмов, красота и разнообразие народных в своей основе танцев. Не меньше, чем гости, был взволнован и сам композитор, с которым постановщики с первых же слов нашли общий язык. Стеван Христич с горячностью говорил о том значении, которое он придает постановке своего балета в Москве, «столице балетного искусства». А мы все восхищались его энергией, остроумием, глубоким знанием русской и мировой музыкальной культуры.

О себе композитор рассказывал очень скупо. Первым своим самостоятельным произведением Христич считает музыку к театральной постановке «Чучук Стан».

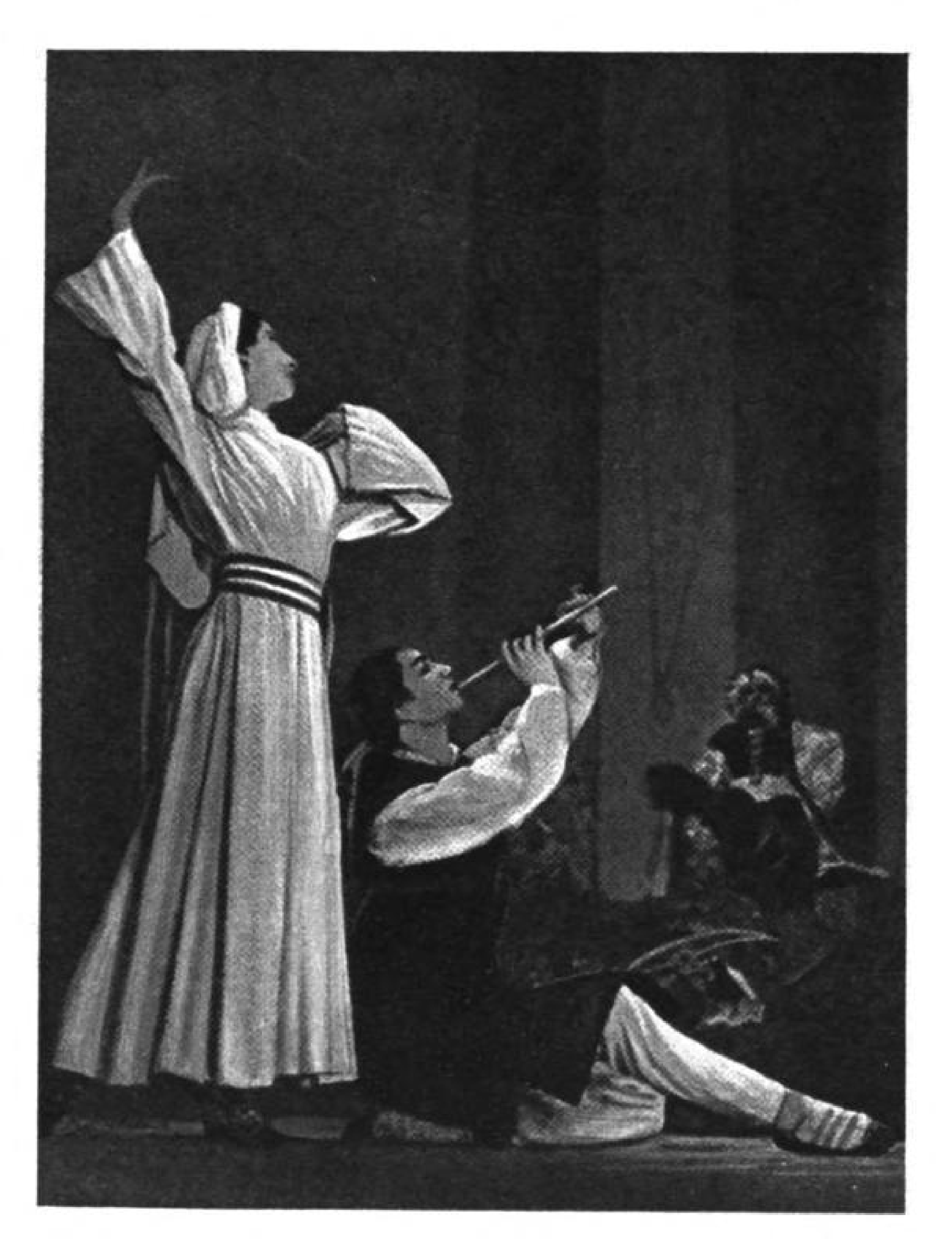
— Пьеса была очень слабая,— говорил Христич,— но музыка ее как-то сразу сделала меня известным.

Христичу тогда было 22 года. Он родился в 1885 году в Белграде. Отец его, по профессии дипломат, а по призванию литератор, автор популярных в свое время «Записок старого белградца», с детства начал учить сына игре на скрипке. Потом в музыкальной школе Христич изучал гармонию у Стевана Мокраньца. Он продолжил свое образование в Лейпциге и совершенствовался в Риме, Москве и Париже.

По возвращении из-за границы в 1912 году Стеван Христич работал в Народном театре в Белграде, сначала как дирижер, а позже директором оперы. Со дня основания Музыкальной академии в Белграде он был в ней профессором композиции и инструментовки. По инициативе Христича основана Белградская филармония, и он ряд лет оставался ее руководителем. Сейчас Стеван Христич — председатель Союза композиторов Сербии и действительный член Сербской академии наук.

Кроме «Охридской легенды», широко известны его музыкальная драма «Сутон» («Вечерние сумерки»), которая написана по сюжету дубровнической трилогии И. Войновича, увертюра «Сербская мать», музыка к драмам Шекспира и комедиям Мольера, к драматизированному роману Яши Игнатовича «Вечный молодожен». Из симфонических произведений Христича популярны «Поэма зари» и «В деревне», рапсодия для рояля с оркестром и фантазия для оркестра, скрипки и рояля. Он написал также ораторию «Воскресение» и много песен на тексты югославских поэтов. К этому еще надо добавить его музыку для кинофильмов «Софка» и «Я была сильнее». И все же самым значительным произведением Христича, по его собственному и общему признанию, является «Охридская легенда». О ней мы и попросили композитора рассказать на страницах «Огонька».

А. ВАРШАВСКИЙ

Сцена из спектакля «Охридская легенда» в постановке Белградского Народного театра.

„Охридская легенда"

Стеван Христич.

Большое счастье и честь для меня то, что мой балет «Охридская легенда» будет поставлен в таком известном своим высоким мастерством музыкальном коллективе, как Московский театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Это будет первая постановка моего балета за пределами нашей страны, осуществленная не нами.

Содержание «Охридской легенды» навеяно народными легендами. Основное в ней — рассказ о рождении голубя. Я слышал этот рассказ еще в детстве от матери, и с тех пор он глубоко врезался в память.

Еще в раннем детстве я познакомился с нашим великим народным эпосом: отец читал нам, детям, поистине прекрасные народные сказы. Уже в то время я полюбил и почувствовал красоту и величие народной поэзии, а позже мне стала близка и народная музыка. В этом я и нашел свое призвание. И хотя содержание моего балета фантастично и легендарно, некоторые его герои, мне кажется, имеют реальные черты живых людей с их радостями и печалями.

В «Охридской легенде» из фольклора заимствовано несколько мелодий, которые служат в качестве темы для музыкальной разработки.

Я надеюсь, что «Охридская легенда», которая в белградской народной опере показывалась более 200 раз (не считая семи других театров, которые ее ставят), заинтересует и московскую публику.

Стеван ХРИСТИЧ

Copyrighted material

В родные места, к мирному труду!

Стучат колеса.. Поезда увозят солдат домой, в родные места. Идут первые эшелоны с воинами, увольняемыми из армии. Как известно, Советское правительство приняло важное решение: в срок до 1 мая 1957 года вооруженные силы Советского Союза будут сокращены на 1 200 тысяч человек сверх уже проведенного в 1955 году сокращения на 640 тысяч человек. Наша страна вновь показала, что она на деле является искренним и последовательным поборником мира.

Расформировываются дивизии, бригады, училища. Вчерашние солдаты едут в Донбасс и Казахстан, в Сибирь и на Дальний Восток — туда, где так необходимы мирным стройкам тысячи и тысячи умелых рук.

Фото В. ТЕМИНА.

Командир подразделения гвардии майор Г. Коляда прощается с Ю. Борцовым, Р. Евстроповым, Н. Широбоковым и В. Матвеевым, которые в числе первых покидают свою часть. ←

→ Сержант К. Маслов служил в одной из частей Группы советских войск в Германии. Там он женился и теперь, уволившись из армии, возвращается домой с семьей. На руках его жены Зои Александровны дочь Масловых — Татьяна.

УЧЕНЫЕ-АТОМНИКИ ГОВОРЯТ О МИРЕ

Каждое утро к подъезду гостиницы «Москва» подавались два весело раскрашенных автобуса. В машинах размещалось несколько десятков человек, оживленно разговаривающих на разных языках. Это были гости советской науки, крупные ученые из Англии, Франции, США, Китайской Народной Республики, Польши, Италии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Швеции, Египта, Индии, Югославии, Голландии, Швейцарии, ГДР и ФРГ, Австралии, Кореи, Канады, Венгрии, Норвегии.

Они приехали в Москву, чтобы участвовать во всесоюзной конференции по физике частиц высоких энергий. Эта конференция, длившаяся больше недели, приковала к себе пристальное внимание мировой научной общественности.

Мы беседовали с некоторыми из иностранных ученых. Все они очень высоко оценивают значение конференции для развития науки. Но никто из наших собеседников не ограничивался только этой стороной дела. Они говорили о том, что подобные встречи людей из разных стран увеличивают взаимопонимание между народами и уменьшают подозрительность.

В беседах, естественно, возникал разговор о том, как наши гости оценивают последнее Заявление Советского правительства по вопросу о разоружении, опубликованное во время пребывания иностранных ученых в Москве. Вот что ответили наши собеседники.

Ж. Л. ДЕЛКРУА, французский ученый:

— Я думаю, что все народы ждут таких практических мер, какие предприняло Советское правительство. Все хотят убедиться, что изменения в мире происходят не только на словах, но и на деле. Это, разумеется,— лишь начало. Но практическое начало.

Р. Е. ПАЙЕРЛС, профессор Бирмингамского университета:

— Всякое сокращение вооруженных сил надо приветствовать.

Индийский ученый **М. Г. К. МЕНОН**:

— Решение вашего правительства — серьезный шаг в сторону укрепления мира. Все народы ждут таких мероприятий.

Мы спросили г-на Менона, каково его мнение о заявлениях некоторых деятелей на Западе, утверждающих, будто сокращение советских вооруженных сил — это не мероприятие в сторону мира и что миллион двести тысяч человек будут использованы... для производства атомных бомб.

М. Г. К. Менон ответил:

— Видите ли, каждую вещь можно рассматривать по-разному. Все зависит от точки зрения и от того, в чем заинтересован человек. Если некоторые люди заинтересованы в подозрительности, то они и говорят так. Я лично глубоко убежден, что действие Советского правительства направлено в сторону мира.

А. Б. МИЛОЕВИЧ, югославский ученый:

— Я убежден, что народы СССР, как и все народы земного шара, желают мира, и если начинание Советского Союза будет поддержано другими странами, то огромные силы будут использованы для мирного развития человечества. И будет очень хорошо, если освободившиеся руки и средства будут применяться для использования атомной энергии в мирных целях.

Г. БОРОВИК

Copyrighted material

Ландыши НА СКАЛЕ

Иван ГОРЕЛОВ

Фото И. Тункеля.

Автобус шел в Ереван.

Прозрачный, похожий на стеклянный баллон, он неторопливо катился по витой горной дороге.

Был уже вечер. За стеклами проносились металлические телеграфные столбики, одинокие кусты, мохнатые от сумерек, черные громады скал.

А в небе среди густеющей просини, прощаясь с невидимым солнцем, горделиво маячила заснеженная макушка Арарата — гигантский шатер из отбеленного полотна.

Огибая базальтовый кряж, дорога вилась у самой закрайки обрыва и крутыми зигзагами поднималась к перевалу.

На отлогой прохладной седловине перевала — короткий отдых. Пассажиры, кутаясь в плащи, любовались огнями, которые бесчисленно роились внизу.

Огни лежали в ущельях звездной россыпью, мерцали на дальних холмах, будто вымытые вешней водой алмазы, белыми кострами горели в селениях.

— Вы посмотрите сюда, посмотрите: мириады огней! Будто звезды упали на землю! — восторгалась белокурая девушка, впервые ступившая на холмы Армении.

А мой сосед, майор Асланян, всю дорогу любезно называвший нам реки, ущелья и горы, молчаливо смотрел на оранжевые гроздья огней. И когда уже снова тронулись в путь, он пояснил:

— Золотая севанская водица...

Не все поняли значение этой фразы, но переспрашивать никто не стал: в низине уже виднелось зарево Еревана...

...Утром мы были в селении Армавир, что лежит в орошаемой части Араратской котловины. Здесь много еще строений с плоскими глиняными крышами. Но и новые домики с покатыми черепичными крышами не редкость. И повсюду столбы с белыми фарфоровыми изоляторами.

Старый колхозник Баграт Маркарян, с гордостью показывая на сбегающие к его домику провода, говорил:

— О, света у нас теперь много... Столько света в бурдюках не привезешь...

— В каких бурдюках?

— Это тяжелый рассказ. Тяжелее вот этого камня...

Старик положил лопату на край арыка, присел на нагретый солнцем валун. Кустистые, с проседью брови его разметались широко, будто крылья птицы. Видно, нелегко было ему вспоминать прошлое.

...Едва лишь таяли сугробы на ближних перевалах, как с берегов Каспийского моря приходили в долину торговые караваны. Верблюды шагали по каменному крошеву гуськом, неся на горбах пухлые бурдюки с черной «нафтой».

Караван приносил в селение маленькую радость. Погонщики верблюдов располагались в тени тополей и глиняными ковшиками отмеряли драгоценную горючую жидкость, получая за нее продукты и деньги. Крестьяне запасались «черным светом» на целый год. Кто побогаче, уносил керосин в бурдюках, а бедные — в щербленых кувшинах.

Под вечер караван уходил дальше, печально позванивая ржавыми колокольцами.

Но даже слепыми, безлунными вечерами редко в каком окошке светился огонек. Крестьяне старались управиться засветло, и керосин сберегался для самых неотложных случаев...

— Нафта — это плохой свет... Черный свет... А теперь у нас даже радиоприемники есть. Почти в каждом доме! — радостно заканчивает Баграт Маркарян.

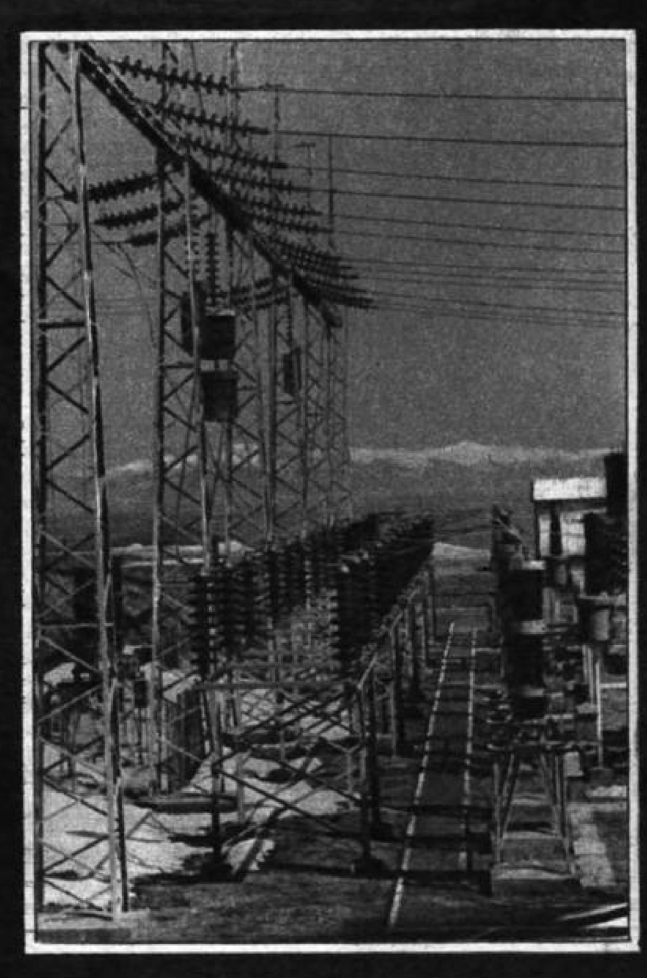
Над селением возвышается безверхая столетняя белолистка. Гнезда аистов расположены на ней хворостяными этажами: одно над другим. Их более десяти. Аисты уже прилетели и поселились в этом высотном строении, и мы смотрим, как они, неуклюже растопырив крылья и оттолкнувшись от сучка, поднимаются в небо.

— Здравствуйте!.. Светлой жизни вам, — кланяется бабушка Шагинян. — Это мое дерево с гнездами. Мое собственное... Много таких деревьев было в нашем селении, десятка три. И, знаете, на дрова порубили. Я тоже хотела свою белолистку на дрова срубить... А потом подумала: а куда же прилетят аисты? Ведь они всему колхозу счастье приносят...

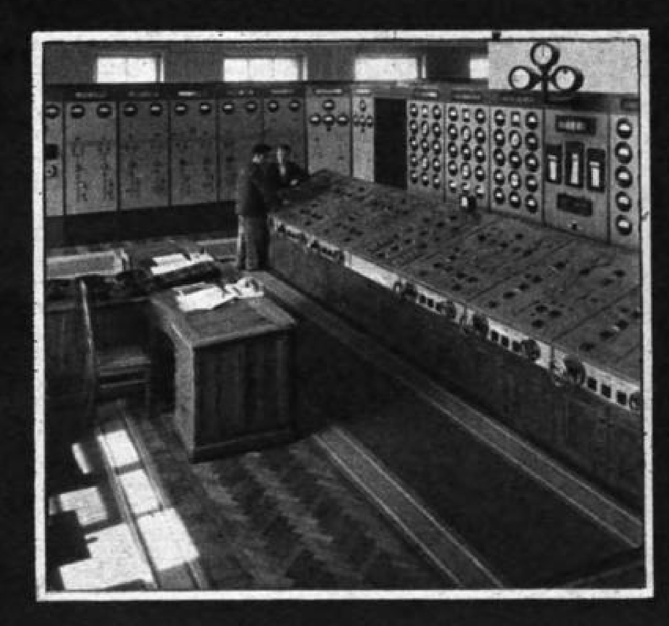
В Айгешате нам показали электрическую мельницу и лесопильную раму. Мы долго любовались колхозным гаражом, мастерские которого оборудованы новыми электростанками.

— Электричество — самый надежный помощник в наших колхозах. И настолько уже привыкли к нему... Что бы ни строили, непременно прикидывают: «А нельзя ли поставить электрический двигатель?» Знают, что это самый дешевый работник, — рассказывает Виктория Мануковна Арутюнян, секретарь Октемберянского райкома партии по зоне МТС.

Все колхозы Октемберянско-

Подстанция Севанской ГЭС.

Пульт управления Канакерской ГЭС.

Copyrighted material

го района электрифицированы. Электрические мельницы имеются в Октемберяне, Бамбакашате, Мргашате и других селениях. Электричество качает воду из артезианских скважин, режет корнеплоды на животноводческих фермах, приводит в движение сотни моторов, станков и агрегатов.

— И все это севанская вода, — заключает Виктория Мануковна.

Подлинный и точный смысл этих слов нам удается понять лишь в институте «Армгидроэнергопроект», в Ереване.

Здесь, в одной из комнат, висит на стене зеленая карта Севанского каскада.

Ярче слов рассказывает она о большой работе ученых и инженеров, умножающих энергетические богатства республики.

Директор института Акоп Арутюнович Манукян и начальник сектора Сурен Асатурович Вартанов страницу за страницей раскрывают историю «севанской проблемы».

Двадцатый съезд партии поставил перед трудящимися республики новые задачи. Выработка электрической энергии, а следовательно, и выработка промышленной продукции, будет значительно увеличена.

— Много придется поработать нашему красавцу Севану! Поезжайте-ка в Арзни. Там строится новое звено Севанского каскада — подземная гидроэлектрическая станция, — советует Акоп Арутюнович.

И мы едем.

По дороге старший инженер Григорий Карпович Вартанян рассказывает историю больших исканий, историю использования километрового падения севанской воды.

Нелегко решалось это уравнение с многими неизвестными. Были голоса «за», но были и «против».

Армения — это горы. Мертвый базальтовый грунт. Куда ни посмотришь, — камень. Копнешь в ущелье илистую рыжую корку, а под ней все тот же бесплодный камень.

Где взять воду? Где взять электрическую энергию?

Может, запрудить горные реки — Раздан, Дебет, Воротан, — наполнить до краев новые водоемы щедрыми весенними потоками и построить при плотине гидростанции и каналы?

Но каменные ложа ущелий пропускают воду, словно треснувшие кувшины.

И взоры ученых, исследователей, инженеров и строителей невольно обратились к озеру Севан.

Лежит оно высоко. Огромное голубое зеркало превышает уровень Черного моря на 1 916 метров. С севера обрамляют его хмурые скалы Гюнейского хребта.

Двадцать восемь речушек наполняют эту горную чашу чистой водой, которой скопилось здесь около 60 миллиардов кубических метров.

Значит, освобожденные из многолетнего плена потоки могут взять стремительнейший разбег и вращать не одну гидротурбину.

Так и было решено...

Арзни — курортное местечко. Здесь Раздан — единственный питомец Севана — пробил за столетия крутую глубокую расщелину, оголив высокие колонны столбчатого базальта.

Люди врубаются в самое основание отвесной стометровой скалы. Уже пробит просторный туннель, из которого один за другим выезжают нагруженные камнем самосвалы. Выбраны тысячи кубометров камня, и под землей, в скале, освещенная десятками переносных фонарей, зияет высокая пещера — камера для подземного здания будущей станции. Здесь разместится несколько этажей.

Снуют машины с бетоном, скрипит лебедка, поднимающая вагонетку из пасти колодца. Проходчик напорной шахты Грант Мелконян осторожно «обрабатывает» в туннеле базальтовый столб. О, это коварный камень! Стоит подрубить основание — и рухнет вниз вся многотонная махина. Столбы базальта не скреплены между собой даже под землей.

Грант Мелконян, прежде чем вонзить в расщелину жало пневматического молотка, долго осматривает весь участок, стучит по камню, отгадывая его «характер», проверяет расслоения горных пород.

— Капризный камень. Как стекло, крошится, — поясняет проходчик, подготавливая для работы очередной участок.

А в нескольких километрах от пещеры — ближе к озеру — сооружается плотина для новой станции. Плотина поднимет воду на много метров, чтобы направить ее по туннелю и на орошение высокогорных полей и на турбины станции.

Опытные, бывалые строители сооружают ее. Здесь трудятся бетонщики Торгом Степанян, Агван Степанян, Аветик Аветисян, плотник Урфан Сукиасян. Все они много лет работали на строительстве соседней Гюмушской станции и принесли сюда большой опыт.

— Пришли мы на это место первыми, летом 1953 года. Глубокое голое ущелье. А Раздан внизу бесится — только пена столбом взлетает. Сперва сделали строительный туннель, потом перемычку... Одним словом, так же, как и на Гюмуше, — рассказывает старший прораб участка Жирайр Ервандович Гюрунян.

Смуглое открытое лицо его выражает беспокойство. Он то и дело оглядывается по сторонам, стараясь не отрываться от слаженного ансамбля работающих.

В подающей трубе едва не застыл бетон. Гюрунян срывается с места, отключает крайнее звено трубы — и опасность миновала.

Во время перерыва Жирайр Ервандович рассказывает о себе.

Родился в 1918 году в Турции. Долго скитались по Болгарии, а в 1933 году семья прибилась к родному берегу. Все приехали в Ереван — и мать Роге и брат Нубар... Окончил политехнический институт и вот уже десятый год строит гидроэлектрические станции.

Он говорит коротко, конспективно, то и дело поглядывая на часы:

— Видите, какое хозяйство у нас! Наверху целый бетонный завод соорудили. И, знаете, бетон теперь из местного материала делаем. Пемзовый щебень нашли и хороший песок. И совсем рядом. А какая экономия, представляете? Миллионы рублей...

И действительно, вокруг плотины — целый городок. Хрипло шипит компрессорная установка, железные леса поднимаются до уровня будущей плотины ажурной оградой, резиновые кабели сползают с камней, словно синие змеи. Плотники строгают фигурную крышку, чтобы оставить в бетоне люковое отверстие.

— Большое хозяйство? — угадывает нашу мысль Жирайр Ервандович. — А вот когда построим станцию, здесь будет чисто и красиво. Только новое озеро будет плескаться в этом ущелье... Так было и на Севанской ГЭС. Вы ее не видели? О, это головная станция! Там зарождается наш каскад...

Именно каскад. Больше никак не назовешь эту схему непрерывного кочевания и падения озерной воды.

Упрощенно о ней можно рассказать несколькими словами. Безнапорные деривационные туннели и открытые каналы уводят от плотины присмиревшую воду Раздана по обочине сбегающего вниз ущелья. Уводят на несколько километров и как бы поднимают ее над местом сооружения гидроэлектрической станции.

Вода собирается над пропастью в напорном бассейне и уже отсюда по огромным железным трубам — турбинным водоводам — низвергается на десятки метров, чтобы вращать турбины.

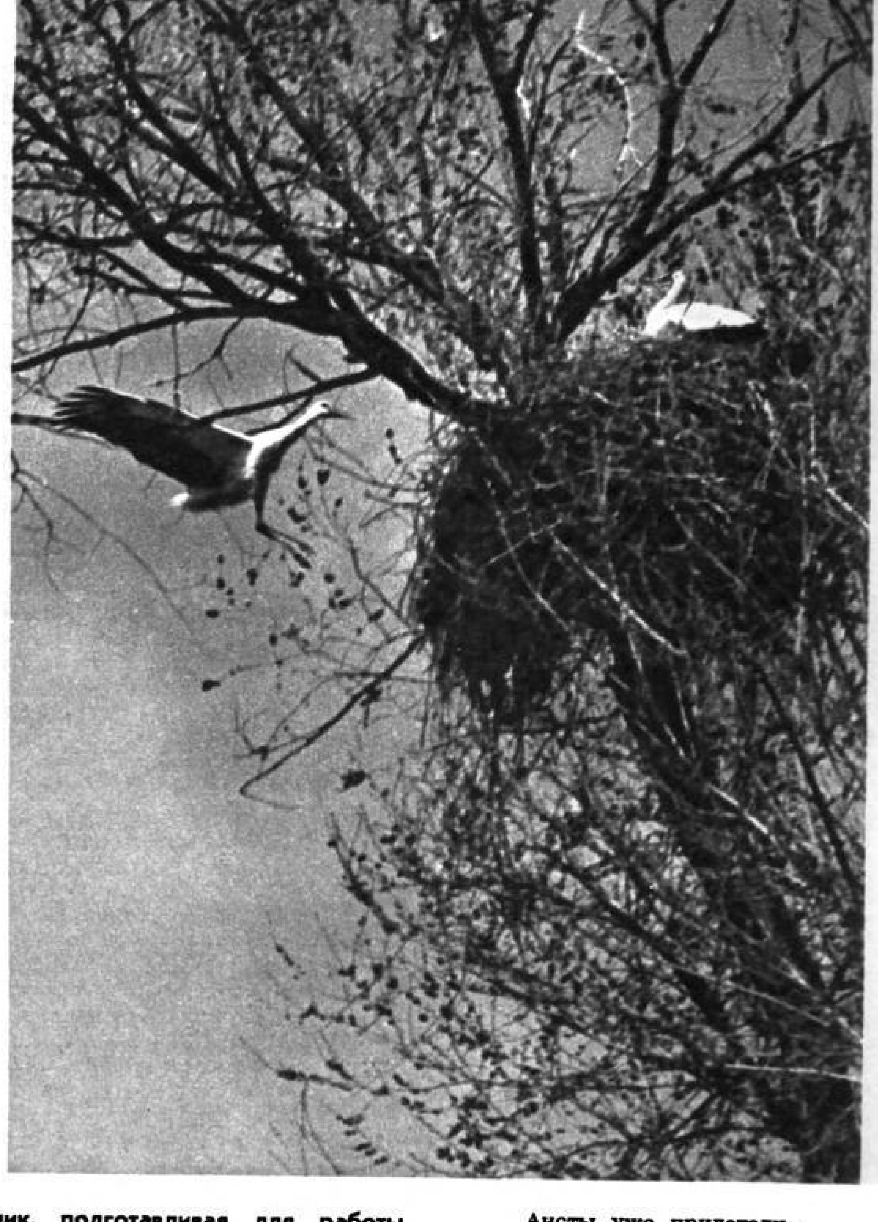
Из здания станции вода снова стекает в русло Раздана. Но вскоре путь ей преграждает новая

Проходчик напорной шахты Грант Мелконян.

Старший прораб Жирайр Гюрунян.

Аисты уже прилетели...

Copyrighted material

плотина. Новые обводные туннели и каналы. Новые турбины. И так — многократно.

К Севанской станции мы подъезжали уже под вечер. Внизу бугрились под ветром лиловато-зеленые волны необозримого озера.

На высокой площадке за железной оградой несколько небольших подсобных зданий. Посредине скверика — каменная беседка. А где же здание станции?

Анатолий Флорович Максимов лукаво улыбается и ведет нас к беседке. Беседка оказывается «волшебной», и на глубинном лифте мы неожиданно проваливаемся под землю.

В «подземном царстве» — на большой глубине — идеальная чистота. Мягкий «дневной» свет озаряет высокое помещение. Приглушенно гудят турбины, ритмично вздрагивая от напряжения. Вода к ним подается непосредственно из озера по специальному водоводу.

Уходит же она из подземного помещения бурным темносиним потоком по семикилометровому туннелю и на воле порождает то, что называют Разданом. Наружного выхода реки из озера Севан больше не существует.

Во всем помещении лишь один дежурный. Куда ни посмотришь, зеленые, красные и желтые глазки — световая сигнализация.

И самое интересное: турбины включаются или останавливаются с диспетчерского пункта, находящегося от станции за несколько десятков километров.

Так вот где рождаются мириады огней, которые озаряют бесчисленные дороги, долины, селения и города Армении!

Мы поднимаемся на поверхность. Уже стемнело. Слышно, как плещутся внизу волны богатыря Севана.

А в отдалении на высокой скале пламенеют многочисленные электрические лампочки, повисшие над родившим их озером причудливыми соцветиями.

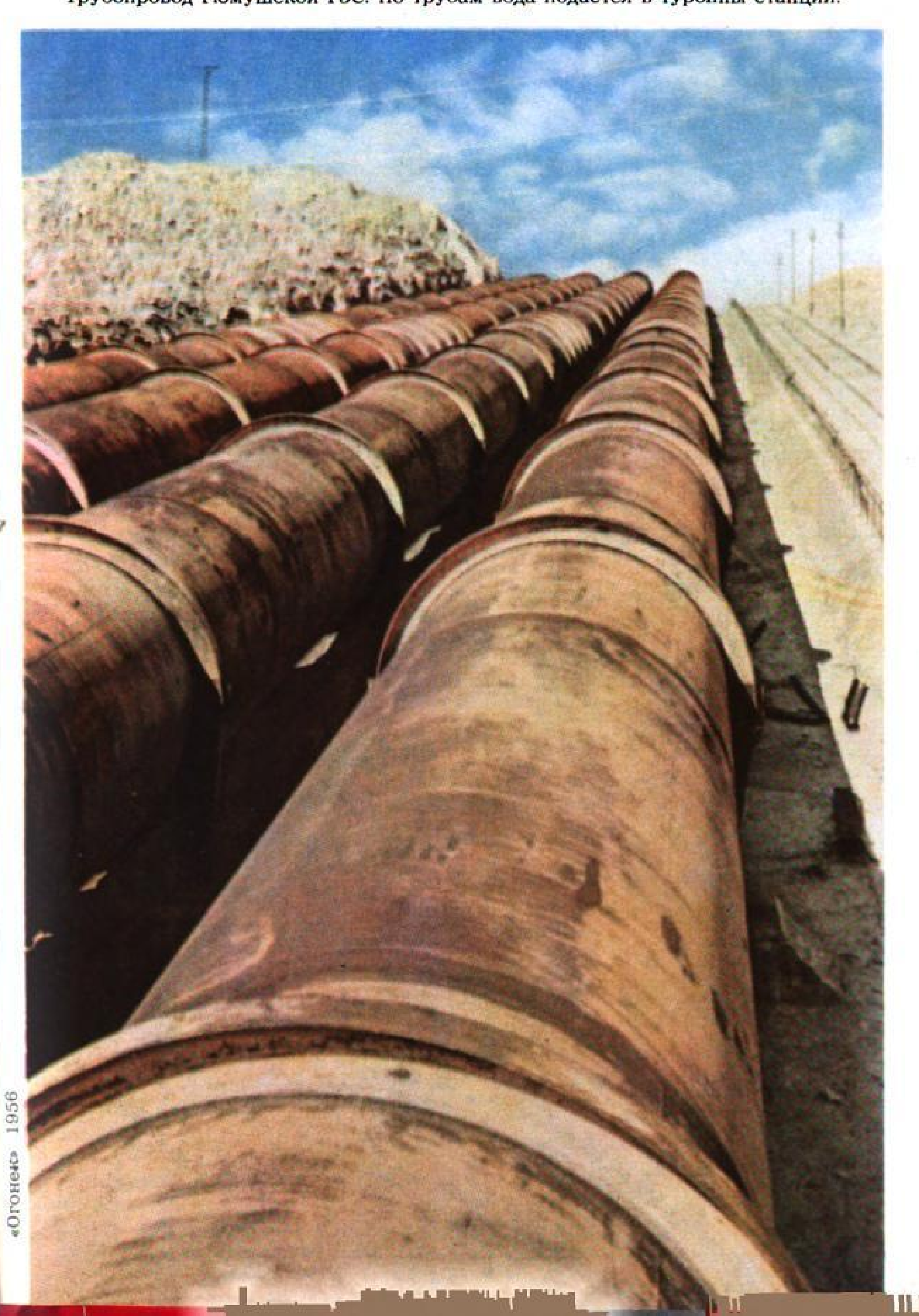
— Посмотрите, что напоминают эти гроздья? — прощаясь, говорит начальник станции.

Мы смотрим в сторону вытянутой его руки и видим ландыши... Хрустальные ландыши на скале!

г. Ереван.

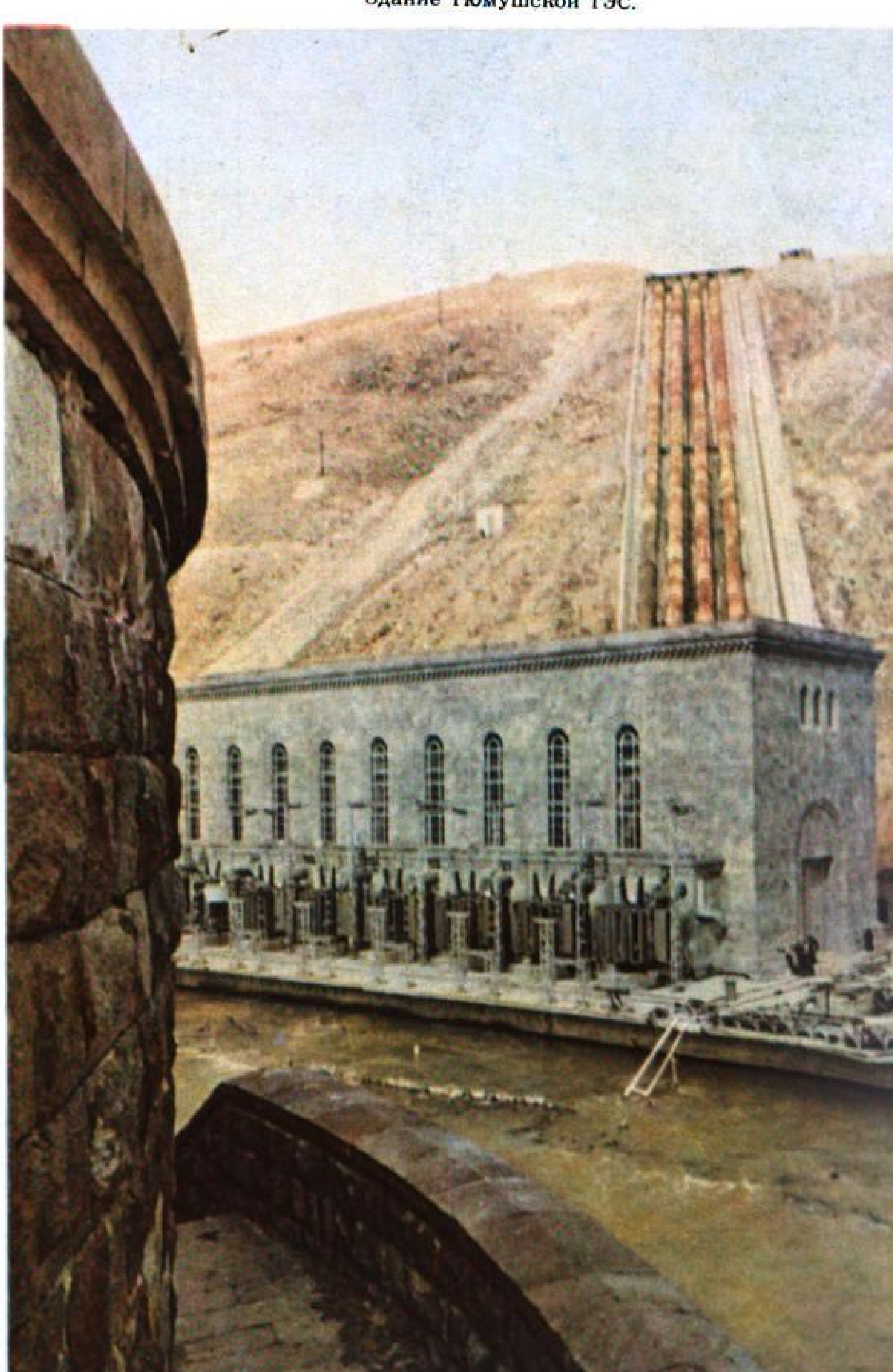

В нескольких километрах от Арзни сооружается плотина и туннель.

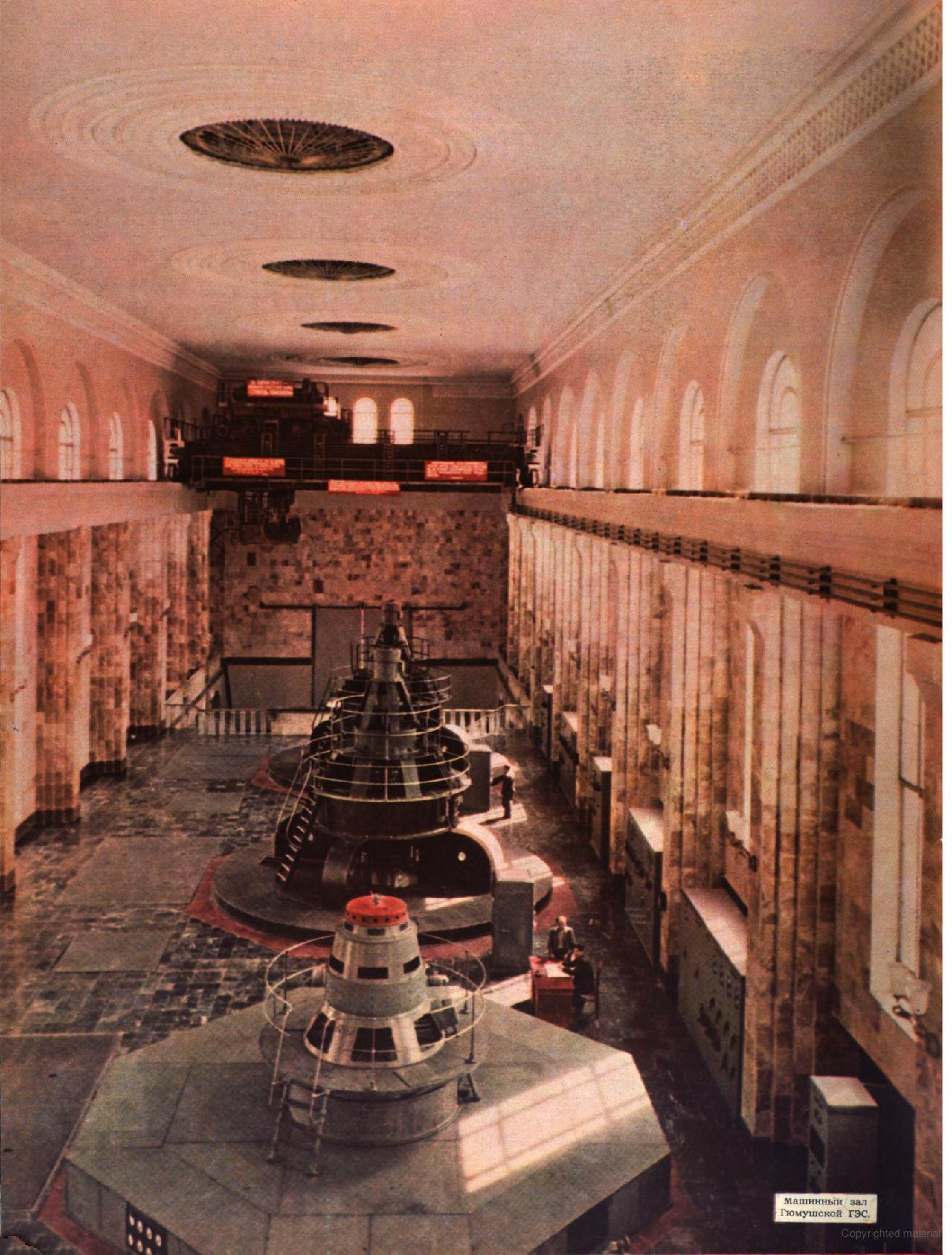

Грубопровод Гюмушской ГЭС. По трубам вода подается в турбины станции.

Здание Гюмушской ГЭС.

Машинный зал Гюмушской ГЭС.

Copyrighted material

Повесть

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Молодым людям свойственны порывы и желание в двадцать четыре часа переделать все так, как им кажется нужным,— говорил Аюб Хуссейн, раскуривая толстую сигарету крепкого черного табака; сигареты делались для него специальным знатоком, табачным мастером, который в молодости делал такие же сигареты для его отца.— А между тем как раз ни одна из проблем, стоящих перед нами, не решается ни в год, ни в два года... Мы не можем оставаться страной, поставляющей на мировой рынок только сырье. Что происходит сегодня? Мы продаем Индии, например, джут по сто рупий за тонну. Она продает его любой нуждающейся в джуте стране, в Южную Америку, скажем, по цене, в три раза большей. Эта южноамериканская страна, получив джут, охотно отдает Индии свой сахар, отдает дешево, так как ей некуда его девать. Мы покупаем у Индии этот сахар и платим вдвое дороже, чем он стоит. Так мы получаем страшный убыток, приблизительно в полмиллиона рупий. Мы должны преодолеть эту зависимость. Для этого нам надо работать с засученными рукавами. Надо улучшать обработку земли, надо дать волю промышленности. У нас после раздела осталось всего только двадцать хлопчатобумажных фабрик, а у Индии их восемьсот, у нас фабрик, обрабатывающих джут, не больше, чем пальцев на одной моей руке, а в Индии их свыше сотни. Мы должны стремиться повысить жизненный уровень населения, изжить голод, дать выход предпринимательским силам, разрыть наши недра. Этого не сделаешь никакими демонстрациями и никакими лозунгами. Надо всем сотрудничать с правительством и верить, что им руководят добрые намерения...

Фазлур слушал терпеливо. Он прекрасно знал этот сорт просвещенных коммерсантов, так легко говорящих о самых трудных проблемах народной жизни. Их воображение мчится, как машина по асфальтированной дороге, и не хочет остановиться. Зачем же сворачивать на проселок, где тебя ждут неприятности с первых шагов? Временами он ловил умоляющий взгляд Нигяр, очень боявшейся, что невоздержанный Фазлур в минуту разрушит все ее планы и погубит дело своим безжалостным отпором увлекшемуся Аюбу Хуссейну.

Но Фазлур молчал, и его молчание можно было истолковать как знак почтительного внимания. Аюб Хуссейн продолжал, сев на своего конька:

— Мы еще только начинаем свою историю. И уже сегодня мы не можем не привлечь к себе внимания со стороны других исламских стран, потому что для каждого мусульманина наша страна является вдохновляющим примером, стоя во главе исламского мира.

Потушив сигарету о край узорной белорозовой раковины, служившей пепельницей, он повернулся всем телом на низком диванчике и сказал, стараясь быть как можно более торжественным:

— Задача молодого поколения заключается в том, чтобы, овладев всеми современными знаниями, работать на пользу народа. Молодежь должна проникнуться всей сущностью ислама, поверить в то, что сила духовного преображения страны лежит в идее халифата. Я не говорю,— он потряс своей мягкой, но властной рукой с короткими пальцами, на которых блеснули кольца,— что мы должны остаться фанатично ограниченными людьми. Да, среди нас есть и такие, которые не отделяют прошлого от будущего. Я говорю о том, что мы вдохнем новое содержание в древнюю идею, ну, скажем, так же, как Англия, создавая свою мировую империю, не копировала ее с древнего Рима. Но это станет возможным, если будет достигнуто подчинение своей личной жизни и жизни народа новым истинам, имеющим силу народной, вековой традиции. В этом единстве нации мы поведем за собой все мусульманские страны Востока.

Он сделал передышку и отхлебнул из маленькой любимой зеленой чашки густого, ароматного чаю, сложил ручки на животе и смотрел на Фазлура веселыми и довольными глазами, как будто полдела уже сделано.

Тут Фазлур сделал свой первый дипломатический ход, чтобы не ввязываться в скучные и ненужные ему споры с этим торжествующим, самодовольным философом. Он сказал:

— Ваша последняя статья о новом звучании ислама полна глубоких мыслей и имеет среди студентов несомненный успех.

Аюб Хуссейн покраснел от удовольствия:

— Я так и думал. Мне очень приятно это слышать. Вы согласны, что в этом направлении и нужно работать отцам и детям? Зачем мы будем углублять небольшую траншею наших естественных разногласий, допустимых противоречий до размеров борьбы, до размеров национального бедствия? Мы должны объединить свои усилия на пользу народа, который только что освободился от самого тягостного ига в своей истории. Для молодых людей должно быть незабываемым то священное воспоминание ислама, когда из глубины Аравии явились такие свежие, такие молодые силы, что в самое короткое время они уже штурмовали слабую Европу, которая не могла им ничего противопоставить. Если бы французы проиграли битву с арабами, когда те ворвались во Францию, в Кембридже и Оксфорде сегодня бы носили тюрбаны и изучали коран и муэдзин кричал бы с башни Тауэра на весь Лондон. Чего нет, того нет. Но сегодня есть плод нашей борьбы и победы: исламский Пакистан. Пакистан — какое имя! Как чудно нашел это название наш златоголосый Икбал[1]. Разве отсюда не может родиться великий порыв новой энергии, который увлечет всех мусульман? И не надо выдумывать ничего нового. Душа человека одна во все века, так же, как и коран один. И прав был Омар, наш великий халиф, когда на просьбу Магомета дать ему перо, чтобы написать последнее послание на ложе смерти, сказал пророку, что пера он не даст, так как добавлять ничего не надо: «Нам довольно божьей книги».

Его красноречие иссякло. Он допил чай, отодвинул чашку, и тут Нигяр поняла, что наступила решающая минута. Она боялась посмотреть на Фазлура и горько упрекала себя за то, что поставила его в такое положение. Чем он может ответить? Он сейчас разразится самым непристойным детским смехом, и Аюб Хуссейн выгонит их обоих из своего дома.

Но Фазлур, согнав тень мгновенной веселости со своего смуглого решительного лица, сказал тихо:

— Но ведь иностранцы не позволят нашей стране стать сильной, и они помешают всем тем высоким планам, о которых вы так прекрасно говорили сейчас, а значит, и всему развитию Пакистана. Что делать нам, чтобы они под видом друзей не присвоили себе наших богатств?..

Одну минуту Аюб Хуссейн недоумевающе гладил переносицу, сняв свои большие очки, потом протер их шелковым платком, и вдруг его помрачневшее лицо оживилось, точно он вспомнил что-то, о чем забыл сказать. Он оставил ораторский тон и сказал очень просто:

— Я стою за самые широкие торговые отношения со всеми странами. И когда я говорю о коране, не надо понимать меня, что я призываю завтра завоевывать земли наших соседей, проникнуть до Каспийского моря и вернуться в Дели. Я хочу мобилизации духовных и физических сил. Иностранцев мы должны терпеть. Я скажу, что не люблю англичан, я бы никогда не хотел видеть иностранца, который на моей земле диктует мне свои условия, но я бы всегда приветствовал его как торгового гостя. Что касается иностранцев-предпринимателей, то мы позволим им искать у нас минералы и нефть, ставить заводы, но чтобы они сами не распоряжались ни нашим сырьем, ни валютой, которую мы не дадим перекачивать за границу.

Мы учредим над ними такой контроль, что они не смогут наступить нам на горло. Мы будем строго следить за их действиями. Мы отличаем иностранцев от иностранцев. Тех, кто враждебен нам и хочет нас снова закабалить, мы отделим от тех, которые приходят с открытой душой и способствуют культурному общению, не имея никаких тайных намерений. Таких иностранцев наш старый закон гостеприимства требует принимать как дорогих гостей, и этому закону мы остаемся верны. Дорогой Фазлур, ты сам убедишься в этом, когда будешь сопровождать нашего гостя — американского ученого, путешественника, которого зовут Фустом. Это очень большой знаток азиатской природы и нашей страны в частности. Он прекрасно знает Кашмир. Он смелый человек, он горовосходитель. Как раз это натура, противоположная империалисту. И надо, чтобы побольше таких людей бывало у нас.

Воспользовавшись поворотом разговора, Фазлур отвечал со сдержанной вежливостью:

— Я буду вам чрезвычайно благодарен, если услышу немного о его намерениях, чтобы суметь устранить все препятствия и помочь ему в исполнении его желаний...

— Я не знаю подробно, что он хочет увидеть. Но он будет путешествовать до Читрала...

— Он едет в Читрал? — спросил Фазлур.— В самый Читрал?

— Кажется, да. Ну, он будет фотографировать, ему нужны снимки пейзажей, быт, люди, занятия. Он это делает для передовых американских научных журналов. Он, наверно, захочет говорить с местным населением, возможно, захочет поохотиться, посмотреть Тирадж-мир. Я не имею представления, что это за края. Я никогда там не был.

— Он хочет совершить восхождение на Тирадж-мир? Но еще ни один человек не мог его победить... Я читал в газете, что норвежцы собираются взойти на него...

— Я ничего не читал про норвежцев,— сказал Аюб Хуссейн,— но ты ведь хорошо знаешь те горы.

— Я там родился,— сказал Фазлур.— Я сын старого охотника и очень благодарен вам, что вы даете мне возможность сопровождать такого большого человека.

— Я тоже очень рад,— сказал Аюб Хуссейн, бросив взгляд на взволнованно следившую за беседой Нигяр. «О, между ними, несомненно, что-то больше дружбы,— подумал Аюб Хуссейн,— и очень хорошо, что я отошлю его подальше в горы, а потом посмотрим, что это за явление, которое пока что мне не очень нра-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19, 20, 21, 22.

[1] Икбал — известный поэт, писавший на языке урду.

Copyrighted material

вится. Это скрытный человек. Что у него на уме, не разберешь. Пусть уезжает подальше и поскорей...»

— Что ты скажешь, Нигяр? Ты видела господина Фуста, и он, кажется, на тебя произвел впечатление. Может быть, ты тоже хочешь поехать в горы?..

Нигяр, застигнутая врасплох, покраснела и сказала в ответ:

— Господин Фуст — очень опытный рассказчик, такой же, как и турист. Его можно слушать, сколько угодно, но в горы я не очень хочу...— Она засмеялась.

— В горы тебе не нужно ехать,— сказал Аюб Хуссейн,— ты слаба для гор. В горы должны идти такие дети гор, как Фазлур,— «и не спускаться с гор»,— хотел он добавить, но удержался.— Я скажу американцу, что он получит замечательного шофера-солдата и чистокровного горца. Хороших встреч и счастья в пути!

Когда Аюб Хуссейн простился и покинул комнату, заявив, что ему время ехать в один дом по делу, Нигяр сказала Фазлуру:

— Я так боялась, что ты станешь ему противоречить и все погибнет...

— Он сумасшедший, — отвечал Фазлур. — В его голове полное смешение всех несоединимых вещей. Я сдерживался, как ты видела, сколько мог. Если бы не ты, я устроил бы сегодня вторую тамашу, как там, на старой улице.

— Тсс! — Нигяр шутливо приложила палец к губам.— Ты не прав, он не сумасшедший, он хитрый, очень хитрый человек. Меня он искренне любит, как родную дочь, но он не добр к людям. Он любит показать себя демократом, но он тут же будет доказывать, что ислам — самая демократическая религия на свете. «Посмотрите на ее обряды или войдите в мечеть. Никаких украшений, мешающих сосредоточению, никаких излишеств культа». О, он может много и долго говорить, Фазлур!

Он взглянул на нее, и ему стало не по себе от ее острого, напряженного взгляда. Она положила свои руки ему на плечи и сейчас же, словно испугавшись, сняла их. Она взялась за край стола и стояла в оцепенении. Потом оно сбежало с нее, она кусала губы, точно то, что она хотела сказать, было мучительным и вместе с тем от этого нельзя было уклониться.

— Фазлур! — выговорила она с глубоким вздохом, беря его за пуговицу. — Фазлур, мне очень тревожно. Не нужно тебе ехать с этим американцем. Не надо тебе быть с ним, не надо... Я не хочу...

— Нигяр! — воскликнул Фазлур, чувствовавший себя неуютно в этой чужой и тихой комнате. — Что ты говоришь? Почему я не должен ехать, скажи? Почему тебе тревожно? Ты что-то знаешь?

— Фазлур, нет, я не могу сказать...

— Нигяр, если это так серьезно, я должен все знать. Зачем мы вели этот разговор с ним?.. — Он не хотел произносить имени хозяина дома.

— Я не могу от тебя скрыть, Фазлур. Ты поедешь с тем человеком, с американцем, по чьему слову отдан приказ об аресте Арифа Захура...

— Не может быть! Ты ошибаешься, Нигяр! Откуда ты это знаешь?

— Я не ошибаюсь. Я все знаю точно...

— От кого? Теперь ты скажешь?

— Скажу: от Салихи Султан. У Аюба Хуссейна нет от нее тайн. И я тебе говорю, дорогой: берегись этого человека. Брось его, как только въедешь в горы, и иди домой. Не будь с ним. Уйди от него как можно скорее. Он не тот, кем является перед людьми. А кто он, я не знаю. Он плохой человек. И ты поедешь с ним? Останься, Фазлур, я тебя умоляю! Я не буду спать, мне все будет казаться, что с тобою что-то случится...

Фазлур слушал с застывшим лицом, скулы его стали совсем каменными.

— Нигяр, может быть, я ослышался? Ты сказала, что американец есть тот самый человек, по слову которого отдан приказ о немедленном аресте Арифа Захура?

— Да,— сказала Нигяр.

— Скажи мне еще: он,— Фазлур снова не назвал имени купца,— не хочет подготовить мне ловушку в этой поездке?..

— Нет, он тебя не знает. Я говорила ему о тебе. И он не разговаривал бы с тобой так, как он говорил. И зачем ему губить тебя?.. Ты ему интересен как представитель студенческой молодежи. Он заискивает перед ней и ищет в ней опору. Но он, конечно, почувствовал, что ты не его поклонник.

— Американец тоже не знает меня. Рекомендация слишком серьезна. Значит, он тоже не может меня ни в чем подозревать?

— Да, это так, но мне все это не нравится, Фазлур. Не надо тебе ехать с ним. Я раскаиваюсь, что я сама все это придумала, теперь мне страшно...

— Нигяр, милая моя Нигяр! Я поеду с ним. Верь в Фазлура. Он не пропадет. Да еще в родных горах. Ты веришь?

— Верю, — сказала сквозь слезы Нигяр, — верю и боюсь!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Они сидели в номере Фуста. В решетчатых дверях возникали и таяли солнечные искры, духота сочилась из дивана и из всех швов старой черной кожи, которою была обита мебель. Бронзовые подсвечники, казалось, таяли от жары, и из пасти камина шел черный зной, хотя в нем не было ни уголька. Занавески у открытого окна не колыхались. На галерее, выходившей на главный двор, не было ни одного человека. Номер справа занимал Гифт, номер Фуста был угловой. Разговаривать можно было совершенно свободно.

— Вот мы и увиделись снова,— сказал Фуст, развалившись на диване и положив ногу на спинку стула.— Ну что же, дорогой доктор, нам придется выручать из беды этого беднягу Кинка и вместе с ним этого вечного неудачника Чобурна. Помните, как его сбросили в Таиланде на парашюте, и он повис на дереве вниз головой, и его чуть не съели потом крокодилы? А в Бирме в джунглях его искусали какие-то ядовитые муравьи, он разбух, как губка, и потом отпухал неделями. В Индии он потерял машину и важные документы, которые только случайно нашлись. А Кинк делит с ним все напасти за компанию.

— Они попали в тяжелую историю,— сказал Гифт.— Я даже не знаю, как они из нее выберутся.

— Они сами не выберутся, но мы им поможем, Гифт. Для этого-то мы и пожаловали сюда. Дожидаясь вашего приезда, я не спал ночей и много думал над картой. Кое-какие вещи я вспоминаю невольно, хотя их, может быть, не следовало бы вспоминать.

— Что же вы вспомнили? — спросил Гифт. — Свою молодость? — Он засмеялся как-то нехорошо.— От таких воспоминаний приходит бессонница.

Copyrighted material

— Нет, я вспоминал не молодость, я вспоминал Белое Чудо...

Наступило молчание. Какой-то залетевший комар жужжал тонко в комнате, и где-то в городе били часы. Со двора долетали глухие плески голосов, шорохи и внезапные гудки машин.

— Я бы предпочел больше этим не заниматься,— сказал Гифт.— Когда я вспоминаю это, у меня дрожат ноги, и я должен срочно выпить...

— Пожалуйста,— сказал Фуст,— виски на камине, содовая рядом.

Гифт встал с кресла, подошел к камину, налил в стакан виски, добавил содовой, поболтал, встряхнул стакан, сделал один глоток и, не садясь, продолжал:

— Пожалуйста, не выдумывайте ничего похожего. Какого черта вам пришел в голову этот кошмар?!.

— Кстати, Гифт. Вы не можете забыть Белое Чудо. Я тоже... Вы не хотите его вспоминать. Я тоже. Но ведь оно связано с теми двумя. Ведь мы с вами перебрасывали их тогда в Китай. Это было очень нелегко, как вы знаете. Теперь, через два года, они идут обратно по такой дороге, что лучше о ней не думать. Если мы их не выручим, им конец. Вот почему я вспомнил Белое Чудо. Какой трудности была экспедиция! Я чуть не погиб, а бедный Найт там остался навсегда. И как странно, Гифт, он, не знавший нашей тайны, только догадывавшийся о ней, погиб, а мы, мы живы! Я так хорошо вижу горцев, этих дурацких парней из Хунзы, которые вызвались его спасти и сами погибли. Когда я вспоминаю об этом, я не могу остановиться, как будто один мертвец тянет за собой и остальных мертвецов. А как он кричал, как он пронзительно и жутко кричал последние дни! Не хотел умирать, Гифт, он очень не хотел умирать.

Гифт выпил свой стакан виски, раскурил трубку и стоял, окутанный голубым облаком. Он разогнал его рукой и сказал:

— Исповедуйтесь, Фуст. Я люблю, когда вы исповедуетесь. Мне тогда хочется петь мои любимые строки:

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

— Не повторяйте этой глупой песни! — воскликнул Фуст. — Вы же знаете, что я терпеть ее не могу!

— Не буду. Продолжайте. Скажите обо всем, что вас мучит, и я отпущу вам грехи, я, простой дорожный строитель и специалист по горным дорогам...

— А, это придумано неплохо! — сказал Фуст.— У вас есть еще чувство юмора, Гифт. Меня мучают две вещи с тех пор, как я приехал из Индии. В Амритсаре я встретил советскую делегацию. Вернее, я с ней летел из Дели и сначала не знал, что это за люди. Их встретили сикхи так, как будто советские казаки уже поят своих лошадей из озера Вулар. А я стоял, ждал и не мог пройти в вокзал аэродрома, пока они обнимались.

— И вам это очень не понравилось? — спросил Гифт.

— Нет, я был вне себя...

— Напрасно, привыкайте к таким вещам, Фуст. Может быть, вам не нравится и народный Китай?

— Идите к черту!

— Прощаю вашу ярость по отношению к советской делегации и разделяю ее. Дальше!

— В Дели я видел погребальные костры...

— Что вы там искали? Объект для цветного фото? Что же вы там возненавидели? Опять были советские представители?

— Нет, проклятый индиец вытащил из груды мокрой грязи и жженых костей золотой зуб... Вытащил его пальцами ноги... Отвратительно...

— О! — Гифт налил себе второй стакан виски.— Золотой зуб мертвеца — хорошее название для кинофильма! Чем же беспокоит этот золотой зуб? Болит по ночам? Фу, я чувствую, что сказал мерзость...

— Иногда мне всю ночь видится этот индиец и этот золотой зуб, будь он проклят!

— Я сниму с вас это наваждение. Вы устали, Фуст. Это настоящая усталость. Я буду думать за вас, а вы отдыхайте. С чего начнем?..

— Начнем с того, как мы будем спасать Кинка. И, конечно, Чобурна. Это такие же сиамские близнецы, как Фуст и Гифт, не правда ли? Красные уже хозяева в Урумчи, и в Кашгаре, и в Яркенде. Наших близнецов загоняют, как коз. Что мы сделаем с вами, Гифт?

— Возьмите карту, Фуст...

— Не надо. Я знаю карту так, будто она все время лежит передо мной. Вы забыли, что я страдал последнее время бессонницей.

— Тогда отыщите вашим духовным оком перевал Барогиль, он ведет из верховьев долины реки Ярхун в Вахан. Нашли?

— Это тот, что рядом с перевалом Шавитахт?

— О, у вас отличная память! Да, они рядом. Мы с вами пройдем этим перевалом в Вахан и будем продвигаться в район Ваххира. Представляете?

— Представляю,— сказал с закрытыми глазами так уверенно Фуст, как будто он действительно отыскивал на карте названия.— Дальше!

— Дальше, к Ваххиру выводит тропа по Кара Чокуру из Шагалитика. Уточнять больше нечего. Если они будут живы, они выйдут к нам этим путем. Так, по крайней мере, они сообщили через Улла-хана, который уже отправлен мной в эти края. Если им не удастся этот вариант, они пойдут на юг — в Тибет. Об этом мы узнаем своевременно.

— У них есть радиопередатчик?..

— Пока есть...

— Что значит «пока»?

— Вы представляете, что их преследуют и они каждую минуту могут потерять лошадей и должны будут в этих дебрях идти пешком? Какие еще там неприятности у них на пути, нетрудно представить.

— У нас нет радиопередатчика. Очень жаль!..

— Да, очень жаль. Хорош был бы любитель природы и член Гималайского общества, путешествующий в целях познания и совершенствования с радиопередатчиком. Эта роскошь не для нас...

— Но у Уллы-хана есть.

— Есть, все в порядке. Даже если бы и не было радиопередатчика, Улле-хану все известно, на то он Улла-хан.

— Теперь,— сказал Фуст,— закройте глаза вы. Мы с вами едем через Равальпинди, Малаканд, Читрал, по Ярхуну вверх сколько можем. Там, на Барогиле, будет еще снег...

— Может быть, и нет. Это мы узнаем на месте, в Читрале.

— В этот раз любитель природы Фуст, известный горный путешественник, и Гифт, специалист по горному дорожному строительству, совершают научно-спортивную экскурсию. Перешагнув через перевал Барогиль, они хотят пройти по горам Вахана и вернуться через перевал Дора в Читрал, чтобы сделать разведку подступов к Тирадьж-миру с целью подготовки первовосхождения на этот семитысячник. Как вам это нравится?

— Мне — очень. Этот маршрут понравится и вам, потому что за Барогилем советская граница так близко, что с помощью бинокля вы кое-что увидите на советском берегу Пянджа. Предмет вашей любви будет перед вами. Скажите, в Лахоре вы хорошо провели время?..

— В общем, хорошо. Поручение, о котором вы знаете, я выполнил. Состоялось важное свидание. Последствия этого свидания должны быть превосходными: Захуру конец! Что касается нас, все устроено: у нас будет «додж» с опытным шофером-солдатом, демобилизованным из армии, и с опытным проводником, молодым горцем, уроженцем Читрала. Вы были когда-нибудь в Читрале?

— Нет.

— Я тоже. Но у нас с собой есть обычное горное хозяйство: штормовые костюмы с двойной теплой подкладкой, шерстяные куртки и брюки, ботинки с меховой прокладкой, подшлемники и спальные мешки, два ледоруба. Есть гималайка, она удобна в пути. Нам хватит.

— Я велел Улле-хану приготовить за перевалом теплые вещи, палатку и продукты, чтобы экспедиция выглядела солидно.

— Вот мы и опять в дороге, доктор. Налейте мне, только не виски. Я хочу попробовать пинджину. Джин там, в той комнате, поищите в шкапу. Мне лень встать, я так хорошо устроился...

Гифт пошел за джином. Потом он закричал из другой комнаты:

— Тут какая-то шкатулка, что в ней?

— Если вы так любопытны, то принесите ее сюда и раскройте.

Гифт появился с бутылкой джина, флаконом хвойной эссенции и коробкой, из которой он извлек миниатюру.

— Это ваша лахорская добыча? — спросил он, наливая джин, добавив несколько капель хвойной эссенции — такая смесь называлась пинджином, — и подавая пахнувший сосной напиток Фусту.

— Осторожней, Гифт. Это могольские принцессы, играющие в поло. Им скоро будет двести лет. Это подарок.

— От женщины?

— Нет, Гифт, увы! Кстати, не встретили ли вы в Кабуле очаровательную Элен Ленсмонд?

— Почему она должна быть в Кабуле? — сказал Гифт, рассматривая миниатюру.— Помоему, она не такая старая...

— Кто вам сказал, что Элен старая?

— Я не про Элен, я про миниатюру.

— Миниатюра подлинная, эксперт клялся, что она копия того времени. Правда, эксперты всегда утверждают то, за что им хорошо заплатили. Так вы не встретили Элен в Кабуле? Я слышал от кого-то, что ее видели там...

— Нет, ее не было при мне в Кабуле. Она была, по-моему, в Индии, я встречал ее в Симле, а где она сейчас, не знаю. Она слишком деловая, такая женщина не для меня... Вы с ней хорошо знакомы?

— Хорошо знаком. Вы ничего не понимаете в женщинах, Гифт, если говорите, что в Элен только деловитость. Я познакомился с ней в Непале и совсем не на деловой почве. Я жил с ней в Кашмире. Это были веселые дни, как раз перед нашим восхождением. Я победил ее раньше, чем Белое Чудо...

— Белому Чуду мы даже не успели объясниться в любви, как уже в панике отступили. Нет, я не встречал Элен Ленсмонд в Кабуле. А Афганистан... что сказать...

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

— Когда вы это поете,— сказал Фуст,— мне хочется кусать ближних...

— Почему это вам так не нравится?

— Мне не нравится, что вы начисто забыли всю песенку и поете ужасным голосом бессмысленные строки. Ведь признайтесь, вы забыли, откуда это к вам пристало?

— Это помогает мне жить... Как родимое пятно.

— Что за чушь! Как может помогать жить родимое пятно?

Copyrighted material

— Когда смотришь на него, вспоминаешь детство и всякие другие времена. Так и эти строки. Когда я их пою, они меня веселят. Когда у меня плохое настроение, они возвращают мне бодрость, и я благодарен им...

— Я их не выношу, просто не выношу в вашем исполнении! И думаю, их никакой человек не выдержит.

— А они очень нравились одному молодому человеку хорошей фамилии, с удивительной профессией, что-то вроде искателя черепов, с которым я ехал из Кабула в Лахор. Это — мое приобретение, которое вы оцените...

— Что я должен оценить? Ваш вкус или ваше знание людей?

— Во-первых, вы оцените мой выбор, так как вас это развлечет, во-вторых, он чрезвычайно законченный патологический тип, и это вам тоже доставит большое удовольствие. Не каждый день попадаются такие цельные экземпляры. Он ярый сторонник мира и враг войны.

Фуст переменил позу и, положив обе ноги на валик дивана, стал искать спички, чтобы раскурить свою трубку. Найдя спички, он сказал, глубоко затянувшись:

— Прекрасно. Дальше вы скажете, что он враг империализма и ярый фанатик-коммунист...

— Нет, этого я не скажу. Это — оригинальное научное явление, совершенно не испорченное, как цыпленок, только что вылупившийся из яйца, с наивными до дикости представлениями о действительности. Он говорит, как на уроке в воскресной школе. У него не мозги, а розовые хлопушки с рождественской елки. У него глаза ангелочка и задиристость щенка.

— Почему вы сейчас хотите говорить о нем?

— Потому что я обещал ему, что встретимся еще раз в Лахоре перед его отъездом в Индию. Если он появится, я хочу, чтобы вы не удивились...

— Я не удивлюсь. Я уже представляю себе это ваше новейшее открытие...

— Он просил меня рассказать что-нибудь экзотическое. Я рассказал ему историю шествия проституток в Карачи с петицией, над которой мы оба смеялись до слез. Он допытывался, кто писал им петицию. И даже думал на меня. Вы знаете эту историю?

— Да, но я не знаю, кто писал эту петицию...

— Ее, сказать по секрету, писал наш общий друг, Ассадулла-хан.

Фуст рассмеялся и выронил трубку. Она упала на пол, и он нагнулся, чтобы поднять ее. Гифт сказал:

— Правда, трудно было бы угадать, что в таком жестоком сердце столько поэзии. Он признался мне в одном загородном доме, когда мы забавлялись, как могли...

— И где вас благодарили эти гурии за то, что вы спасли их для просвещенного человечества...

— О, это были гурии, действительно неистощимые в своей благодарности!

— Еще бы! — сказал Фуст.— А вы грязный человек, Гифт. И вас вечно тянет в какие-то дыры...

— Из которых я вылезаю, чтобы идти с вами в вышину. Это же вы горный специалист, а я только мощу горные дороги. А мой мальчик, которого зовут Гью Лэм,— это веселый молодой человек. В самом деле, если он придет, вы повеселитесь...

Не успел он окончить фразу, как в решетчатую дверь осторожно постучали.

— Как в театре! — отозвался Фуст.— Войдите.

В комнате появился очень аккуратный, предупредительный, легкий, как облачко, румяный молодой человек. Фусту стало ясно, что перед ним Гью Лэм.

Смотря на Фуста, не переменившего позу, Гью Лэм остановился в нерешительности, смущенный, как будто не видел Гифта, сидевшего у камина.

— Мне сказали, что мистер Гифт здесь.

— Вот он! — сказал Фуст, не делая никакого жеста.

Гифт обнял Гью Лэма за талию и, повернув его к дивану, с торжественностью в голосе произнес:

— Старина, имею честь представить известного путешественника, горного туриста, члена Гималайского клуба, моего друга мистера Джона Ламера Фуста.

Фуст протянул руку, которую Гью Лэм пожал с таким чувством, как будто это был по меньшей мере президент Британского географического общества.

— Это — молодое научное светило Гью Лэм, специалист по антропологии и краниологии, кажется, так, и мой спутник.

— Да, да, это так,— говорил еще полный смущения Гью Лэм.— О, я очень тронут! Я не помешал вам? Вы, наверное, говорили о будущей поездке?

— О какой поездке? — спросил, насторожившись, Фуст и даже сел на диване.

Смотря на него невинными глазами, Гью Лэм ответил твердо:

— Мистер Гифт говорил мне, что вы с ним собирались в туристическую поездку в горы, кажется, в Кашмир. Или, простите, я ошибаюсь и все перепутал. Я, знаете, часто все путаю. Я знаю, что сказал очень неуклюже... Пожалуйста, я прошу простить меня...

— А, нет, нет, да, да! — сказал Фуст. — Мы говорили перед вашим приходом о небольшой горной прогулке. У меня есть задание одного географического журнала и научного горного общества. Вы знаете перевал Барогиль и гору Тирадьж-мир? — спросил Фуст, пуская клуб дыма из своей трубки в лицо Гью Лэму.

Гью Лэм, отшатнувшись от дыма, восторженно глядел на Фуста.

— Я ничего не знаю. Простите, я новичок в этих местах и в горной области. Я слушаю вас. Мне доставляет большое наслаждение видеть такого известного исследователя гор перед началом нового путешествия.

Фуст встал с дивана и прошелся по комнате.

— Вы пьете виски или джин? — спросил он более мягким голосом.— Есть и лимон, есть содовая...

— Пью,— сказал Гью Лэм скромно.— Как-то, знаете, привык и пью. Я не скажу, чтобы мне очень нравилось, и моя жена не поощряет, говорит: «Не пей много, пей, когда хочешь». А здесь, говорят, надо пить для профилактики. Помогает от малярии и от желудочных заболеваний. Но я вас перебил, прошу прощения. Если у вас, правда, деловое свидание, я могу уйти. Но мне ужасно хотелось после той поездки увидеть еще раз мистера Гифта и познакомиться с вами, мистер Фуст. Мистер Гифт — такой интересный спутник в дороге! Он так хорошо поет одну песенку! Я даже ее вспомнил, правда, не всю.

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне,—

спел он нарочно мрачным голосом, подмигнув заговорщицки Гифту. Последний стоял у камина и короткими глотками тянул сода-виски.

Фуст съежился и зло посмотрел на Гифта. Гифт ответил на его взгляд смехом:

— Я был прав! Видите, какой чудный мистер Гью Лэм. Ваше здоровье!

— Садитесь,— сказал Фуст и сам сел у стола напротив Гью Лэма.

Фуст налил ему виски, и тот сразу выпил. По его храброму жесту, в котором был какой-то вызов, почти мальчишеский, Фуст понял, что он отчаянно наивен в самом деле, и сказал вежливо, но колко:

— Правда, вы такой молодой и занимаетесь черепами допотопных мертвецов? Как это вам разрешила мама?

Гью Лэм взглянул на него и решил, что он не должен обидеться, что это только шутка, и так же шутливо ответил:

— Но если бы мы не исследовали черепа, мы бы не знали, от кого происходим, и мама мне разрешила этим заниматься, как и ваша мама разрешила вам такое рискованное дело, как горы...

Фуст налил ему еще виски, но Гью Лэм поспешил сильно разбавить его содовой. Он сам начал говорить, не дожидаясь вопросов.

— Вы знаете, это страшно занимательно, нет, это не то слово! Ну ведь каждому, даже самому крошечному народу, хочется знать, откуда он; в нем живет национальное чувство, и вот он погружается все глубже в древность и вдруг находит подтверждение того, что его герои и боги жили еще в доисторические времена. Но ведь это радость одного крошечного народа, а если великие народы углубляются в поисках прошлого в тьму времен, то какое это захватывающее и величественное зрелище — доисторическое прошлое, лежащее перед глазами современного общества!.. Ведь

Copyrighted material

это наука, разоблачающая суеверие и пережитки религий! Когда какой-нибудь зуб мамонта чтили столетиями, как реликвию веры, и в Испании он лежал в соборе в Валенсии и его принимали за зуб святого Христофора, святого великана, то ведь в этой наивной вере отражалось народное чувство: народ верил, что если был святой великан, то и зуб у него должен быть большой...

«Черт с его зубом!» — подумал Фуст. Он понял, что снова придет бессонница и этот индиец будет тыкать палкой в сожженные кости...

Фуст, сплюнув и поколотив трубкой о каминную решетку, спросил Гью Лэма:

— Ну хорошо, но что вам сказала бы ваша наука про меня?

— Про вас? — удивился Гью Лэм.— Но вы не доисторический человек. А, вы хотите узнать ваше происхождение? Дайте мне взглянуть на вас.— Он вскочил с легкостью юноши с места и стал вглядываться в Фуста. — Ваши предки, конечно, пришли в Америку из Европы когда-то?..

— Допустим, — сказал Фуст.

— Ваш тип принадлежит к неолитическим долихоцефалам. Ваши доисторические предки были брюнетами. Но климат был в Европе не очень солнечный, их глаза, и кожа, и волосы потеряли черноту, и вы один из тех длинноголовых блондинов, которые населяли Европу, а со временем перекочевали в Америку. Вот что я могу вам сказать: вы длинноголовый блондин.

— С чем я вас поздравляю,— сказал Гифт.— В самом деле, ваша наука серьезна. Я бы даже не сразу выговорил ваши термины. Вы мне назвали в дороге еще какой-то сорт, противоположный длинноголовым...

— А, это брахицефалы! Да, они с широким черепом и плоским, коротким затылком...

Фуст засмеялся и спросил, участвовал ли Гью Лэм в войне.

— Нет, я не могу сказать, что я участвовал. А вы участвовали, конечно?

— Мне пришлось сражаться в Азии. И я видел там так много брахицефальских черепов, что это доставило бы вам научную радость, Гью Лэм.

Гью Лэм сделал гримасу отвращения.

— При чем тут научная радость? Это варварство — давать колоть свои черепа разным осколкам из стали, лучше уж исследовать их целыми, чем в кусочках. Нет, война не радость для ученого! Очень жестокая вещь война. Мир выродится окончательно, если будут так жестоко истреблять народы.

После второго стакана, хотя и сильно разбавленного содовой, он заметно захмелел, и краска залила его щеки. Он говорил, поводя в воздухе рукой, точно был на трибуне и перед ним были невидимые слушатели.

— Благородство исчезает в войнах, — сказал он.— Мне, когда я был юношей, рассказывали дома про моего родственника, который потопил сам себя и стал героем...

— Слушайте, Фуст, сейчас наш малыш будет читать что-то интересное, вроде лекции армии спасения. Это было в доисторическое время?

— Нет,— сказал Гью Лэм,— это было во время войны, я забыл, какой год, но американцы воевали с испанцами на острове Куба. Я все помню...

— Это было в девяносто восьмом году прошлого столетия,— сказал Фуст, снова наливший себе виски. — Да, мы слушаем.

— Крейсер «Мерримак», видите, я помню... Потом...

— Ну, и что случилось с этим крейсером?..

— Подождите, не перебивайте меня! Надо было закупорить выход из гавани, чтобы испанский флот не мог выйти в море...

— А, значит, крейсер должен был сыграть роль брандера. Я что-то смутно припоминаю...— сказал Фуст.

— Брандеры я знаю, и гавани так запирали не раз, но дело не в этом,— горячо возразил Гью Лэм.— А вызвались добровольцы затопить крейсер и под огнем повели его к месту, где он должен был потонуть. Он был нагружен железом и обвешен торпедами. Испанцы стреляли из всех пушек, но попасть они не могли, а может быть, не хотели попасть, кто их знает. Наши взорвали «Мерримак», он пошел ко дну, а наших сбросило взрывом в море. Они, поймав лодку, стали грести к своим, но пули так свистели, что они увидели: до своих не дойти. И они направили лодку прямо к испанскому адмиральскому кораблю. Их встретили так, точно они были испанцы и герои. Сам адмирал встретил их, жал им руки, поздравлял их с удачей военного предприятия, с подвигом. Он послал на американскую эскадру офицера с письмом, заверяя, что с пленными будут обращаться хорошо. И, как ни странно, с ними обращались хорошо. Но, конечно, американский адмирал послал президенту в Вашингтон телеграмму, где писал: «Я закупорил Серверу». Сервера был испанский адмирал. Это было верно, что Серверу закупорили, но не адмирал, а семь моряков, в том числе был мой предок. Так благородно воевали в те времена, а теперь одни ужасы. Я видел Лондон сразу после войны. Это страх, что такое! Сколько убили детей, женщин, стариков! Нет, это никуда не годится... Вот там с «Мерримаком» было рыцарство, было мужество... Но, — тут он перевел на Фуста свой взгляд, который просветлел и снова стал восторженным,— но благородство живет сегодня в тех, кто борется с природой. Я восторгаюсь вами: вы восходите на горы. Расскажите про ваше восхождение. Я никогда не слышал, как настоящие герои-восходители рассказывают о своем подвиге.

Фуст сказал:

— Но это тоже война...

— Пусть война, но не так, не так, как с людьми...

— Под горой иногда интересней, чем на горе,— сказал Гифт.— Это верно. Сегодня хороший вечер.

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

— Да перестаньте, Гифт! — прервал его Фуст.

— Расскажите, пожалуйста,— просил Гью Лэм,— я никогда не слышал.

— Ну, слушайте, и пусть не прерывает меня Гифт своей дурацкой белибердой. Вы знаете гору Белое Чудо? Она находится в Каракоруме. Туда была снаряжена специальная экспедиция. Ее целью было восхождение на этот восьмитысячник.

Пропустив мимо ушей название горы, Гью Лэм весь превратился в слух. Он смотрел в рот Фусту, который рассказывал сухо, документально о порядке подготовки и первых днях в главной базе, и эта сухость рассказа сильно действовала на Гью Лэма.

— Гора возвышалась над нами, как дьявольская пирамида, резавшая своей острой вершиной темносинее, почти фиолетовое небо.

— Как это красиво, продолжайте! — прошептал Гью Лэм.— Я почти вижу, как вы стремитесь вверх, черные фигурки на белых снежных полях, среди ледников...

— Мы рубили ступени и вешали веревочные лестницы, чтобы наши носильщики, эти упорные, дикие и бесстрашные горцы из Хунзы, могли заносить припасы из нижних лагерей в верхние. Это был большой труд, ежедневный, выматывающий, когда все падали в изнеможении и снова шли, лезли по отвесу, перелезали через скалы, которые обваливались под нами. Бывало, что мы не могли найти, где поставить ногу, и бывало, что лавины, оглушая нас грохотом, проносились рядом, и долго еще дрожало эхо от удара внизу о ледник их тяжелой массы.

— Как вы рассказываете! Это как симфония! — говорил Гью Лэм, сжимая пальцы.

— Так было день за днем, и все выше и выше поднимались наши палатки, наши лагери. Мы их перенумеровали. Их было уже восемь. Мы перешагнули черту заветной высоты, до которой доходили наши предшественники. Нас ослеплял снег, кули задыхались от недостатка воздуха, а мы...

— А вы все шли вперед! Ну, разве это сравнишь с войной?!

— Но гора воевала с нами. Она бросала в нас камни, посылала лавины, выставляла туманы, такие густые, что в двух шагах ничего нельзя было видеть, метели заметали нас так, что нас приходилось откапывать. И вот уже основан, как я сказал, восьмой лагерь. И нас было только я и еще мой друг и три носильщика. Остальные были в нижних лагерях, все больные, и они не могли продолжать подъем... Мы подымались и падали в снег, ползли, снег залезал нам в уши, в рукава, но упорство, бешеная энергия, злоба против горы толкали нас вперед...

— Вы герой, настоящий герой! — воскликнул Гью Лэм.— Я хочу выпить за ваше здоровье. Налейте мне, милый Гифт, пожалуйста! Благодарю вас. — Он выпил еще виски, и теперь ему казалось, что он сам в снежном тумане поднимается по льду, по стене, вбивает крюки, ведет веревку, подает ее товарищу.— За ваше здоровье! Только вперед!

— Подождите! — сказал громко Фуст.— Что вы понимаете! Знаете ли вы, что такое ночи на такой высоте? Каждая такая ночь стоит пяти лет жизни.

— Я молчу! — испугавшись этого окрика, пробормотал Гью Лэм.— Я все слышу, говорите...

— Погода ухудшалась. Мы не рассчитали с запасами. Вернулись в восьмой лагерь, и мой друг заболел. Он не выдержал: высота победила его. Он лежал и стонал. Но уйти вниз, — значит, отказаться от победы. Я взял носильщиков, мы пошли снова, захватив припасы из лагеря восемь. Снова на нас обрушилась метель, мы вернулись в лагерь восемь. Наутро мы шли опять на штурм, каждый штурм стоил нам таких сил, что мы уже не походили на людей. Наши лица почернели и потрескались, хотя мы были в масках. А он, наш друг, лежал без сознания

Copyrighted material

и бредил. И наконец, когда я снова погнал кули вверх, они показали мне пустые ящики и мешки: запасов больше не было. Путь наверх был закрыт. Тогда я сказал другу, который пришел в себя, но идти не мог, что мы не можем спустить его, так как сами ослабли: мы уйдем за пищей и вернемся к утру за ним.

— Да, да, вы так ослабли,— прошептал Гью Лэм, — я понимаю!

— Мы спустились до седьмого лагеря. Там не было ни палаток, ни продуктов. Мы спустились к шестому, пятому лагерю — все было пусто. Потому что, как выяснилось, не получив сведений из верхнего лагеря в течение пяти дней, остальные решили, что надо прекратить осаду горы и вернуться вниз, на базу...

Гью Лэм нахмурил лоб. Он чего-то не понимал. Он чувствовал, что опьянел и что ему надо что-то спросить, обязательно спросить. Он смотрел на Фуста, который выпил достаточно; его суровое лицо было возбуждено.

— Что же сделали вы? — спросил наконец Гью Лэм.— Вы поднялись и спасли вашего друга?

— Мы пошли к нему, я решил во что бы то ни стало добраться к нему. Голодный, изнемогая, я хотел идти туда, но кули сказали, что они пойдут в базовый лагерь, возьмут еще теплой одежды для больного и продукты. Они ушли. Потом они вернулись ко мне, и я пошел с ними наверх. Но метели преградили нам путь. Мы добрались до шестого лагеря, и тут я сам упал. Сил моих больше не было. Снизу никто не пришел. Я попробовал идти еще раз. Ничего не получилось. Погода ухудшалась с каждым днем. Горцы, несколько самых сильных, сказали, что пробьются, чтобы спасти его. Они ушли. Я их отговаривал, говоря, что это — чистое безумие, они ушли...

— Они ушли! — повторил за него Гью Лэм и огляделся, как будто сидел не в комнате и не видел Гифта, который, не проронив ни слова, молча следил за рассказом, готовый где-то вставить свои слова, но рассказ пришел к концу.

— Они ушли — больше их никто не видел. Я приказал свернуть экспедицию, и мы ушли все от этой горы. Мы должны были или все погибнуть или оставить наши напрасные попытки. Мы поспешно вернулись на основную базу.

Гью Лэм сидел с каким-то недоумевающим лицом, как человек, потерявший нить рассказа и тщетно пытающийся восстановить эту прерванную связь. Но его волнение было таким сильным, что он даже провел несколько раз рукой по голове, потом все как-то прояснело перед ним, и он спросил:

— Как звали вашего... ну, который там остался?..

— Это был доктор Найт, химик.

— Что? Как доктор Найт?! — почти закричал в каком-то ужасе Гью Лэм.

Молчаливый Гифт подвинулся к нему, рассматривая его так, точно видел первый раз.

— Так, доктор Найт, химик. Это вам что-нибудь говорит?..

— Как говорит, как говорит! — задыхаясь, шептал Гью Лэм: ему не хватало голоса.— Джордж Найт — это мой двоюродный брат. Нет, вы сочинили это!

— Я ничего не сочинял. Это известно и даже было в печати.

— Да, конечно, — сказал Гью Лэм, проведя рукой по лицу, точно снимая с себя паутину, которая ему мешала смотреть.— Джордж Найт. Он так погиб. Хороший человек, хороший ученый! Если бы знали, как плакала его невеста!.. Она хотела покончить самоубийством. К чему я это говорю?..

— Подождите, Гью Лэм,— сказал Гифт. — Разве вы не знали, как он погиб?..

— Нет, я не знал. Я знал только от его невесты, что он погиб в горах. Несчастный случай. Я не знал... Но я чего-то не понимаю.

— Чего вы не понимаете? — сказал Фуст, ставший бледным и злым.

— Как же так? — Гью Лэм сделал попытку приподняться. Он встал и, держась за стол, бессмысленно смотрел на стену: — Как же так?.. А, я начинаю понимать!.. — Он посмотрел теперь с каким-то петушиным задором на Фуста. — А, я все понимаю теперь! Вы бросили его умирать. И только эти честные горцы пошли его спасать, и они погибли. Я теперь все представляю. Он погиб на Белом Чуде. Да, я теперь вспомнил. О, как вы меня напоили!.. Ничего! И вы, вы были там рядом...

— Горы — суровое занятие, и там человек всегда между последней победой и последним поражением,— сказал мрачно Фуст.

— Это красиво, да, да, то, что вы сказа-

ИНТЕРНАТ В КАГАНЕ

...Первым просыпается пес Кочегар. Он тихонько идет по коридору, трогая лапой двери: хватит спать, наступило утро... Солнце осторожно заглянет в распахнутые окна — и ребята на ногах. Маленькая дочь стрелочницы Рая Хусаинова, кудрявый Рамазан Нарзиев, десятиклассница Лида Леонтьева — сто мальчиков и девочек, живущих в школьном интернате на станции Каган, бегут на зарядку.

После завтрака — в школу. Она близко — только парк перейти. Ребята идут мимо клуба, разместившегося в старом дворце, по тенистым дорожкам парка, и все вместе, пропустив малышей вперед, входят в свою школу.

...Разъезд за разъездом подступает к Кагану, большому железнодорожному узлу на Ашхабадской дороге. Окружают его хлопковые поля, невозделанная, белая от солончака земля, сады в долинах рек и опять поля. Живут на разъездах стрелочники и путевые обходчики, дорожные мастера, бригадиры пути... От них до ближайшей школы далеко. Если б не интернат в Кагане, трудно было бы учить ребят.

С разъезда 81-го километра в интернате живут одиннадцать ребят. Зоя Маркина десять лет назад приехала из Куюкмазара. Леонтьевых трое — целое школьное поколение! Старшая кончает десятилетку, младшая — первоклассница. Дорожкиных тоже трое, а на будущий год, когда Валя придет в первый класс, станет четверо.

На далеких и близких разъездах в конце учебной четверти звонят телефоны. Берут трубки отцы и матери и внимательно слушают, что скажет им Анфиса Ларионовна Левашкина, вот уже много лет работающая в интернате воспитательницей. У одних огорчение: сын ленится, опять двойка. А на 81-м разъезде родители улыбаются: двоек нет. Так и раздалось в телефонной трубке: «Весь восемьдесят первый разъезд успевает!»

Каждую субботу ребята после уроков уезжают домой. Давно прошло время, когда они воевали с проводниками, с боем занимая места в вагоне, когда проводники звали их безбилетниками и захло-

Copyrighted material

ли! Но это не так! Вы бросили его одного, одного, и он умирал, он ведь, вы сказали,— Гью Лэм странно протрезвел,— он ведь очнулся, он, наверно, кричал, и вы слушали его крики, и вам было все равно! И вы ушли... Но ведь так не поступают настоящие люди! Так поступают... Нет, я не скажу! Я хочу только, чтобы вы признались мне, что вы его бросили. Вы, может быть, струсили? Но как же это так? Разве эти нищие дикари, эти горцы, храбрее и сильнее вас? Почему они пошли? И они погибли. Вы бросили и их... Нет, я не знаю, кто вы... Бедный Джордж, бедный Джордж, в какую ловушку ты попал! Боже! Боже!

Он сел за стол и заплакал. Слезы текли по его лицу, и он размазывал их, как ребенок, и вытирал руку о пиджак. Он смотрел какими-то округленными глазами, и слезы катились из этих глаз, и казалось, что все внутри него содрогается...

— Дайте пить!..

— Вы пьяны! — сказал, с брезгливостью отодвигая бутылку, Фуст.

— Да, я, может быть, пьян,— вдруг ясно сказал Гью Лэм и встал. Видно было, что он основательно пьян, но какой-то штурман все же управляет этим пострадавшим кораблем.— Белое Чудо! — сказал он, остановившись у стены. — Как странно, как странно! Но вы не имеете права обманывать нас, людей, которые верят в ваши подвиги! Скажите мне: за что вы его убили, он помешал вам, может быть, в чем-нибудь? Ведь вы были там один с ним, и носильщики погибли... За что вы его убили?

— Вы сошли с ума! — крикнул Гифт, который хотел взять его за рукав, но Фуст остановил его жестом и сказал:

— Не трогайте его. Послушаем еще, что скажет этот веселый молодой человек, по мнению некоторых...

Гью Лэм сделал несколько шагов по стене и зацепился за ледорубы, которые упали с грохотом. Он поглядел на них, как на неожиданное препятствие, потом нагнулся, шатаясь, поднял их и прислонил к стене, повернулся к Фусту и сказал ему, икая:

— Вы, вы убийца! Да, это ясно!..

Тогда разъяренный и все еще державший себя в руках Фуст, чувствуя, что пьянеет от ненависти к этому слабому человечку, подошел и встал перед ним, говоря сквозь зубы:

— Тише, прежде всего, тише! Не орите так, точно с вас здесь снимают шкуру! Я хожу по горам, как хочу, с кем хочу. Я делаю в них, что хочу. И меня никому не остановить. А кто встанет мне на дороге, тому лучше этого не делать! Понятно? И пить вам нужно меньше,— сказал он уже не так напряженно, чувствуя, что лоб его в поту и пот стекает по шее.— Ваша жена права: меньше надо пить. Вы жалкая, несчастная, дрожащая обезьяна, когда вы говорите о вещах, которых вы не знаете и от которых у вас дрожат в страхе колени! И говорите спасибо, что ради вашего двоюродного брата, Джорджа Найта, моего бедного друга и героя, я не связал вас в узел и не выбросил прямо на улицу!

Гью Лэм, выпятив недоумевающе губы, молча шел к двери, но в последний момент, как будто просветлев, сказал тихо и почти примирительно:

— Поезжайте в эту вашу прогулку. Я хочу, чтобы эти люди, родственники тех кули из Хунзы или неважно откуда, черт их возьми, кто-нибудь из этих туземцев сломал вам шею в тех горах, куда вы едете делать... ваши... дела!

Решетчатая дверь закрылась за ним. Фуст и Гифт стояли и слушали его тяжелые шаги по галерее. Они затихли. Он, повидимому, дошел до лестницы и стал спускаться во двор, на котором опять была тишина, не шелестели по песку машины, никто не шумел. Деревья стояли, как окаменелые, люди в комнате тоже.

Потом Фуст налил себе еще джину, выпил и после минутного молчания сказал обыкновенным, даже скучным голосом:

— Веселый молодой человек, очень веселый молодой человек... Ну что ж, повеселились, как могли... Вы с ним очень откровенничали, Гифт?

Гифт сказал виновато и растерянно, но стараясь скрыть это, тоже равнодушным голосом:

— Как может быть откровенен строитель горных дорог, который никогда их не строил, с человеком, выпавшим из музея восковых фигур и верящим всему и всему до слез удивляющимся?

— Следующий раз будьте осторожней, Гифт, осторожней в своих человеческих находках. Я знаю, это ваша слабость. Я сам могу теперь, чтобы развеселить вас, спеть этот дурацкий куплет:

В старой, доброй стране,
Там я жил, как во сне...

Не живите во сне, Гифт! Это вам будет стоить слишком дорого.

Гифт пожал плечами и сел за стол. Он барабанил по столу непонятный Фусту мотив и сказал примирительно:

— А все-таки он прелюбопытен...

Фуст сразу зло отозвался:

— Вот такие прелюбопытные и есть наши массовые, неуклонные, мрачные противники, из которых вербуются так называемые сторонники мира. Из вашего краниолога это так и прет. Очень прелюбопытно и столь же отвратительно! Я запишу его имя на всякий случай. Давайте примем душ и будем всерьез готовиться в путь. Надо выехать на самом рассвете, еще затемно, до жары!

Продолжение следует.

пывали перед носом двери. Бывало, приходилось добираться на подножках, чуть ли не на ходу спрыгивая у себя на разъезде.

Это кончилось. У ребят бесплатный проезд. Проводники раскрывают перед ними двери, и там, где надо сходить, всегда останавливаются поезда.

Однажды все уехали, а Макаш Джаналиев остался. Выдумывал причину за причиной и не поехал домой. Он ходил хмурый и злой. Анфиса Ларноновна терялась в догадках: «Что случилось, Макаш?»

...После смерти жены отец Макаша чаще других приезжал к сыну в интернат. Все ему было интересно: как Макаш ответил урок, не порвались ли ботинки и не приедет ли он в субботу домой пораньше. Часто звонил телефон: «Позовите моего Макашку!» Так шли годы. И вдруг иные заботы вошли в жизнь человека: он женился. Макаш загрустил. О женщине, которая стала теперь ему матерью, говорил как о чужой: «она». Потом мальчишке пришло на ум, что дома он теперь лишний: там растет малыш, заботы, ласки — все ему. А раз так, зачем ехать в Караулбазар? И оставался на воскресенье в пустом интернате.

— Ты эгоист,— сказала ему тогда Анфиса Ларноновна.—«Я», «мне»! Подумай, разве так тебя воспитывали в интернате?!

Потом пришла телеграмма: «Брат заболел, едет больницу, встречай мать вокзале». Макаш долго вертел в руках телеграмму, и никто не мог понять, что он думает.

Ночью в интернате не спали двое. Стрелка часов ползла к назначенному часу. Было тихо. Но вот внизу еле слышно скрипнула дверь, и Анфиса Ларноновна увидела в окошко, как Макаш зашагал к станции.

...Бегут дни. Подходит к концу еще один учебный год. Малыши давно уже не тоскуют по родному дому: ребята обжились и привязались к школе и к интернату.

Звезды висят над Каганом. Уже плохо виден в синем воздухе мяч, и волейбольная площадка, где играют старшеклассники, пустеет. Кто-то с лопатой перекрывает арык. Изменив направление, вода подходит к скамейке, где сидят ребята, и тогда становится видно, как у самых ног поблескивает отраженный в воде узенький месяц.

На скамейке все тесней. Разговор идет о том же: как жить дальше? Еще немного, и десятиклассникам надо прощаться с интернатом. Некоторые едут в Свердловск держать экзамены в институт. Николай Резаев — домой, на каменный карьер, водить автодрезину, а Иван Михеев хочет поступить в авиационное училище...

К. ЯКОВЛЕВА

Фото Р. Лихач.

Каган, Узбекская ССР.

→ Утро наступило...

Copyrighted material

БОРЕЦ, РАБОЧИЙ, ПОЭТ...

21 февраля 1944 года в Париже был расстрелян гитлеровцами активный деятель французского Сопротивления, молодой армянский поэт рабочий Мисак Манушян. Вместе с ним отдали свою жизнь за свободу Франции его доблестные товарищи по борьбе — французы, поляки, евреи, испанцы. Одна из улиц Парижа называется сейчас улицей «Группы Манушяна», в предместье Парижа Арневиле есть улица, носящая имя Манушяна. Каждый год на кладбище Иври в Париже собираются участники движения Сопротивления, деятели Народного фронта, рабочие парижских предместий, чтобы почтить память погибших героев.

Короткая яркая жизнь Мисака Манушяна для многих молодых французов стала примером героизма и большой любви к родине.

Манушян родился в турецкой Армении в 1906 году. Оставшись сиротой после учиненной турками резни армянского населения, мальчик воспитывался в приюте, а в 1924 году вместе с другими сиротами был отправлен на работу во Францию. Уже тогда в нем пробудилась тяга к литературе и гуманитарным наукам. Работая в Марселе, а потом в Париже на заводах Ситроен, Манушян много занимался самообразованием, писал стихи.

В 1934 году поэт вступил во Французскую коммунистическую партию, его избрали делегатом антифашистского конгресса в Париже. Он основал армянскую рабочую газету «Зангу». Манушян принимал деятельное участие в отборе добровольцев для Интернациональной бригады, сражавшейся против фашистов в Испании, в создании «Народного союза армян Франции». Поэт редактировал орган Союза — газету «Новая жизнь».

В начале второй мировой войны Манушяна бросили в тюрьму, но потом по его собственному требованию направили в действующую армию. После возвращения Манушяна в Париж его избирают руководителем подпольной группы. Снова арест, тюрьма, концлагерь. Из концлагеря Манушяну удалось бежать. И опять парижское подполье. С марта 1943 года Манушян — политический комиссар, а затем командир интернационального партизанского отряда «вольных стрелков». Одновременно он создает организацию «Армянский национальный фронт», тесно примыкавшую к французскому Национальному фронту.

16 ноября 1943 года Манушян и 23 его товарища были арестованы. Следствие длилось три месяца. Героическим юношам — а в большинстве это были юноши — пришлось перенести много унижений и истязаний. Военный трибунал, ничего не добившись от арестованных, приговорил их к расстрелу. Гитлеровцы пытались изобразить деятельность группы как бандитскую. Но народ Франции знал ее подлинный характер. Газета «Юманите» писала о героической борьбе «группы Манушяна».

Нельзя без глубокого волнения читать последнее письмо к жене, написанное Манушяном за несколько часов до расстрела. В ту страшную минуту Манушян смог сохранить ясность политической мысли, широту взгляда на будущее. Вот несколько строк из этого потрясающего документа:

«Я знаю, что французский народ и все борцы за свободу смогут достойно почтить нашу память. Умирая, я заявляю, что у меня нет никакой ненависти к немецкому народу и ни к кому вообще: каждый получит свою награду или наказание...

После войны, которая не может продлиться долго, немецкий народ и все другие народы должны жить в мире и братстве».

Друзья прятали литературный архив Манушяна. Но сохранить его не удалось: при одном из обысков гитлеровцы обнаружили документы поэта и уничтожили их. Осталось несколько десятков стихотворений, свидетельствующих о поэтической одаренности Манушяна.

В Ереване на армянском языке недавно издан сборник стихов Мисака Манушяна. Предисловие к книге написал секретарь Центрального Комитета Французской коммунистической партии Жак Дюкло.

Это — первое издание стихов Манушяна в Советском Союзе. Издательство намерено выпустить сборник и в русском переводе,— тогда творчество Мисака Манушяна станет доступным миллионам наших читателей.

С. ШЕРВИНСКИЙ

Мисак МАНУШЯН

Я и зеркало

Усталые глаза, на лоб легли морщины...
— Товарищ, посмотри: да у тебя седины! —
Твердит мне зеркало. Всезрящее оно, —
Я, впрочем, вижу сам, что в нем отражено.

И детство милое, и юность золотую,
И сердце жаркое я положил впустую
На жизненный алтарь, служил я суете,
Надеждам радужным поверя в простоте.

Разбит, как каторжник, и, словно раб, затравлен,
Я плетью нищеты был с детства окровавлен.
Во имя жизни бой со смертью принял я,
Хоть был лишь зрителем на пире бытия.

Но яд, мной выпитый из этой чаши черной,
Стал силою во мне и волей непокорной.
Терпенье давнее вконец возмущено,
И песни грозные рождать ему дано.

Не горе, ежели завистливое время
Мне преждевременно посеребрило темя,—
Теперь душа моя и глубже, и полней,
И, словно к матери, спешит на зов людей.

Между мечтателем и зеркалом холодным
Пусть время спор решит, назвав его бесплодным...
Пускай я поседел, еще я не старик,
И новизну душа вбирает каждый миг.

Перевел
С. ШЕРВИНСКИЙ.

Глазами художников

Мартирос САРЬЯН,
действительный член Академии художеств СССР

В дни декады литературы и искусства Армении в Москве будет открыта выставка картин живописцев, графиков и скульпторов. Уже сам этот факт — радостное явление в культурной жизни моего народа. Мы в дореволюционные годы не могли и мечтать о специальной армянской выставке картин. Немногие из нас смогли показать свое искусство в Петербурге и Москве. Теперь вся большая семья художников республики приглашена в столицу. Это — особенно радостное событие для молодых мастеров живописи.

Если проследить за развитием нашей культуры и изобразительного искусства, то легко можно обнаружить связи с русской культурой и русскими художниками. Связь эта корнями уходит в далекое прошлое. Еще в конце XVIII века Армению посещали русские художники, а после присоединения ее к России общение художников стало постоянным.

Классик нашей литературы Хачатур Абовян настаивал на отправке даровитой молодежи в Россию на учение. Именно тогда уехали в Петербург учиться молодые художники И. Айвазовский, С. Нерсесян, М. Меликян и другие. Это было началом. А далее и в Петербургскую Академию художеств и в Московскую школу живописи, ваяния и зодчества потянулись армянские юноши.

Все лучшие наши художники учились у русских живописцев. Так, например, А. Шамшинян был учеником П. Чистякова, мастер исторической живописи В. Суренян — член Товарищества передвижных выставок — был близок к И. Репину, пейзажист Е. Татевосян учился у В. Поленова, ездил с ним в Палестину, Сирию... Да и я — воспитанник Московской школы живописи, ваяния и зодчества — имел счастье учиться у крупных русских художников того времени. Традиции русского художественного творчества всегда были дороги армянским живописцам, которые, однако, не теряли связи с древним искусством своего народа.

Теперь в Армении имеются свои школы, они готовят сотни художников. Талантливая молодежь растет не только в Ереване, но и в Кироване, Ленинакане. Их работы можно встретить в рабочем или колхозном клубе. В творчестве живописцев и графиков отражается новая жизнь молодой советской республики: строительство гидростанций Севанского каскада, жизнь виноградарей Араратской долины и алавердских медеплавильщиков, прекрасные новые, розовые от туфа улицы Еревана.

Обилие солнца, ярких красок южной горной страны, естественно, наложило отпечаток на творчество наших художников, сделало его радостным и жизнеутверждающим.

Мне трудно перечислить всех художников, которые покажут в Москве свои произведения. Но хочется сказать о сестрах М. и Е. Асламазян, зарекомендовавших себя хорошими мастерами натюрморта и пейзажа; их работы показывали на многих выставках. Г. Ханджяна знают московские любители живописи по картинам «Счастливая дорога» и «Болельщики». Кроме того, он работает как иллюстратор произведений армянской классики. Хорошо зарекомендовали себя О. Зардарян и М. Абегян. Первый посвятил свое творчество строителям гидростанции, пейзажам Севана, портретам, второй же — революционной тематике.

В этом номере журнала воспроизводится картина молодого художника В. Теваняна «Первая телеграмма В. И. Ленину».

Широко известны городские и севанские пейзажи Хачатура Есаяна, они живописны и лиричны. Светлой палитрой отличаются жанровые полотна Э. Исабекяна. Бесспорно, даровиты художники С. Мурадян, В. Асланян, Е. Саваян. Хорошо начали как жанристы А. Бекарян и А. Папян.

Дружественная творческая атмосфера, всегда существовавшая в среде русских художников, должна быть для нас достойным примером, которому нужно следовать. Я лично сохранил самые лучшие воспоминания о своих учителях, о прекрасных старших товарищах, среди которых жил и работал в дни молодости. Это А. Архипов, Н. Касаткин, В. Серов, К. Коровин, В. Васнецов, А. Степанов, И. Левитан. Наши учителя воспитывали у молодежи любовь к искусству, сознание необходимости служить искусству всем сердцем.

Мы живем в такое время, когда одна выставка сменяет другую, когда миллионы требовательных глаз смотрят картины, статуи, рисунки, разбираются в них, по-своему воспринимают, одобряют или отвергают, хвалят или критикуют. В этом, как в капле воды, виден культурный рост нашего народа. Это вдохновляет художников, помогает им сказать новое живое слово, достойно показать людей нашего времени, их трудовые подвиги, их быт.

Творчество художника не может развиваться изолированно, вне связи со смежными искусствами и особенно литературой. Такие связи помогают в работе, пробуждают новые устремления, новые мысли, расширяют творческие горизонты. Какой художник останется бесчувствен к музыке, пению, поэзии! Помню, как-то Ф. И. Шаляпин говорил мне, что общение с художниками помогает ему как артисту создать в своем представлении тот или иной образ.

И еще: хорошо, когда художников много, когда каждый имеет свой почерк, живо, по-своему воспринимает окружающую действительность. Меня лично всегда радует свежесть восприятия, ее-то и надо раньше всего воспитывать у молодежи, которую часто почему-то ориентируют на копирование творческой манеры старших.

Copyrighted material

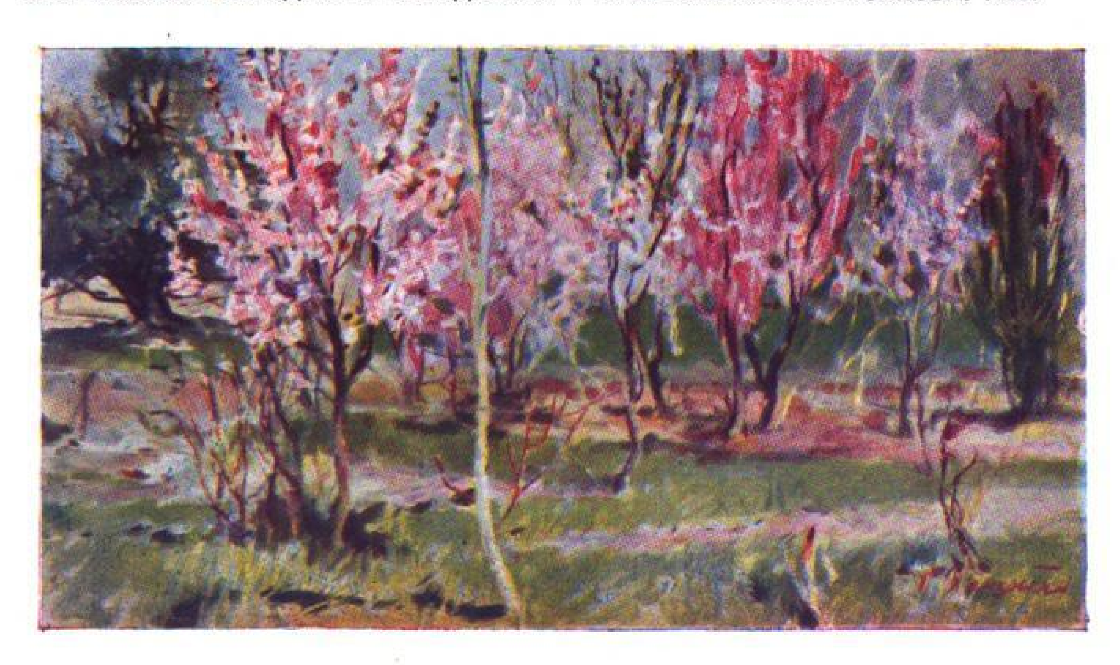
В. К. Теванян. ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНУ. 1954.

Третья Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов.

Copyrighted material

В. С. Асланян. МОЛОДОЙ А. СПЕНДИАРОВ У Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА. 1953.

Выставка произведений художников Грузинской ССР, Азербайджанской ССР и Армянской ССР.

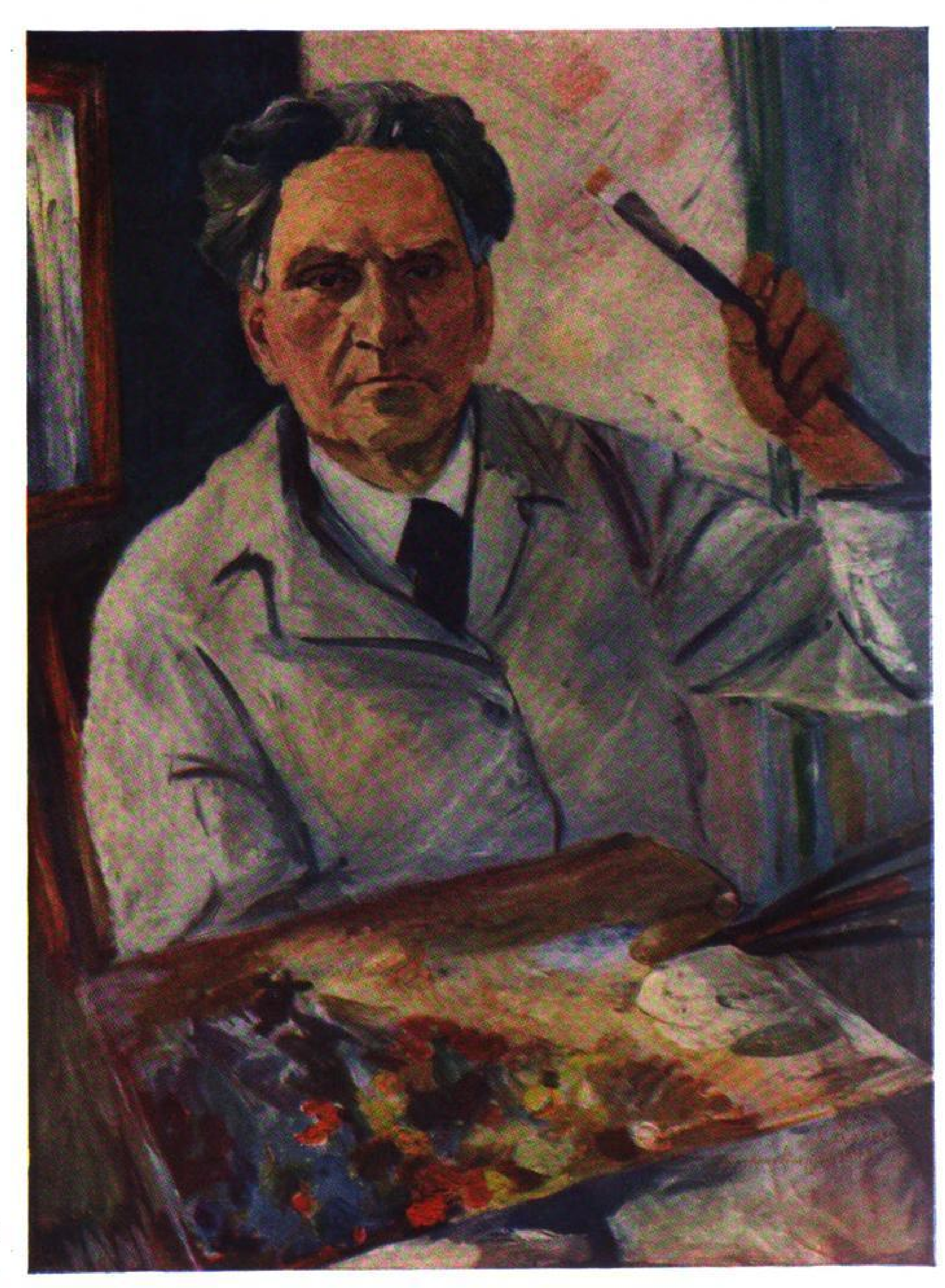

Г. С. Ханджян. ПЕРСИК ЦВЕТЕТ. 1953.

Copyrighted material

М. С. Сарьян. ЮЖНАЯ ЗИМА. 1934.

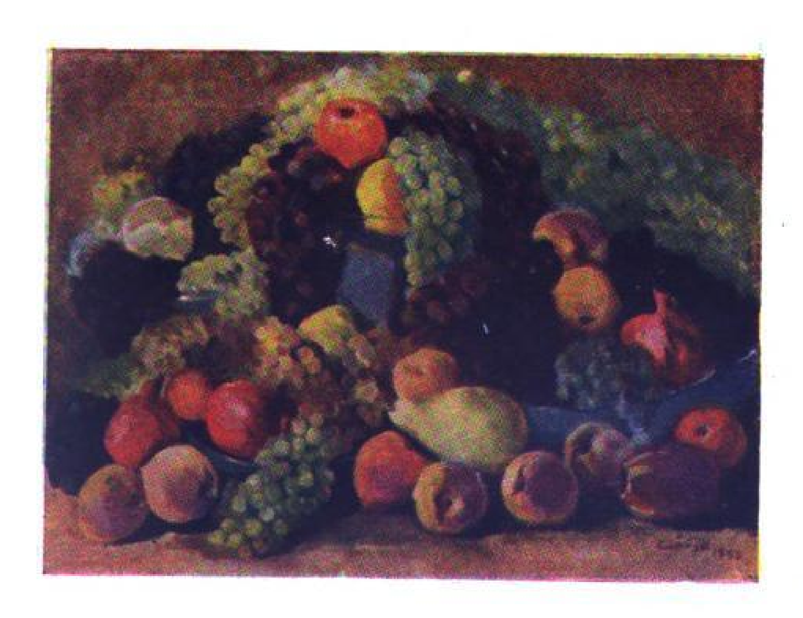

М. С. Сарьян. АВТОПОРТРЕТ. 1942.

Государственная картинная галерея Армении.

Copyrighted material

М. С. Сарьян. КОЛХОЗ СЕЛА КАРИНДЖ В ГОРАХ ТУМАНЯНА. 1952.

М. С. Сарьян. НАТЮРМОРТ. ФРУКТЫ. 1950.

Copyrighted material

Поэты Советской Армении

Егише ЧАРЕНЦ

Читающему поэту

Быть может, ты посмотришь с удивленьем
на строки книг, где вычурности нет.
Склонясь с усмешкой над стихотвореньем,
ты скажешь: до чего дошел поэт!
А он лишь простоты добился ясной,
дающейся работой ежечасной.

Мы одолели сложный, величавый
тонических стихов певучий ритм.
Учись писать, как тот поэт кудрявый,
что с нами чрез столетье говорит.
Как ясны эти ямбы и хореи,
как мужественен, чист его язык!
Зовет он к жизни, жаром души грея,
и этим он бессмертен и велик.

Перевела В. ЗВЯГИНЦЕВА.

Амо САГИЯН

Чужая весна

Пришлось мне встретить дни весенние
В чужих горах, в чужих долинах,
Далёко от моей Армении.

Вокруг веселое цветение
Весенних рощ, лесов и пастбищ,
Как и у нас, в моей Армении.

И птичье схоже оперение,
И песни так же задушевны,
Как и в горах моей Армении.

Ручьев серебряное пение...
Вода журчит и убегает,
Как родники в моей Армении.

Похоже все, но тем не менее
Я весь, как пламенем, охвачен
Тоскою по весне Армении.

Перевела В. ЗВЯГИНЦЕВА.

Вагаршак НОРЕНЦ

Наш камень

Наш древний край сухих нагорий
От века без воды страдал,
Но в этом вековечном горе
Он век за веком воду ждал.

И вот, когда с веселым гудом
Пришла в поля, в сады вода
И край оделся изумрудом,—
Нам камень дорог стал тогда.

Наш древний камень, что веками
Был против нас ожесточен,
Он другом стал нам, этот камень,
И век наш украшает он!

Дает он рост и древним нашим
И нашим новым городам,
Он, обработан и украшен,
Сам украшеньем служит нам.

Когда рукам народа право
Свободы творчества дано,
Они творят добро и славу,
И камень с ними заодно!

Перевел Лев ПЕНЬКОВСКИЙ.

Микаэле РАШИД

Имя человека

В детстве, помню,
идем с полей,
К дому торопимся поскорей.
Горный ветер
шумит веселей
И остужает лбы косарей.
На небе синяя, синяя гладь,
Так вот и хочешь погладить слегка.
Хочется просто в траве лежать,
Глядя в нетающие облака...
Как хорошо!
Труд завершен.
Но беспокоит меня один
Угрюмый путник:
поодаль он
Так одиноко идет,
нелюдим.
Взор его зол,
Шаг тяжел...
— Дед,
почему он такой чужой?
— Чужой? — переспрашивает мой дед,
Трубку закуривая опять.
— А сам виноват,
Помочь не хотел
Нам, землякам, канаву копать.
Русло вели мы издалека,
Чтобы в село бежала река.
А этот — не уломали никак —
Рыть не хотел, на подъем тяжел...
Дед замолчал.
Раскурил табак
И задымил, будто в мысли ушел.
И тихо заметил:
— Знай, человек,
Имя тебе дается навек.
Доброе имя надо хранить,
Вескому камню оно под стать:
В жизни его легко уронить,
И трудно
снова его поднять.

Перевел Александр КОРЕНЕВ.

Геворг ЭМИН

Ива

Говорила мне бабка не раз,
Что бесплодна плакучая ива,
Нужен даже терновник подчас,
А она бесполезно красива,
Никому на земле не нужна...
Ну, а речки журчащей стремнина,
Чьею тенью укрыта она?
А плетеные эти корзины
В погребах для плодов и вина?
А откуда свирель пастуха?
Всё от ивы.
А ива, бывало,
Одинока, скромна и тиха,
Горевала, что сделала мало.
А по смерти упавшим стволом
Берег с берегом соединила,
Протянулась над речкой мостом.
Бабка иву напрасно бранила,
И сказать мне всю правду пора:
Если б те, что болтают хвастливо,
Людям делали столько добра,
Сколько сделала скромная ива!

Перевела В. ЗВЯГИНЦЕВА.

Ованес ШИРАЗ

* * *

С берега Арпачая голос летит, звеня...
Мой отец-огородник, верно, зовет меня.

Нет, это только отзвук струи вод сберегли,—
Мертв отец, но бессмертны зовы родной земли.

Пойте, мудрые воды, слышу ваш вечный зов:
Разве могу забыть я отчий, родимый кров?!

Днем и бессонной ночью слышу струй бубенец:
Воды, как я, смеются, плачут, как мой отец.

Перевела В. ЗВЯГИНЦЕВА.

* * *

Смехом и лепетом не согреть,
Сумрачен дом, где ребенка нет.

Дом, где царит тишина, не дом —
Колокол с вырванным языком.

Перевела Т. СПЕНДИАРОВА.

Наири ЗАРЬЯН

Вода

Купаясь в жаркий день в волнáх реки,
Подумал я: ошибся критик твой,
Когда сказал он, правде вопреки:
«Ты наполняешь свой роман водой».

Как много свежести таит вода!
Как много жизни, бодрости и сил!
В твоей же книге жизни нет следа.
Ты сам скучал, когда ее творил.

Как сына, обоймет тебя река.
Журчание воды ласкает слух.
А твой роман — смертельная тоска.
Он, как пустыня выжженная, сух.

Читатель твой, как путник в летний зной,
Едва бредет, стирая пот с лица,
Читатель твой живет мечтой одной —
Скорее бы добраться до конца!

А кто захочет, чтоб умолк ручей?
Чтобы вода исчезла из пруда?
Иссякший ключ не радует очей...
О нет! Твои романы — не вода!

На рынке

Большую дыню продает
В базарный день Амбó-старик.
— Сладка ли дыня? — Чистый мед!
— Попробуйте, мадам Зарик!
И если я солгал, мадам,
Ее задаром я отдам.

Зарик берет кусочек в рот,
Капризно морщится она:
— Нет. Дыня мне не подойдет:
И не сладка и не сочна.
Вспылил Амбо: — Ну и народ!
Ведь это — дыня, а не мед!

Перевела Д. ОРЛОВСКАЯ.

СУДЬБА МАЛОЛЕТНЕГО ГРА

Лев КАССИЛЬ,
Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Начало этой истории мы разыскали на слегка уже пожелтевших страницах старого, дореволюционного журнала «Огонек», в номере двадцать третьем, который вышел ровно сорок пять лет назад...

В июне 1911 года в «Огоньке» была напечатана небольшая заметка:

«Вундеркинды», дѣти преждевременнаго развитія, проявляютъ чаще всего феноменальныя способности въ области музыки. Гораздо рѣже обнаруживаются въ дѣтствѣ научныя дарованія. Почти невѣроятными представляются свѣдѣнія, сообщаемыя нашимъ корреспондентомъ и саратовскою прессой о 5-лѣтнемъ Георгіи Лозгачевѣ, сынѣ ночного караульщика. Семья этого бѣдняка, получающаго всего 15 руб. въ мѣсяцъ жалованья, ютится въ подвальномъ помѣщеніи дома Шмидта, на Константиновской улицѣ въ Саратовѣ. Георгій Лозгачевъ уже на третьемъ году выучился читать. Онъ знакомъ со многими произведеніями классическихъ писателей, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Толстого и др., но—увы—увлекается фантастическими романами

Мальчикъ-феноменъ.

Со снимка саратовскаго корреспондента «Огонька» В. Девяткова.

«пинкертоновской» литературы. По вечерамъ, особенно въ праздники, легковые и ломовые извозчики, мелкіе прасолы приглашаютъ мальчика въ чайныя и пивныя, гдѣ онъ, съ необыкновенною для его возраста выразительностью и пониманіемъ, читаетъ имъ газеты. Кромѣ того, онъ умѣетъ читать по-церковно-славянски и недавно выучился читать по-еврейски. Феноменальный ребенокъ является для своей 10-лѣтней сестры, Вари, которая учится въ городской школѣ, репетиторомъ: диктуетъ ей, задаетъ задачи, провѣряетъ письменныя работы и т. п. Помѣщая снимокъ съ этого столь щедро одареннаго природою ребенка, позволяемъ себѣ выразить надежду, что найдутся добрые люди, которые не дадутъ заглохнуть столь исключительнымъ способностямъ.

КОНЕЦЪ РЕДАКЦІОННОЙ ЧАСТИ № 23 «ОГОНЬКА».

Нашлись такие люди в самом Саратове.

Дело в том, что примерно в то же время такого же содержания заметка, под менее сенсационным заголовком — «Малолетний грамотей»,— была напечатана и в газете «Саратовский листок». В ней журналист именовал Гору Лозгачева «просто уличным мальчиком».

И вот однажды в семью дворника Лозгачева пришли супруги Елизаровы — Марк Тимофеевич и Анна Ильинична.

Да, это была Анна Ильинична Ульянова, старшая сестра Владимира Ильича Ульянова-Ленина. За год до этого она с мужем переехала в Саратов, работала сперва в легальной демократической «Приволжской газете», а потом в популярной «Саратовской копейке». Писала она также листовки для Саратовского комитета партии, за что уже в 1910 году вместе с сестрой Марией Ильиничной и несколькими членами саратовского комитета подвергалась арестам.

Муж ее — Марк Тимофеевич Елизаров — был одним из руководителей стачки железнодорожников в пятом году. Он также неоднократно подвергался преследованиям за свою революционную деятельность да еще «за близость к семье Ульяновых». В ту пору он работал в одном из страховых обществ.

Елизаровы были бездетными. Но их всегда тянуло к ребятам, и они усыновили Гору Лозгачева.

Привыкшие к правилам строгой конспирации, Елизаровы избегали вести при своем воспитаннике разговоры о делах партии. Но Гора уже знал, что старший брат Анны Ильиничны погиб в борьбе против царя, а средний брат — дядя Володя — жил почему-то не в России, а в чужой стране. От него часто приходили письма.

Из Саратова Елизаровы переехали в Петербург. Здесь вместо «Саратовской копейки», которую Анна Ильинична приносила обычно домой, грамотей Гора увидел другую газету. У нее было строгое название: «Правда». В редакции этой газеты и работала тогда Анна Ильинична.

Подрастая, Гора стал понимать, что семья, ставшая ему родной, тесно связана с опасным, но смелым и прекрасным делом. Однажды, когда полиция производила у Елизаровых обыск, Гора, о многом уже догадывавшийся, сумел вынести из квартиры под носом у полицейских какие-то важные документы, незаметно переданные ему старшими.

После свержения царя в феврале 1917 года Елизаровы, уже не таясь, поговаривали о том, что дядя Володя — Владимир Ильич — скоро приедет в Россию.

Вечер 3 апреля 1917 года навсегда запомнился мальчику: все домашние отправились на Финляндский вокзал встречать Владимира Ильича. Гору не взяли: ему пора было спать.

На следующий день утром он вскочил с постели, побежал в коридор и увидел против своей комнаты коренастого человека в зеленом шерстяном костюме с кожаными пуговицами. Он, весело сощурив глаза, с нескрываемым интересом поглядел на Гору и вдруг коротким, энергичным движением протянул ему еще чуть влажную после умывания руку.

— Ну, здравствуй, здравствуй! — быстро заговорил он. — Ты кто же это такой? Повидимому, Горушка? Так, что ли? Слышал, слышал...

— И я про вас тоже слышал, — совсем тихо сказал Гора, не сводя глаз с лица, остроконечной бородки, хорошо уже знакомой ему по семейным фотографиям.

С этого памятного утра началась для Горы новая, удивительная жизнь. Уже днем он впервые катался на автомобиле. Владимир Ильич ездил с ним куда-то за пишущей машинкой: Ленин сразу же взялся за работу, словно и не уезжал никуда из России.

Но вот раскатился над Невой тяжелый удар авроровой пушки. Победили большевики! Гора узнал, что Владимир Ильич Ленин стал во главе первого в мире государства рабочих и крестьян.

А Марк Тимофеевич Елизаров, которого железнодорожники хорошо помнили с пятого года, стал народным комиссаром путей сообщения.

Владимир Ильич теперь работал в Смольном. Несколько раз Гора приходил туда к Ленину вместе с Анной Ильиничной или с Марком Тимофеевичем.

Весной 1918 года Советское правительство переехало в Москву. Семья Елизаровых поселилась в Кремле, неподалеку от квартиры Ленина. Марк Тимофеевич Елизаров вручил кремлевский пропуск своему приемному сынишке, но тот им не удовольствовался: он увидел, что Владимир Ильич имеет другой, особый пропуск... Владимир Ильич сейчас же сказал своему секретарю Л. А. Фотиевой:

— Пожалуйста, Лидия Александровна, выпишите ему такой же пропуск, как у меня.

С пропуском, «таким же, как у Ленина», Гора частенько и беспрепятственно наведывался в кабинет к Владимиру Ильичу.

Так как Гора с самых малых лет слыл заправским грамотеем, он иногда помогал разбирать почту Ленина, выбирал для него в первую очередь самые срочные письма, сортировал почту для Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Владимир Ильич в шутку называл его своим личным секретарем.

Гордый этим почетным званием и доверием Ленина, Гора с упое-

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов на открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции 7 ноября 1918 года. Рядом с Лениным — Гора Лозгачев-Елизаров.

Copyrighted material

МОТЕЯ

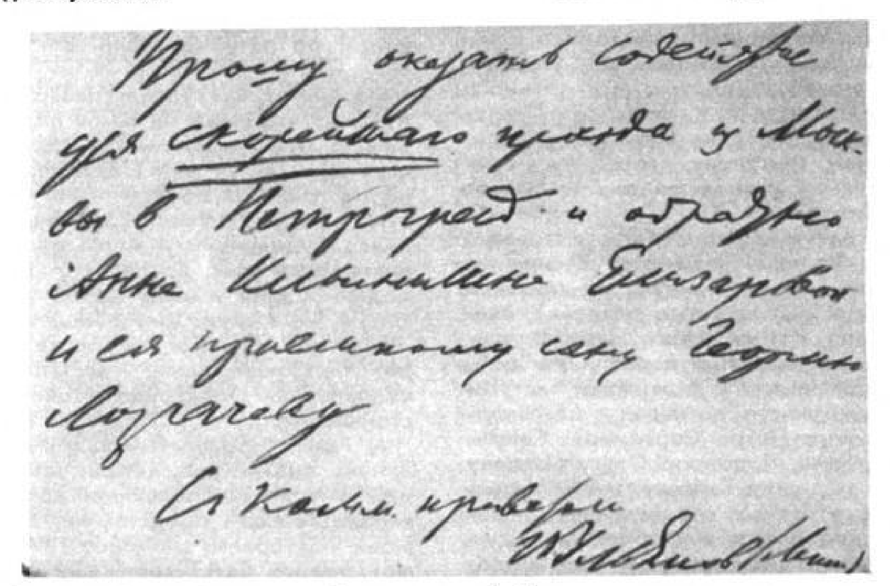
нием выполнял разные мелкие поручения, которые давал ему Владимир Ильич.

Ленин охотно брал с собой мальчика. Гора побывал с Владимиром Ильичем на Всероссийском съезде Советов и даже носил какие-то записочки от Ленина из президиума в зал.

Летом 1918 года приемные родители Горы заболели тяжелой формой гриппа. Чтобы изолировать мальчика, Владимир Ильич сам увез его в Горки. Здесь, на даче, Ленин любил играть с Горой в городки, вместе с ним ходил купаться.

Анна Ильинична Елизарова с приемным сыном Горой.

Прошу оказать содействие для скорейшего проезда из Москвы в Петроград и обратно Анне Ильиничне Елизаровой и ее приемному сыну Георгию Лозгачеву.

С комм. привет.

В. Ульянов (Ленин)

Записка В. И. Ленина в Петроградский Совет и железнодорожникам, написанная Владимиром Ильичем 7 апреля 1920 года.

В день первой годовщины Октябрьской революции Гора был на Красной площади рядом с Лениным и Свердловым.

Прошла трудная зима 1919 года. Весной Марк Тимофеевич Елизаров выехал по делам в Петроград, тяжело заболел там и скончался... Гора потерял своего приемного отца. Вместе с Лениным мальчик поехал на похороны. Многие помнят известные кадры документального фильма, где Владимир Ильич запечатлен в тот момент, когда он с друзьями провожает в последний путь старого большевика, первого народного комиссара путей сообщения Марка Тимофеевича Елизарова. И всякий, кто видел этот фильм, должно быть, заметил возле Ленина мальчика, встревоженного, не находящего себе места. Ленин говорит ему что-то серьезно, как взрослому. И мальчик стоит около Ленина, опустив голову...

Это и есть Гора Лозгачев-Елизаров. Он склонил свою светловолосую голову над могилой приемного отца, одного из тех по-настоящему добрых людей, которые всю жизнь всеми своими помыслами и трудом вели народ сперва потайными, а потом открытыми крутыми путями революции. А рядом стоит вождь революции, чьим маленьким спутником довелось быть мальчику из дворницкого подвала.

Обо всем этом рассказывает сегодня пионерам и школьникам Георгий Яковлевич Лозгачев-Елизаров, коммунист, инженер, участник Великой Отечественной войны и персональный пенсионер. Память его бережно хранит все подробности о тех днях и часах, которые ему посчастливилось провести около Ленина. Лишь о некоторых из них мы коротко рассказали здесь.

Георгий Яковлевич Лозгачев-Елизаров.

НЕТОРНОЙ ДОРОГОЙ

Г. РАДОВ

— Ты в Ленинград правишься? — спросил меня перед отъездом с Кубани Гервасий Ильич, председатель колхоза. — Заезжай к Омельченко! Разнюхай насчет моих ситуаций...

«Ситуаций» у Гервасия Ильича было множество. То задумывался он над овечьей судьбой: прибыльно иль убыточно водить овцу на распаханном сплошь виноградном побережье? Здравый смысл подсказывал: убыточна овца. Но как доказать?

— Лихо! — горевал Гервасий Ильич.— Двадцать пять лет хозяинуем — не знаем, что почем... А цены! Опять я дал команду резать телят! Двухнедельных...

— Да к чему? — не понимал я.— Много ли с двухнедельного теленка котлет настряпаешь? Доводи телят до говядины!

— Ишь ты, умник! А выгода? Пока телок до говядины дорастет, ему же литров четыреста надо молока отдать, не считая другого корма. А молочко-то в цене! Что делать? В Москву писать? Где инструкция?

Что верно, то верно! Сколько мы ни листали книжек, брошюр, справочников, а насчет цены, стоимости, себестоимости, прибылей и убытков в колхозах, то есть насчет того, без чего хозяин подобен гребцу без руля, не находили ни звука. И лишь однажды — это было уже зимой — Гервасий Ильич вернулся из города веселый.

— Нашел! — похвалился он, показывая тонкую книжечку.— Нашел инструкцию, обсчитаю овечку!

Но это была еще не инструкция. Это была всего лишь брошюра «Колхоз в борьбе за рентабельность». Написал ее Юрий Омельченко, председатель колхоза имени Димитрова, Кингисеппского района, Ленинградской области.

— Дельный хлопец! — сказал Гервасий Ильич об авторе.— Университет кончил — и в колхоз! Да еще в какой колхоз, в распоследний из никудышных!.. Полторы копейки на трудодень — вот такой он выбрал колхоз, а годочек — другой послужил и дал людям по червонцу! А гроши и там даром не достаются: сторона лесная, сердитая, земля — суглинок. Я через те места с полком проходил. Знаю...— Он повертел книжку, ткнул пальцем в предисловие от издательства. — Только видишь, что пишут? «Многие положения являются спорными». Спорными! А кто спорит? Как? Кто кому доказал? Езжай, разведай...

По правде сказать, и меня интересовал этот колхоз. Очень много и часто писали о нем прошлой весной, но вот уж полгода, как имя его сошло с газетных страниц. Что там стряслось у Омельченко?

* * *

Прибалтийские русские земли... Крохотные деревушки, разбросанные среди лесов. Рубленые толстостенные избы. Валуны у дороги. Асфальтовое шоссе, рассекшее чащу, а в лесу чуть приметные следы копыт: говорят, лосиная тропа.

Правленческий дом стоял на юру, открытый ветрам. Неподалеку светлые, новые, с иголочки, постройки МТС, дальше силосные башни, скотные дворы — все новое, нарядное. Омельченко в небольшой комнате, пронизанной солнцем, принимал гостей из-под Витебска. Странновато было видеть их тут. Зачем приехали? Поучиться? Да неужели в самой Белоруссии нет колхоза получше? Даже тут, по соседству, в районе, есть колхозы, где и молока-то надаивают побольше и трудодень оплачивают щедрей. И все-таки не к соседям, а именно сюда, к Омельченко, валом валит народ. И пишут! Из Сибири, с Кубани, с Дона, с Херсонщины, с Урала, с Амура — запросы, запросы... На днях пришла вовсе смешная телеграмма из Сочи: «Авиапочтой шлите опыт тчк Председатель Рогонян тчк». Посмеялись колхозники: что там приключилось с безвестным товарищем Рогоняном: хлебнул он лишнего в курортном ресторане или так жарко заспорил с дружками, что отбил депешу без обратного адреса?

Омельченко, высокий, щеголеватый, в модном пиджаке с университетским значком на лацкане, расхаживал по комнате. Длинные волосы его рассыпались, он отбрасывал их со лба быстрыми нервными жестами.

— Как без расчета?! — запальчиво говорил он, поглядывая на витебского председателя, немолодого румяного мужчину с сединкой в жестких волосах.— Как без расчета, Александр Иваныч? Куда кривая вывезет? А если не туда вывезет? Ну что ж, что готовых форм нету! Не только форм, самой-то себестоимости в колхозах не признавали ученые-экономи-

Copyrighted material

сты! Прибыль, убыток — и слов таких в обиходе не было! Да мало ли что... Сами придумали форму! Не так-то уж хитро. Дело-то не в форме! Суть в принципе!

Он говорил уверенно, весело, бойко, а мне припомнилось, как он попал в этот колхоз. Его же не посылали! Его даже не пускали, не желая, видимо, добавлять к десяткам провалившихся в районе председателей еще одного, с университетским значком. А он все добивался, просился, настаивал... Почему?

Омельченко побывал в этом колхозе на студенческой практике. Он пас коров, косил сено и не «для изучения», а по-человечьи, с болью в душе вошел в жизнь одиннадцати доведенных, что называется, «до ручки» лесных деревушек. Да, полторы копейки на трудодень... И сотни хлынувших в город отходников... И те, что остались — по званию колхозники, а по жизни чистейшие единоличники,— кормились только с усадеб. Что оставалось от колхоза? И Омельченко, воротившись в университет, написал отчет о практике и не слукавил, не утаил горькую правду... А было это за год до сентябрьского Пленума, и, разумеется, заведующий кафедрой, привыкший читать о деревне только благополучные реляции, пришел в ужас от дерзкого отчета. Он поставил студенту Омельченко «принципиальную» двойку и объявил, что означенный студент дискредитирует политику партии в деревне.

— Я еду туда! — сказал Омельченко.

— Собирать факты? Доказывать?

— Нет, поправлять. Попрошусь председателем.

И уехал, и вот три года спустя мы с витебчанами, притихшие, озабоченные, слушаем его рассказ.

— Хозяйствовали тут вот как,— говорит он гостям.— На трудодень и двух копеек не доставалось, а между тем все вроде бы выходило по инструкции... Скота держали не меньше, чем мы держим сейчас. Коровы, свиньи, овцы — все как положено! Спросишь: а прибыльны фермы? А как же, мол, доход имеем. Доход! Только то и считали, что в кассу поступало за молоко. А какой ценой оно доставалось колхозникам? Расход-то не учитывался! Что труд колхозников вложен в фермы и не оплачен — это же за убыток не считалось! А мы подсчитали все затраты: и корма, и механизацию, и труд людской; все на рубли перевели, доход с расходом сопоставили и ахнули: все убыточно! И молоко, и мясо, и шерсть, и яйцо...

— Себестоимость выше цены? — с удивлением спросил витебчанин.— Да почему же? Цена...

— Нет, цену правительство подняло, и все равно у нас убыток.

— Да откуда?

— Вот именно, откуда? Свинья, например,— скороспелое и, по общему суждению, выгодное животное, а свинина обходилась нам дороже, чем на базаре. Почему? А потому, докопались, что расход никто не считал! Не экономическая целесообразность, не выгода, а стандартная для всех директива командовала хозяйством. По «общей» директиве догоняли свиней «до сала», а кормили «шоколадом», как наши свинарки выражаются,— концентратами, картошкой. И это на наших-то землях!

— А корова как? — перебил витебчанин.— И ей условия неподходящи?

— Нет, условия подходящи,— сказал Омельченко.— А удой?! При тыще литров, оказалось, корову выгодней на шкуру продать, чем доить. И корма... У нас же тут ученые люди турнепс пропагандировали. Турнепс — на всех плакатах! Лучший корм! А мы подсчитали себестоимость кормовой единицы, и побледнел турнепс! Вдвое дороже кукурузы, дороже клеверного сена! Понимаете, к какой логике подвели нас подсчеты? Овцу мы разом прикончили, свинью оставили, но дали ей другой ориентир — на мясо. И с «шоколада» перевели на дешевку — на силос, на траву. Заиграет свинья! Зато корову возвеличили!

— Почему корову?

— А подсчет показал, что именно она наилучшая копилка в наших местах. Рубль, вложенный в корову, у нас быстрей всего обрастает прибылью...

— А другие отрасли отложили? Корове полное предпочтение?

— Расчет! — строго сказал Омельченко.— Да если б мы с копеечным капиталом сразу взялись за все отрасли, распылили бы средства и по уши увязли! А нам так советовали! Двигайте, мол, все потихоньку, согласно директивам о всестороннем развитии, жмите на все педали. А мы не послушались, всю силу в кулак собрали и нажали на одну педаль — на молоко! За год удой удвоили, впервые взяли чистую прибыль, окрепли, труд людской оплатили, а на второй год нажали на другую педаль, всей силой — на парники! И опять взяли прибыль...

— Юрий Тихонович! — осторожно спросил витебчанин.— Ты вот что скажи: как это вам дозволялось?

— Что дозволялось?

— Да это самое... Своим умом...

— Хозяева-то мы!

Витебчанин прищурился и так посмотрел на Омельченко, словно сказать хотел: брось, мол, друг, Ваньку валять, знаем, какие вы были хозяева! Но сказал по-другому:

— Хозяева-то хозяева, да ведь это вон когда нам руки развязали насчет планов, Устава. А вы-то тут четвертый год смекаете своим умом. Как же вам дозволялось?

Он смотрел в упор на Омельченко: видно, проблема «как дозволялось» беспокоила его неспроста. Омельченко пояснил, что их поиски поддерживались Ленинградским обкомом партии и облисполкомом. Но витебчанин не успокоился:

— Кроме обкома, облисполкома, мало ли контор на свете! И все писали, не гуляли! А вы-то с нарушений начали! Я тут расспросил, с чего вы начинали... Вы же двести голов скота распродали, чтоб коров уберечь! Нарушение! Сводка горит! А потом вы лес продали, чтоб обернуться с деньгами. Еще нарушение! Еще акт! А потом же вы овец прикончили, турнепс забраковали... Аванс выдали в начале года... Оплату новую завели... Да вы же тут сплошь не по инструкции шуровали! И к следователям тебя таскали, и к ревизорам, и акт за актом... Как обошлось?

— Спорили, Александр Иваныч! А как же ты хотел по нехоженому? Спорили!

— Ты мне вот что объясни,— наклонился витебчанин.— Ты-то сюда с учения прибыл! Деревни не нюхал. Как же ты своим умом насмеливался?

...В самом деле: как он «насмеливался»? Деревни «не нюхал». Вырос в Армавире. Добровольцем пошел на фронт, служил бортмехаником на тяжелых боевых самолетах, был ранен, лежал в госпитале, потом учился в университете, и вот впервые явился в село, и сразу же, с порога, показал себя хозяином расчетливым. Что его выручило? Образование? Природный ум? Смелость?

Я долго выспрашивал об этом одного старожила деревни Большие Котлы, темнолицего, крепкого мужчину со светлыми проницательными глазами. Сперва он охотно хвалил председателя, а потом рассердился:

— Вишь, как у вас! Прицелитесь к председателю и возносите и возносите!.. А ты около приглядись!

Я пригляделся «около» и тотчас же приметил рядом со стремительным Омельченко угрюмоватого, с виду медлительного Александра Антоновича Павлова; и Клавдию Алексеевну Киселеву, немолодую женщину с красивым, умным лицом; и Марию Николаевну Васильеву, агронома, строгую, суховатую в разговоре; и Евгению Ивановну Васильеву, шумливую, бойкую; и Михаила Пронина, веселого паренька, слесаря с Кировского завода, укоренившегося в деревне по доброй воле; и пожилого пастуха-коммуниста, дотошного, несговорчивого Петра Сергеевича Спиридонова; и доярок Ольгу Павлову и Надежду Байкову, женщин рассудительных, справедливых, знающих толк и в фермах и в людях... Удивительно уместно подобрались они к Омельченко, эти разные люди!

Омельченко умел и любил считать, его голова была полна экономических расчетов и прогнозов, он нетерпеливо заглядывал в завтра, частенько отрываясь от грешной земли. Павлов же, напротив, редко отрывался от грешной земли, зато он знал экономику в «натуральном» выражении, разумел по-крестьянски, без подсчетов и калькуляций, чем выгоднее кормить свинью и курицу, и где сеять пшеницу, и как рубить лес... Они понимали друг друга с полуслова — ученый и неученый экономисты — и сами порой не замечали, как обогащали друг друга. Зато посторонние, глядя на них, удивлялись: «И где это Омельченко подковался насчет предметов крестьянских?», «И где это Павлов просветился насчет себестоимости?»

Омельченко был горяч, прямолинеен, он видел перед собой ясную цель: поднять колхоз — и не признавал преград, не церемонился с противниками, а бывал с ними грубоват, резок, даже чересчур резок. И как же тактично и твердо удерживала его от этих «чересчур» Клавдия Алексеевна Киселева, давняя общественная деятельница, секретарь партийной организации! Она была старше его, опытней в политике и по-матерински присматривала за молодым председателем, а когда завистливые «актописатели» нападали на смельчака, она, Киселева, обороняла его от наветов.

Чем больше я смотрел «около» председателя, тем острей чувствовал: как же порой мы грешим против правды! Как часто, неумеренно восхваляя хороших председателей, объявляем их, в сущности, всесильно решающими! Всей стране известны имена Прозорова, Дубковецкого, Пузанчикова, Короткова... А много ли читателей знает о членах правления этих знаменитых колхозов?.. О бригадирах? О заместителях? Да что там говорить!..

* * *

В те дни колхоз только что начал жить по-новому. И что ни день, глаз улавливал новое, необычное и, по правде сказать, непохожее на то, что пришлось видеть в других селах.

Вот стоят перед кассиршей двое: молодой, гибкий парень в вельветке с «молнией» и пожилая женщина в вязаной шапочке. Кассирша подает женщине пачку кредиток:

— Перечти, Ильинична! Две тыщи шестьсот. Знаешь, почем тебе трудодень оплатили? По одиннадцати рублей. А тебе, Николай, по пятерке упало. В курсе?

Парень-то «в курсе», разводит руками: что, мол, с вами поделаешь! А я вспоминаю, что во всех письмах на имя Омельченко народ требовал объяснить эту новую оплату. Что еще за градации: трудодень-то — мера труда, равная для всех, почему же трудодень парня вышел вдвое дешевле, чем трудодень женщины?

Или вот сценка... На бригадира, подбоченившись, наступает полногрудая молодайка в цветастой кофте.

— Где правда?! — надрывно кричит она.— Куда девали правду? Эт-то почему танькиной корове за так быка представили, а с моей полтораста целковых?! Что, моя корова богом обижена?

— Угомонись, Аграфена! — урезонивает ее бригадир.— Не богом, а тобой корова обижена. Татьяна круглый год на работе, а ты?.. Устав не знаешь?

Или вот еще... В бригаде собрание. Идет наделение приусадебными участками. Бригадир прочел список, присел, ждет, пока люди поутихнут. Но в зале гудит перепалка.

— Мне двадцать соток?! Да я же в колхозе денно и нощно!..

— А мужик? Мужик где пасется?

— Да то ж полюбовник!

— Опомнись, Марья! Из-за пятнадцати соток от мужика отказываешься...

— А меня за что обижаете? Я же старая, неспособная...

— Дочек с зятьями тяни на работу, бабушка! Что они за твоей старой спиной сидят!

— В разделе я с ними! Не отвечаю!

— С родными-то?! Из одной чашки едите — и в разделе?!

Я спросил у Омельченко, что обозначают эти сценки. Справедливо ли поступает колхоз?

— Полнейшая справедливость! — сказал он резко.— Личная заинтересованность! Система экономических санкций и экономических поощрений.

Система... В житейский смысл этой ученой формулы посвятила меня немолодая доярка с милым, в светлых морщинках лицом.

— Конец! — сказала она, кивнув на старуху, которая «в разделе» с родными дочками.— Отбатрачила я на вас, голубчики! Хватит!

Copyrighted material

Отбатрачила? По правде сказать, тщедушная старуха никак не походила на эксплуататоршу.

— Самая она и есть эксплуататорша! — гневно сказала доярка.— Не сама, а семейство ее. Ох, ушлые! Их же поболе сотни было таких по сельсовету: с родными матерями, с тещами обманно разделились, только б я их кормила.

— Да каким образом вы их кормили?

— А таким способом... У меня в семействе четверо, и у этой бабуси четверо. И усадьбы по полгектара. Равноправие? Э, нет, считайте! Я сама триста дней в году колхозу служу, и дочка старшая, огородница, двести пятьдесят, да еще меньшие, школяры, летом пособляют. А у нее? Две дочки бездетные домоводничают, зятья «шабашки» на стороне сшибают, с матерью раздел оформили, а все хозяйство на нее записали. А что с нее возьмешь? Престарелая! Налогу не платит, на работу не ходит... Теперь прикиньте, как же мы кормились... Ну, я, понятно, по трудодням получала, а у них-то нет трудодней! Чем жили? Да из той же кастрюли, что и я, из колхозной! Только я по труду, а они по обману. Усадьба — земля колхозная? Пахали они землю колхозным конем? Дрова рубили в нашем лесу? А возили дрова? Да опять же нашим тяглом! И так все...

— А теперь?

— Кончено! Шалишь, дорогие! Будет все семейство работать — получай тридцать пять соток, как и я, а не будет — вот тебе десять соток на твою старость! И за все нам плати! За покос, за выпас, за коня, за быка... Худо работаешь — больше плати!

— А почему трудодень по-разному оплачиваете: одному по десятке с лишком, а другому по пяти рублей? Трудодни-то одинаковые!

— Как это так?! — перебила доярка.— Это на заводе: сделал деталь — получай денежки. А у нас? Пока картошка в земле сидит — то еще не деталь! Ты, допустим, вышел на посадку по теплой поре, нахватал трудодней и — привет, товарищи колхозники, до расчета! А моя дочка, почитай, круглый год на огороде возилась: и вырастила, и выкопала, и до ума довела... Как же вас равнять?! Не равняем! Кто триста дней в году выполняет норму, тому наивысшая ставка на трудодень: одиннадцать рублей. Кто двести дней вышел — по семи, а кто сто дней колхозу отдал, у того трудодень по пятерочке...

В тот же день к председателю зашел мужчина в полушубке.

— Что, Парфеныч? — спросил Омельченко.— Надумал?

— А куда от вас денешься? Обложил ты меня, Юрий Тихонович, как того волка...

— Не я обложил. Народ!

— Все едино! Усадьбу режете, за попас берете, на трудодни не поровну... За быка, прости господи... Куда мужику податься? Пришел!

Довольная улыбка тронула губы председателя:

— Да ты веселей смотри, Парфеныч! Ишь ты, как от работы отвык... Правильную же выбираешь дорогу, чего ж хмуриться? Устав знаешь?

— Вон он где у меня, ваш Устав! — потянулся мужчина к затылку.

— Плохо знаешь! Ты только ту сторону запомнил, какая тебя прижала, а посмотри на другую сторону! Будешь хорошим тружеником, как другие колхозники,— аванс тебе ежемесячный! Отпуск дадим, трудоднями оплатим! Строиться начнешь — поможем! Заболеешь — бюллетень получишь, заплатим по нему! Состаришься — на пенсию возьмем! И премии, премии за все хорошее... Ну, не в твоем интересе Устав? Или выгодней, как ты, на даровщинку жить? Но ведь кончилась даровщинка, не вернется...

* * *

Нет, не без кочек она, нехоженая дорога. Прошлым летом колхоз перенес беду. Омельченко, ликующий, взбодренный, вернулся из заграничной поездки и глазам не поверил: поля были черным-черны... Невиданная жара стояла под Ленинградом, все выгорело. И дождь — единственный, благодатный,— и он прошел по соседству! Даже на усадьбах, и там сникла картошка. Только поздняя капуста на огороде еще подавала признаки жизни, а главная надежда — ранние овощи не дали ни копейки... И тут-то обнажились просчеты, которые, не будь неурожая, сошли бы с рук и нетерпеливому председателю и его помощникам. Колхоз-то жил без резервов! На радостях, после первых успехов, с весны начали авансировать по десяти рублей на трудодень, а летом сорвались: деньги кончились, пришлось прикрыть авансирование... И насчет трудодней с весны роскошествовали, не хотелось подтягивать ремешки, пересматривать нормы; к осени нагнали уйму трудодней... И уже кое-кто, довольствуясь авансом и прикинув, что колхоз обанкротится, повернул оглобли в сторону. Упала дисциплина. И уже унылые «актописатели» готовились петь отходную этому смело взлетевшему и нарвавшемуся на беду колхозу... И даже доброжелатели, те, кто еще вчера взахлеб расхваливал колхоз, и они в трудный час примолкли. Имя колхоза враз сошло с газетных страниц.

А зря сошло! Именно в трудную пору тут развернулись события поучительнейшие! Колхоз не обанкротился. Он спас капусту, удержал удои, общий доход перевалил за три миллиона, не прекратилось строительство. Но соль не в этом! Пусть внешне артель выглядит не так благополучно, как прошлой весной, дело в другом: отхлестанные невзгодой колхозники хозяйствуют сейчас куда умней и осмотрительней, чем это было вчера, когда колхоз и его председатель были в зените славы...

Беды мучат, да уму учат! Впервые колхоз отложил резерв на черный день — триста тысяч рублей — и выдал аванс, зная, что теперь при любой погоде не сорвет авансирование! Резко, сурово обошлись с нормами, расценками, дали бригадам строжайший лимит трудодней, и агроном Мария Николаевна Васильева шерстит и шерстит наряды, выискивает «лишние сотки». Хорошему скопидомству научила беда: правление укрупнило бригады, вдвое урезало штат «начальников». И во всем экономия, экономия...

И народ как-то теснее сошелся в эти дни. Не только комсостав, как в других колхозах, но и рядовые труженики заседают в правлении. Сейчас появилась новая власть: бригадные советы уполномоченных, общий ум бригады... И при председателе как-то неприметно образовался экономический совет колхоза, регулярный семинар коммунистов и актива по экономике. Омельченко читает здесь лекции об экономических закономерностях, и здесь же пастух Петр Сергеевич Спиридонов докладывает составленную им калькуляцию себестоимости на молоко. И тут же, на занятиях, вскипают споры и рождаются новые затеи. Считается это «учебой», а на деле — совет, общий ум...

Перед отъездом мы в полночь добрались до сиротливой неогороженной председательской избы. Жена Омельченко захворала, уехала к родным, и он хозяйничал сам.

Все эти дни, приглядываясь к работе Омельченко, я пытался уловить его научные интересы. В университете о нем говорили как об уже готовом, но «неоформленном» кандидате наук. Что же дальше? Может, «кандидат в кандидаты» уже «собрал материал» и пора ему сменить сельскую обстановку на храм науки?

— Сменишь! — усмехнулся он, присаживаясь на чурбачке и подкидывая в пылающую печь два звонких березовых поленца.— Это же удивительная штука — колхоз! Думаешь, я сюда на всю жизнь собирался?.. Говорят, что труднее всего поднять колхоз, вывести из отставания. А я убедился: неправда! Поднять труднее, а вот дальше двинуть сложнее! На первых-то порах кое-что и на «ура» поддается, резервы-то все сверху, вот они, вытяни руку — достанешь. А от среднего уровня к высшему — тут уже похитрей дорожка! И экономисту тут-то и открывается простор...

Он поднялся, осторожно налил молока, выпил, закусил хлебом, достал папиросу.

— Уехать! — сказал он, затягиваясь.— А куда, собственно, уехать? Моя страсть — экономическая наука. А где ее вершить? Экономика-то в колхозах! Ведь вот мы продуманно, с этапа на этап, за два года подняли колхоз — это не наука? Разработали систему материальных поощрений и санкций, люди у нас учатся — не наука? Продумали методику подсчета себестоимости и пустили ее в ход — не наука? А потом,— зажмурился он,— как у нас на Кубани говорят, прикипел я к этим местам! Хорошая же местность! Вот побывали в Англии. У них-то, у англичан, климат подобен нашему, и много чего можно перенять. Толково, интенсивно ведут хозяйство! Клеверами займусь! Белый клевер... Да если б нам удалось на клеверах развернуться, до тысячи коров можно держать! — Он вздохнул, покачал головой, еще подкинул дров в печку, сказал: — Вначале я на квартире жил... А вот так раздумался, размечтался — пришлось свой дом поставить...

Две недели спустя я снова был на Кубани и встретился с Гервасием Ильичом. Рассказал ему об Омельченко, не умолчал и о тех толках, что было пошли вокруг неудач председателя.

— Мало ли что толкуют! — рассердился Гервасий Ильич.— Неудачи! Это ж тебе не «боковая» стрельба. Сельское хозяйство! Чего не случается? А что, ученые спорят с ним, с Омельченком, доказывают?

Я признался, что не слыхал таких споров, да и в печати не встречал.

— Ишь ты! — прищурился Гервасий Ильич.— Как же это? Объявили, что, мол, спорное, а не спорят? Тоже на боковую? Наука!

Ю. Т. Омельченко.

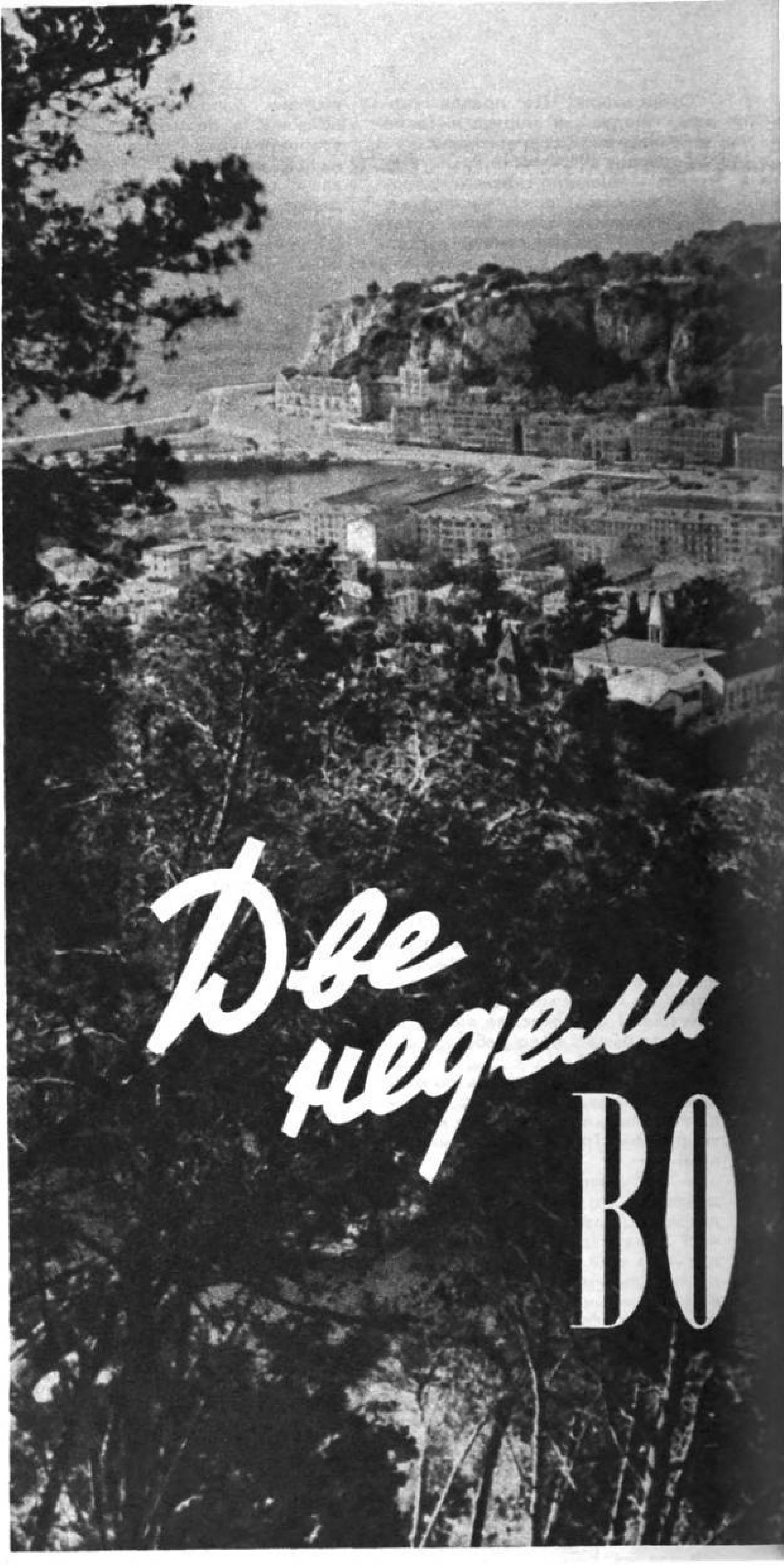

Доярка Н. С. Байкова.
Фото Н. Ананьева.

По записным книжкам

В. КОЧЕТОВ

Две недели во...

Ницца

Мы проснулись от яркого солнечного света.

Поезд стоял на небольшой станции, которая могла бы напомнить о Рижском взморье, если бы справа не сверкало море совсем иного цвета, чем Рижский залив: бирюзово-зеленое, зовущее, теплое, — и если бы слева, за каменными оградами, обвивая перистые легкие пальмы и желтые от плодов апельсинные деревца, не цвели в декабре синими цветами разгульные плющи.

Со станциями Рижского взморья эту средиземноморскую станцийку роднили аптекарская чистота перронов и сугубо летний тип вокзальных зданий, нисколько не рассчитанных не только на морозы, но и просто на плохую погоду.

Мы успели одеться и выскочить на перрон. В сторону моря дул свежий душистый ветерок. Он летел с гор — пятнистых и пестрых: темная зелень — это леса и наклонные нивы; буро-красные пятна — обнажившиеся скалы; светлосерые вкрапления — плитниковые стены сел, городков, разрушенных замков. Все это многоцветье с холма на холм уходило в дальнее небо. Воздух над холмами был такой прозрачный, что виделось сквозь него на десятки километров.

Оказывается, мы уже миновали и Марсель и Тулон и вступили на землю той части Франции, которая известна миру под красивым именем: Лазурный берег.

Тут поезда идут не по карнизу вдоль самой кромки моря, как идут они у нас по дороге Туапсе — Сочи. Тут нет такой ровной береговой линии, как на Кавказском побережье. Берег змеится, поднятый на скалы, изрезанный бухтами, мысами; в море глыбами лежат каменные острова и островки; на некоторых из них, как бы продолжая скалы, возвышаются башни замков. Поезд то удалялся от моря, то вновь вылетал на обрывистую кручу. Горячее солнце стояло над морем, за которым, казалось, совсем близко была Африка.

Мы проезжали курортные городки и местечки. Всюду пальмы, банановые кущи, мандариновые, апельсинные и лимонные деревья, ветви которых унизаны зрелыми плодами, рощи олив, эвкалипты, лавры, магнолии, агавы и кактусы... Действительно, чудесный край, действительно, Лазурный берег!

В этом краю я впервые увидел собственными глазами надпись, известную всем нам по фотографиям. На серой бетонной стене железнодорожного склада в Антибе было написано: «Американцы — домой!»

Один из сопровождавших нас французов сказал:

— Когда после войны американская военщина стала плотно оседать во Франции, эти надписи появлялись всюду. Американцы недоумевали. Но им давалось очень милое объяснение, что они не точно понимают обращенные к ним слова. Французы, дескать, хотят сказать: «Американцы, будьте как дома». Они довольно улыбались. Потом им кто-то растолковал... И вот мы замазываем надписи. Но как замазываем, посмотрите и рассудите сами.

Надпись была сделана черной краской, по ней наведено белым — от этого буквы стали еще отчетливей.

Из вагона мы вышли в Ницце.

Ну кто из нас не читывал, не слыхивал об этом курортном городе на Средиземном море! В каком только из литературных произведений нашей отечественной классики так или иначе не упомянута Французская Ривьера — то побережье, на котором расположена Ницца, кто только из литературных героев не ездил сюда, какие только тут не перекрещивались сюжеты и судьбы!.. И не удивительно: в конце прошлого века и в начале нынешнего, как только начинался сезон на Ривьере — а он начинался и начинается поныне глубокой осенью, после того, как поостынет летняя жара, — Ницца становилась, без преувеличения, полурусским городом; сюда наезжало по нескольку тысяч наших соотечественников; конечно, сиятельных, знатных, по большей части богатых. Забегая вперед, скажу, что один треть века назад забредший в эти места из России старичок в проеденном молью котелке, купленном, думаю, еще в галереях Гостиного двора в Петербурге, разъяснил мне в Монте-Карло следующее: «русская колония», как он выразился, возникла в Ницце еще в 1856 году. Связано это было с тем, что сюда на всю зиму прибыла в тот год российская императрица Александра Федоровна. Через год тут проводило время уже более 150 русских семейств, а еще через два года даже понадобилось строить русскую церковь, а еще через год учреждать русское консульство.

Я спросил старичка: а есть ли в Ницце какое-либо вещественное напоминание о том, что именно в этом городе 149 лет назад родился герой Италии Джузеппе Гарибальди? Старичок сказал: «А разве он в Ницце родился? Не знал, не знал. Вот, что наследник цесаревич Николай Александрович здесь скончался, это верно, это да, известно».

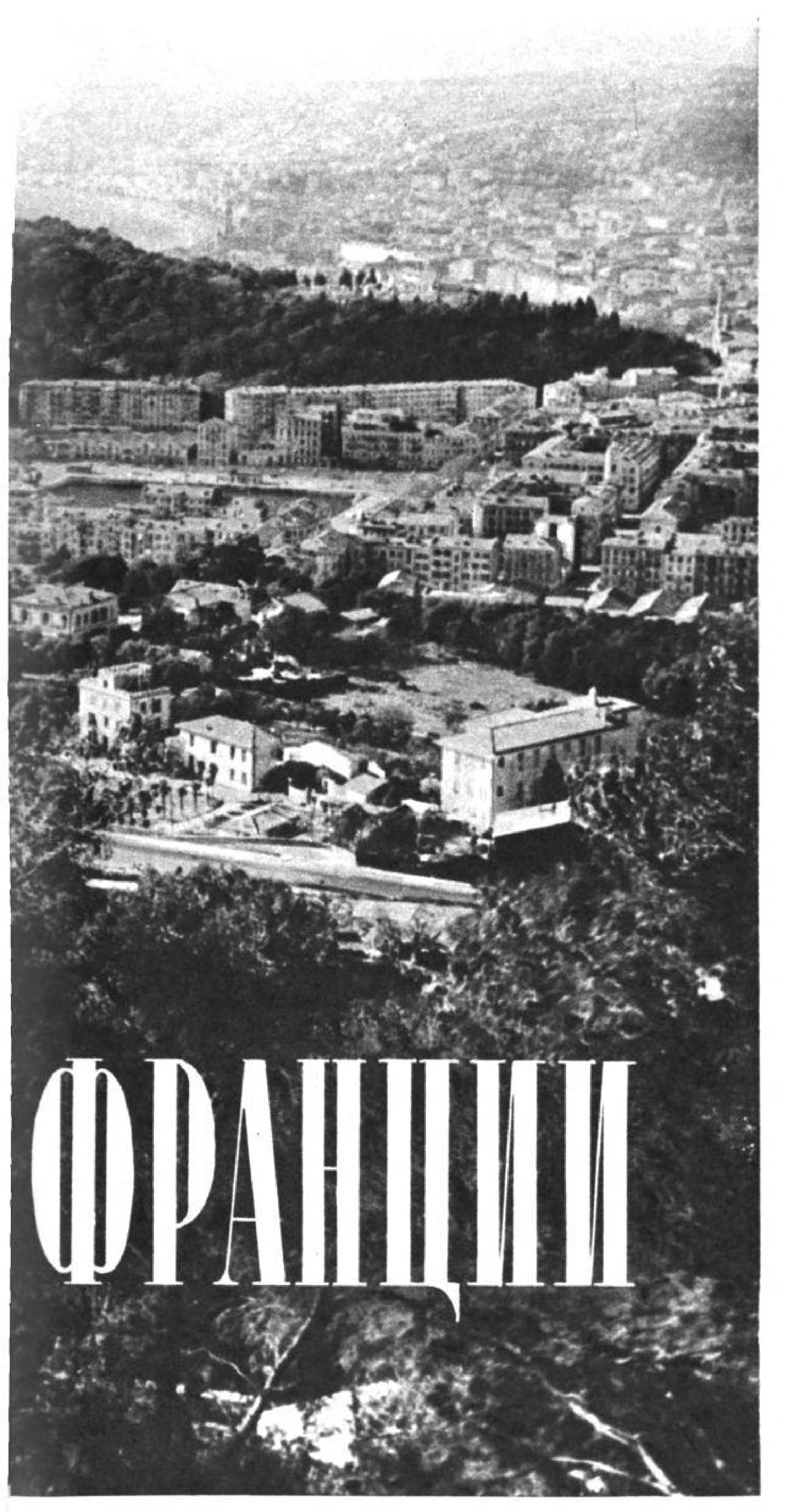
Но о старичке потом. Сейчас — Ницца. Когда мы сошли с поезда, нас на привокзальной площади ожидал приятный сюрприз в виде уже знакомых разноколерных «фрегатов» Рено. Оказывается, любезность фирмы простерлась до того, что эти машины, опережая нас, примчались сюда своим ходом из Парижа. Распахнув дверцы, шоферы радостно приветствовали нас, как старых знакомых.

Заботливые хозяева разместили нашу делегацию в первоклассном отеле «Негреско», на самом берегу моря. Я вышел на балкон своего номера. Было это, помнится, на третьем этаже. Внизу — вправо и влево, докуда глаз видел, — вдоль моря лежала Променада и тянулись бульвары из старых, многолетних пальм. Похоже все это было — и очень — на набережную в Сухуми, если смотреть на нее с балкона гостиницы «Абхазия». В общих чертах, конечно, похоже: природой и отчасти зданиями. Но вот гуляющие на Променаде — они уже совсем иные, чем в Сухуми. Они не ходят здесь такими веселыми группами, как у нас; они не из санаториев, где есть самодеятельность, знаменитые затейники, аккордеонисты и автобусы для экскурсий. Они тут все — каждый сам по себе, они из отелей и пансионов. Они друг с другом не заговаривают, они даже внимания не обращают друг на друга. Один закидывает спиннинг, стараясь метнуть подальше, куда-нибудь на середину Средиземного моря; он в широкополой ковбойской шляпе, в бриджах, зеленых очках и жует сигару. Другой расставил складной стульчик на береговой кромке и обозревает морской горизонт в мощный бинокль. Третья ведет двух лохматых собачек в красных суконных попонках с бубенчиками. Села на скамью. Кормит собачек бутербродами. Собачки чинно «служат». Четвертый, заложив руки за спину, медленно прохаживается по набережной от одной пальмы к другой; поворачивается он, приподымаясь на носках; шагает, ставя ногу на всю подошву. Пятый, шестой и седьмой, в отдалении один от другого, лицом к морю, дышат. Должно быть, очень глубоко вдыхают: видно, как подымаются и опускаются их плечи. Полезно. Морской воздух чем-то пропитан.

Остальные кормят чаек. Это интересно и своеобразно. Кормит чаек и господин на балконе, соседнем с моим. Он подымает кверху руку, держа большим и указательным пальцами кусочек чего-то съестного; чайки подлетают, тормозя в воздухе крыльями, стараются держаться на

См. «Огонек» №№ 15, 16, 20.

Copyrighted material

одном месте, как вертолеты, и выхватывают еду. Господин подымает руку со следующим кусочком. Чайки вьются, толкают одна другую боками, отчаянно кричат.

Я попробовал сделать то же, что и господин на соседнем балконе, поднял кверху кусочек булочки от принесенного мне утреннего комплекта к кофе, был сильно дернут за палец и опыт прекратил. К тому же надо было собираться к отъезду куда-то в сторону Италии, по побережью, где километрах в двенадцати от Ниццы, на крутой скале в старинном замке, переоборудованном под ресторан, для нас, согласно расписанию, готовился завтрак.

Тут следует сказать, что наша группа была до крайности многочисленна. Она состояла отнюдь не только из делегации советских кинематографистов. В нее, само собой, как хозяева, входили представители французского кино, переводчики, консультанты, затем различные знатоки различного. Нас было очень много, и всякие сборы куда-либо каждый раз из-за этой нашей многочисленности превращались в многотруднейшее и хлопотливейшее дело, которое, я бы сказал, граничило с категорией самодовлеющего мероприятия.

И еще я должен сообщить читателям, что с первого дня пребывания во Франции подавляющее большинство из нас страдало от полной невозможности хоть в какой-то мере запечатлеть фотодокументально свое пребывание в этой стране, хотя с утра до ночи мы были окружены фотокорреспондентами. Французские фотокорреспонденты интересовались только «звездами», то есть актрисами.

В нашей делегации были свои мастера фото и киносъемки: А. Шеленков и М. Трояновский. Но Шеленков, когда его просили: «Сфотографируйте, Александр Владимирович, пожалуйста», — проносился с нацеленным аппаратом мимо, «отщелкивал» какую-нибудь тумбу, забор, интерьер или экстерьер, что угодно, кого угодно, только не того, кто его об этом просил, и мчался дальше. Трояновский загадочно улыбался, говоря: «Потом. Тут неинтересно». Когда же его очень упрашивали, он делал все, как надо, но, видимо, тем, запасным аппаратом, в котором не было пленки, потому что снимков его работы мы ждем и по сию пору.

В это утро представитель московского радио Н. С. Бирюков не выдержал, возмутился. Он сказал, что это невыносимо — не запечатлеться среди красот Лазурного берега: не каждый день бываешь на этом берегу; надо принимать решительные меры. У него, дескать, в чемодане лежит фотоаппарат «Киев», но он не умеет его заряжать и еще не умеет и снимать.

Итак, страдая от отсутствия фотодокументов и по опыту зная, что к отъезду на завтрак наша компания не так-то скоро соберется, мы втроем: Бирюков, Шалашников и я — решили в сжатые сроки освоить фотоаппарат «Киев». У каждого были воспоминания детства, связанные с фотографическим делом, один из нас когда-то, очень, правда, давно, даже снимал «Фотокором». Так что в ванной комнате гостиничного номера, который занимал Бирюков, собрались отнюдь не новички фотообъектива. Мы трудились в полном мраке, перематывая пленку с катушки на катушку, роняя на керамический пол звякающие части аппарата, оказавшегося чертовски сложным, пытаясь каждую деталь поставить на более или менее законное ее место.

Рано или поздно работа была закончена. Крышка, правда, закрывалась не совсем плотно, давала перекос, и ее надо было придерживать пальцем, чтобы вместе с нею из аппарата не вывалилась бы и пленка. Мы этот недостаток отнесли к конструктивным, порассуждали о качестве продукции и отправились в вестибюль гостиницы на соединение с делегацией.

Дело, однако, сильно осложнилось: пока мы сидели в ванной комнате и осваивали незнакомую технику, время шло незаметно, миновали все сроки отъезда; кроме того, в суматохе и спешке, рассаживаясь по машинам, вообще никто не заметил нашего отсутствия, и делегация, оказалось, уехала минут тридцать назад. Швейцар гостиницы сочувственно разводил руками и делал грустное лицо: он не знал, куда господа уехали, ему об этом не сказали.

Пришлось нанимать такси и ехать в приблизительном, ориентировочном направлении.

Ревя и грохоча, наш автофазтон, видимо, один из первенцев фирмы «Рено», мчался по берегам Французской Ривьеры со скоростью не менее пятнадцати километров в час. Во всяком случае, колесики счетчика, кинематографически поспешно отбивавшие счет франкам, вращались куда быстрее, чем ходовые колеса автомобиля. Нас все обгоняли, даже извозчики в колясках на дутых шинах. Было досадно.

Но по выезде из Ниццы, когда дорога, змеясь, пошла на подъем, мы даже обрадовались тому, что по неосмотрительности наняли столь тихоходный экипаж. Мы могли в полной мере наслаждаться чудесными картинами, которые открывались со всех сторон: и море невозможно бирюзового цвета, и лиловые холмы, и живописные селения...

После долгого пути на очередном каменном мосту, через очередное ущелье, на дне которого пенилась горная речка, нашу машину, подняв руки, остановили две женщины. Одной из них была наша верная спутница мадемуазель Кристина. Это она, когда завтрак в ресторане над морем был в полном разгаре, первой вспомнила о нас и вот вышла на дорогу в надежде, что мы все-таки не потеряемся и нагоним делегацию.

Наконец-то из первенца фирмы «Рено» мы вновь перебрались в ее детище последней модели. Снова скорость более ста километров, невзирая ни на подъемы, ни на крутые виражи. Шофер в форменной фуражке распевает веселые песенки. Ему 64 года; 31 год он сидит за рулем автомобиля. До того был механиком. Считает, что шофером быть несколько выгоднее. Ведь не каждая профессия может прокормить человека. Вот, например, его сын, он токарь в Париже. Парню давно надо жениться. Но этого сделать он не может: на него одного денег не хватает, не то что на семью. Что делать, спрашиваете? Лучше всего в таких случаях петь песенки. И старик поет их под шорох колес по горячему асфальту.

Монако

Подъезжаем к столбу, на котором написано, что тут граница княжества Монако. Разворачиваемся на небольшой асфальтированной площадке, на которой несколько киосков — в них торгуют сувенирами. Идем в расположенный поблизости Экзотический сад княжества. Сад разбит на скалах на огромной крутизне над морем. Тут собраны тысячи видов кактусов, агав, каких-то ползущих по камням растений. Декабрь, а все это цветет ярко и пестро. Но главное, с террас сада открываются великолепные виды. Под собой впереди мы видим скалистый, выдавшийся в море мыс с крутыми каменными обрывами. Неприступная естественная крепость. На ней еще одна крепость, созданная руками человека, — дворец князя на площади, окруженной зубчатым стенообразным парапетом, с грозными средневековыми башнями. На этой же скале стоят белый собор романо-византийского стиля и огромное здание на самом обрыве в море. Нам объясняют, что это здание одного из крупнейших и знаменитейших в мире океанографических музеев. Мы в нем побываем.

Трудно оторваться от картины удивительного полусказочного города, как гнездо слепленного над морем.

Но отрываемся, смотрим влево. Там картина еще лучше. Далеко внизу лежит голубая бухта — порт. Десятки крупных белых морских яхт рядами стоят на рейде, сотни

Copyrighted material

мелких судов и лодок такими же рядами пестреют вдоль берега бухты. Над бухтой террасами подымаются дома своеобразной постройки: кажется, что все они одно целое, с одним общим ступенчатым фасадом. И еще кажется, что меж ними нет ни деревца, ни травинки. Некая каменная громада. По литературе мне известно, что это Кондамин, та часть княжества Монако, которая соединяет собственно Монако, о котором была речь выше, и Монте-Карло, знаменитый город рулетки. И в самом деле, дальше, за бухтой, виден еще один мыс, на нем, над морем, башенки и зеленые крыши казино Монте-Карло. Еще дальше — мыс, или «кап», Мартэн, за ним Ментона, последний курортный город на французском Лазурном берегу, и, наконец, в голубой дымке — Италия, Итальянская Ривьера, о которой говорят, что она по климатическим условиям несколько уступает французской, отлично защищенной от северных ветров горами до километра высотой.

Садимся в машины, едем над кручами туда, где княжеский дворец, проезжаем по площади, мимо полосатых будок дворцовой стражи, видим княжескую гвардию — человек двадцать солдат в роскошной синей форме с белыми ремнями. Им, затянутым в сукно, наверно, дьявольски жарко под ярким солнцем, и выглядят они генералами, почему-то вооружившимися винтовками.

Подъезжаем к Океанографическому музею. Об этом музее вполне бы можно написать книгу в добрую тысячу страниц, такие несметные собраны в нем богатства. Тут тысячи, десятки тысяч препарированных, засушенных или заспиртованных экспонатов, представляющих фауну и флору морей и океанов земного шара. На рассматривание одних только раковин понадобился бы целый рабочий день, от темна до темна. Тут представлены в натуре все известные на земле орудия морского лова, все средства и все приборы для исследования морской жизни. Словом, тут так всего много, что при нашем беглом осмотре мы ничего толком и не разглядели. Только восторгались и потрясались. Не знаю, как там в смысле научной организации музейного дела — об этом судить специалистам, — но что касается порядка и чистоты, то они в Океанографическом музее княжества Монако идеальны.

С большим огорчением покинули мы залы, расположенные в трех этажах здания, — с огорчением оттого, что уже надо уходить, — и спустились в подземную часть музея. Скорее ее надо бы назвать не подземной, а подводной, потому что там в длинных галереях установлены десятки аквариумов с живыми редкими морскими обитателями. Аквариумы вделаны в стены галерей, освещены изнутри электрическим светом и от этого выглядят экранами кино, на которых вам показывают фантастическую жизнь океанских глубин.

Еще когда мы спускались по каменным лестницам в это подземелье, так и известное в мире под названием монакского Аквариума, один из французов сказал, что сейчас мы увидим проявление формализма, экспрессионизма и футуризма в природе. И действительно, мы увидели синих, желтых, оранжевых рыб, похожих на что угодно, только не на рыб, — на попугаев, на павлинов, на кошельки с застежками, на пестрые, вьющиеся по ветру ленты, на какие-то пузыри с глазами и хвостами и еще на черт знает что. Одна рыжая рыбина состояла из огромной морды с выпученными глазами и маленького хвостика. Морда, хвост — и больше ничего. Она подплывала к стеклу, вытаращивала на вас глазищи, и вам становилось не по себе, вам казалось, что эта мерзость видит вас насквозь и знает что-то такое, чего не знаете вы. А когда она разевала пасть, нижняя челюсть которой опускалась подобно ковшу шагающего экскаватора, вам тут же хотелось осведомиться у когонибудь о прочности стеклянных стенок аквариума.

В одном из аквариумов клубились зубастые, змееподобные страшные рыбы — мурены, которые когда-то разводились в бассейнах древнего Рима, чтобы пожирать рабов, неугодных владыкам, или проштрафившихся жен.

Были рыбы, которые жевали пищу, как коровы, двигая челюстями из стороны в сторону. Им по нашей просьбе бросили несколько небольших живых крабов. Крабы забивались под камни, лезли в песок. Но рыбы-коровы, не спеша, методично извлекали их откуда угодно и жевали именно по-коровьи: перетирая, как сено, вместе с панцырями, клешнями и ногами.

Были довольно крупные осьминоги, электрические скаты, молодые акулы, старые ерши, морские коньки и прочая подводная братия.

В открытом бассейне паслись четыре преогромнейшие черепашищи. Для них продавали рыбку вроде килек или корюшки. Стоило вам нагнуться над бассейном с этой рыбешкой в руке, как черепашища разевала пасть и ожидала, когда вы бросите в нее рыбешку. Рыбешка падала, раздавалось короткое: чавк! — и снова пасть распахивалась.

Все четыре жили в изоляции одна от другой, в отдельных секторах круглого бассейна, отгороженных камнями. Оказывается, эти неповоротливые громадины обладают отвратительным, злобным характером и, стоит им встретиться, тотчас вступают в яростную драку. Это, наверно, очень мрачное зрелище: драка черепах!

Мы пытались фотографировать эти морские редкости, но надо сказать, что ни в Аквариуме, ни вообще нигде в этот день ничего из фотографирования у нас не вышло. Снизошедший до наших бед М. Трояновский осмотрел аппарат и сказал, что мы перепутали катушки и поставили их наоборот.

Покидаем скалу Монако. Едем через ту часть княжества, которая помнится мне по литературе под именем Кондамина; едем по улицам меж кварталами домов, расположенных террасами, и выясняется, что тут довольно много зелени, из-за такого террасообразного расположения города почти невидимой издали. Вдоль улиц вместо наших лип и тополей стоят унизанные яркими плодами апельсинные деревья, магнолии, оливы. Из каждой расщелины лезут агавы и всякая иная растительность.

Машины въезжают в улицы Монте-Карло.

Писатели и книги

ДРУЖБА

Дружба русского и армянского народов корнями уходит вглубь веков. Совместная борьба с половцами, участие армянских отрядов в сражении против Тевтонского ордена при Грюнвальде, помощь, оказанная армянам в их войне против персов и турок, — вот вехи, говорящие о многовековых связях двух народов.

Армянский просветитель Хачатур Абовян писал:

«Да будет благословен тот час, когда русские... вступили на нашу светлую землю и развеяли проклятый злобный дух кизильбашей». Известный свой роман «Раны Армении» Абовян посвятил дружбе народов.

Мотив дружбы настойчиво звучит и сейчас в литературных произведениях, в театре, музыке, изобразительном искусстве Армении.

Перед нами сборник статей, воспоминаний, очерков об армяно-русских культурных связях, выпускаемый в Ереване. Называется он «Дружба». Ее составитель и автор вступительной статьи Ашот Арзуманян сумел привлечь к участию в сборнике видных авторов.

Сборник открывается статьями и высказываниями крупнейших армянских писателей. Ованес Туманян в письме по поводу установления Советской власти в Армении писал:

«...Наше будущее, как я и говорил всегда, да и вы это знаете, связано с Россией, и чем свободнее будет Россия, тем лучше для всего мира. Теперь каждый может быть спокоен в своем доме, зная, что уже нет опасности, нет резни и начинается свободная культурная жизнь».

Аветик Исаакян и Дереник Демирчян пишут о русской литературе: о Пушкине, Чехове, Горьком, Брюсове и других.

Интересный разговор о театре ведут В. Вагаршян, В. Качалов, В. Папазян, Р. Симонов.

Во втором разделе сборника помещены статьи русских ученых об армянских деятелях науки и культуры. Академик Е. Тарле написал об искусствоведе академике И. Орбели, волнующая статья которого «О чем думалось в дни и ночи блокады Ленинграда» опубликована в предыдущем разделе. Профессор В. Соболев выступил со статьей о президенте Академии наук Армянской ССР В. Амбарцумяне; академик Л. Арцимович рассказывает об увлекательной научной работе А. Алиханова. В этом же разделе помещены статьи академиков Б. Грекова и И. Мещанинова, профессора А. Лебединского и других.

Самым крупным является третий раздел. Он посвящен литературе, музыке, живописи. Обстоятельный разбор творчества Аветика Исаакяна сделал Николай Тихонов. Он поэтично описывает Ахмаганские высоты, просторы армянского нагорья, купол седого Арарата, тихие рассветы в селах, шумный мир Еревана и задает вопрос: есть ли такая песня об Армении, которая все вами перечувствованное передаст с поэтической силой, покоряющей человеческое сердце «раз и навсегда»? И отвечает:

«Да, есть такая песня... и она рождена прекрасным поэтом Армении. Все творчество Аветика Исаакяна — такая песня о прошлом, настоящем и будущем Армении».

Художники С. Герасимов и К. Юон посвятили свои статьи творчеству Мартироса Сарьяна, академик А. Щусев — творчеству архитектора А. Таманяна. Здесь же опубликованы воспоминания русского композитора А. Глазунова о его друге А. Спендиарове.

Трудно перечислить все материалы сборника, но все же хотелось бы упомянуть статью Д. Заславского о Сурене Кочаряне и высказывание Вл. Немировича-Данченко о В. Папазяне — об одном «из тех, очень немногих, прекраснейших исполнителей классического репертуара, которые заслуживают мировой славы».

* * *

Литературно - художественный и общественно-политический журнал «Дружба народов» посвятил свой пятый номер армянской литературе и искусству.

В начале номера помещено обращение Аветика Исаакяна к читателям журнала:

«Никогда прежде армянская действительность не давала такого богатого, разнообразного материала для литературы, искусства, публицистики, как сегодня... Ныне меня радует ясный и чистый свет, которым озарена наша литература. Пусть многое в ней еще не совершенно, — молодая, она набирается сил из года в год, — но есть у нее чудесное качество: жизнелюбие, неудержимое стремление быть зеркалом большой правды жизни народной... А как изменилась эта жизнь!»

В номер вошли пьеса Н. Зарьяна «Опытное поле», окончание повести С. Аладжаджяна «В пустыне» и другие материалы.

Богато представлена поэзия: стихи старейшего пролетарского поэта Акопа Акопяна «Под знаменем», «Мое перо», стихи трагически погибшего молодого поэта Егише Чаренца «Мой товарищ Липо». Обращают на себя внимание стихотворение Геворга Эмина «Разговор с Киплингом» и лирические стихи Гургена Боряна.

* * *

Недавно в армянском государственном издательстве вышла «Книга о мужестве» Армо Малхасяна. Она не имеет прямого отношения к декаде армянской литературы и искусства, но она посвящена людям, которые героически сражались на фронтах Отечественной войны.

В книге помещены очерки о дважды Герое Советского Союза Нельсоне Степаняне, о прославленных генералах Н. Сафаряне, С. Мартиросяне и других.

К декаде вышла интересная книга Р. Григоряна о Вл. Маяковском и современной армянской литературе.

М. МЕРЖАНОВ

Copyrighted material

Из альбома художника

А. В. КОКОРИНА

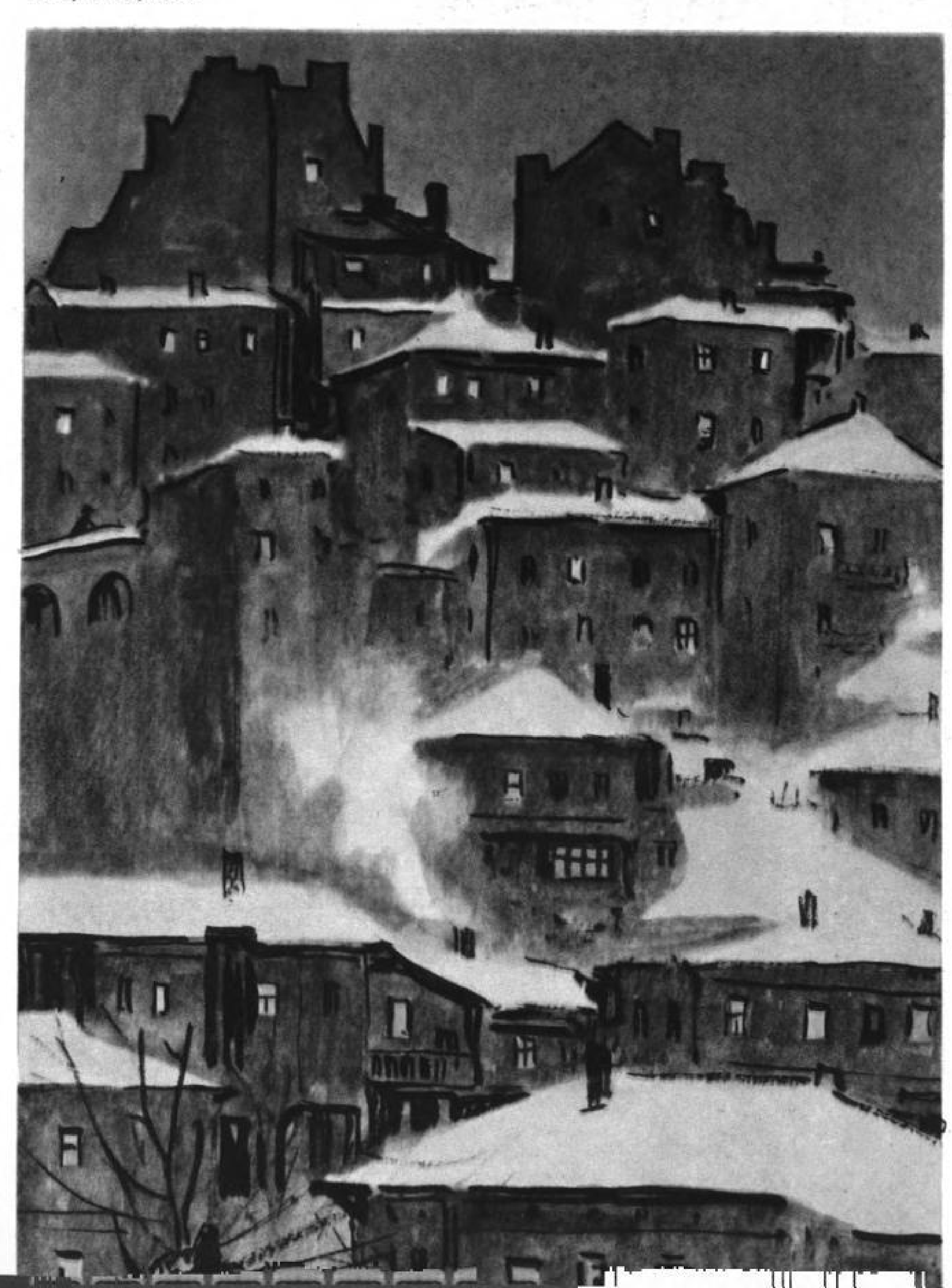

Вместе с группой советских туристов художник А. Кокорин совершил поездку по Болгарии. Мы воспроизводим часть его путевых акварелей и зарисовок, сделанных им в Софии, Пловдиве, Тырново, Пазарджике.

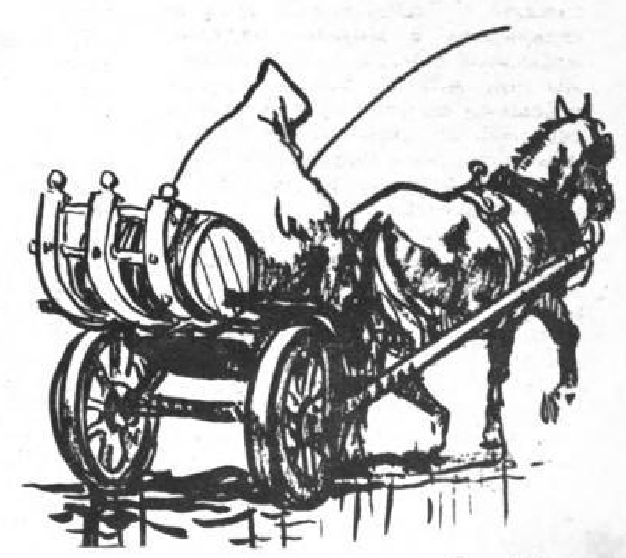

Уголок старого Пловдива.

Вечер в Тырново.

Copyrighted material

Зимний день в Тырново.

Copyrighted material

Снова на норвежской земле

Russeren Poliakov

å holde livet oppe"

RUSSISK KRIGSFANGE I NORGE PÅ GAMLE TOMTER MED PARTISANSJEF FOR 25,000.

Av utseende kunne de like gjerne være nordmenn, de to russiske partisaner, som kom til Bergen i morges med fly fra Oslo, Særlig ingeniør Nicolay Poliakov, som har sittet i tysk konsentrasjonsleir ved Lillehammer.

Ved hjelp av tolk, en mann fra den russiske ambassade, forteller

Fangen Nikolai til R

Det er sikkert mange på Re... i Åmot i det hele som husker Ni... Poljakov fra krigens dager. Sam... med sine kamerater satt ... set-leiren

Nikolai til Rena den 20-4.

Rena får fredag den 20. april besøk av en god kjenning fra Løsset-leiren, Nikolai Poljakov sammen med redaktør Vasilij Andrejev en av lederne av motstandsbevegelsen i Leningrad.

Kl. 19.oo arrangeres åpent møte på Trudvang, hvor det blir anledning til å gjenoppfriske bekjentskapet med Nikolai. Vasilij Andrejev vil fortelle om kampene ved Leningrad.

I følge med forfatteren ... tolk fra den

Норвежские газеты сообщают о приезде в Рену Николая Полякова.

«Николай Поляков в Норвегии».

«Пленный Николай прибудет в Рену».

Такими заголовками пестрели недавно многие норвежские газеты. С их страниц смотрели фотографии улыбающегося советского человека.

Кто же этот Николай Поляков, которым так заинтересовалась норвежская пресса?

...Это было четырнадцать лет назад в Норвегии, оккупированной гитлеровскими войсками.

В один из июньских дней 1942 года в Осло прибыл из Гамбурга новый транспорт с военнопленными: французами и поляками, голландцами и датчанами, югославами и русскими... Их направляли в концентрационный лагерь, созданный фашистами на чужой земле.

Среди пленных находился и рядовой Николай Поляков. В первые дни войны он был тяжело контужен под Минском и в бессознательном состоянии захвачен в плен. Тяжелые испытания не сломили его воли. В сердце русского патриота кипела ненависть к фашизму, стремление жить, чтобы бороться и победить.

Поляков был уверен, что у свободолюбивых, мужественных норвежцев, не смирившихся с гитлеровской оккупацией, он, как и другие заключенные, найдет братскую поддержку в борьбе против общего врага.

В первый же день, когда пленные сходили с корабля, Николай заметил невдалеке портового рабочего; он стоял, подняв по-ротфронтовски правую руку с сжатым кулаком. А когда военнопленные тронулись, норвежец незаметно от конвоя бросил им пачку сигарет.

Лагерь вблизи Лиллехаммера был обнесен колючей проволокой в несколько рядов и охранялся эсэсовцами. Почти у самой проволоки находились карцер и лагерный лазарет. Напротив лазарета стояли три небольших домика норвежских лесорубов.

В одном из этих домиков жила семья Мартиннуса. Николаю Полякову удалось установить с нею связь. Сам Мартиннус, его дочери Мари, Ранхильд и Марит, а вместе с ними и другие норвежцы, пренебрегая опасностью, снабжали заключенных продуктами.

Через сестер в лагерь проникали свежие сведения о положении на фронтах, о борьбе норвежских партизан и о многом другом.

Каждый раз, когда Николаю нужно было что-либо узнать или передать на свободу, он заходил в лазарет, где к тому времени работал санитаром свой человек, и, убедившись, что поблизости нет никого из охраны, подходил к окну и начинал напевать. Это был условный сигнал, по которому одна из сестер выходила из дома и, делая вид, что прогуливается, старалась как можно ближе подойти к проволоке. Улучив удобный момент, Николай бросал девушке небольшой камень с запиской.

Часть этих записок сохранилась. Их сберегли до наших дней норвежские патриоты. Записки, написанные Николаем Поляковым, дышали мужеством, уверенностью в окончательной победе над гитлеровцами.

Как-то гестаповцы жестоко избили советского воина и бросили его в карцер. Об этом узнали три сестры. Чтоб подбодрить русского товарища, дать почувствовать ему, что он не одинок, девушки громко пели норвежские песни, пока Николай находился в карцере.

В 1943 году, перед отправкой в другой лагерь, Полякову удалось передать сестрам написанное им обращение к норвежцам. Он писал:

«Ничто — ни голод, ни палки, ни гробовая тоска не сломят нашей веры в победу над фашизмом. Мы твердо знаем, что победа будет за народом, за трудящимися, за Советским Союзом!

Народ, благородный народ Норвегии, должен быть свободным, счастливым народом! Да здравствует народ Норвегии!»

В новом лагере Николай Поляков установил связи с рабочими лесопильного завода. Вместе с борцами Сопротивления он совершал диверсии на этом заводе, поставлявшем продукцию для гитлеровской армии. С помощью норвежцев был организован побег трех русских военнопленных в Швецию.

Незадолго перед окончанием войны, в апреле 1945 года, Поляков был переведен в лагерь смерти близ Ханнфоса. Здесь каждый заключенный находился не более 45 дней. По истечении этого срока его уничтожали. Лишь победа над фашизмом спасла Николая и многих других узников от гибели.

Поляков вернулся на родину, в Коломну, стал трудиться на заводе, откуда ушел на фронт. Сейчас он работает начальником ведущего цеха завода тяжелых станков.

И вот недавно Поляков снова оказался в Норвегии, но на сей раз уже в качестве желанного гостя. Он прибыл туда в составе советской делегации по приглашению норвежских организаций бывших заключенных концентрационных лагерей.

Поляков посетил те места, где провел три тяжелых года в концентрационных лагерях, встретился с теми, кто так много сделал для облегчения его участи и участи других военнопленных.

«Многие жители Рены и Омута,— писала газета «Хамар арбейдер»,— помнят Николая Полякова со времени войны. Вместе со своими товарищами он сидел в лагере Лессет, и население поддерживало связь с ним. Он приедет в Рену специально, чтобы встретиться со своими знакомыми».

Газета «Лиллехаммер Тилскюэр» передала подробности встречи Николая Полякова в Лиллехаммере. К моменту прибытия поезда на вокзал пришел Ханс Кьельсхауг, с которым Поляков поддерживал тесную связь. Старые друзья военных лет сердечно поздоровались, расцеловались.

«В стороне стояла г-жа Хаммерсхауг,— писал автор заметки,— с которой Поляков также был знаком. Ей хотелось проверить, узнает ли ее русский. И он узнал ее. Немногими норвежскими словами, которые он еще помнил, Поляков выразил свою радость от свидания».

Побывал советский гость и в семье лесоруба Мартиннуса. Старым друзьям было что рассказать, о чем вспомнить.

Дочери Мартиннуса передали ему записки, которые Николай писал в концентрационном лагере.

Быстро пролетели дни, проведенные на гостеприимной норвежской земле. Прощаясь с Николаем Поляковым, председатель Союза бывших участников Сопротивления города Осло г-н Ларнц сказал:

— Черные дни гитлеровской оккупации не должны повториться. А для этого мы должны быть едины в борьбе за мир, против всех тех, кто попытается воскресить концентрационные лагери.

Б. САХАРОВ,
С. ЛАЗАРЕВ

Николай Поляков возлагает цветы на могилу советских воинов.

Сестры Мари, Ранхильд и Марит Мартиннус. ↓

ЛЕКЦИИ ЧИТАЕТ ИНДОНЕЗИЙСКИЙ ПРОФЕССОР

Профессор Усман Эффенди среди студентов Ленинградского университета.

Фото Н. Ананьева.

— Родился я на острове Суматра, в небольшом городке Бинджей. В семье нас было двенадцать детей: девять мальчиков и три девочки. По национальности отец мой — минангкабау, дед со стороны матери — яванец, а бабка родом из Банджармасина (остров Борнео)...

Все это мне рассказывает невысокий смуглый человек с темными горящими глазами. Его имя — Усман Эффенди. У себя на родине, в далекой Индонезии, он известен как один из выдающихся лингвистов и литературоведов, автор 26 книг по различным вопросам филологии.

Он приехал в Советский Союз, чтобы вести в Ленинградском государственном университете курс лекций по индонезийскому языку и литературе.

— В нашей семье,— продолжает профессор,— были представлены народности, населяющие три крупнейших острова Индонезии — Яву, Суматру и Борнео. Каждая из этих народностей имеет свой собственный язык, но в семье, чтобы понять друг друга, мы всегда говорили на государственном языке — индонезийском. Вот и получилось, что язык этот стал для меня родным с детства. Моя мать была неграмотной, но знала много увлекательных сказок и умела хорошо их рассказывать. Каждый вечер мы, затаив дыхание, слушали ее сказки о приключениях канчиля — индонезийской карликовой лани, о принце, превратившемся в обезьяну, о феях, отшельниках и раджах. Пожалуй, мой интерес к устному народному творчеству пробудился еще в те годы...

Усман Эффенди вспоминает о том, как он ходил в школу в городе Медане, учился в Букиттингги, Бандунге и Джакарте.

Японская оккупация застала его в городе Котарадже (остров Суматра), где он преподавал индонезийский язык в средней школе. Он принял активное участие в борьбе за свободу своей родины...

— Я приехал в Советский Союз на два года,— говорит профессор, — но охотно остался бы здесь и дольше. Я буду читать лекции по индонезийской филологии и одновременно сам хочу как можно глубже изучить русский язык и литературу. В нашей стране чрезвычайно велик интерес к вашей культуре, но пока еще нет своих специалистов по славянским языкам. Вот я и решил стать одним из первых таких специалистов. Когда же я вернусь в Индонезию, то смогу преподавать русский язык и литературу в Джакартском университете. Кроме того, собираюсь переводить русских писателей на индонезийский язык. Прежде всего Пушкина.

За время пребывания в вашей стране я постараюсь как можно ближе узнать советских людей, их быт, почувствовать атмосферу вашей жизни. А для переводчика художественной литературы все это, по-моему, очень важно.

Прощаясь с профессором, я вспоминаю старую индонезийскую поговорку: «Говорить со знающим человеком — все равно что пить кокосовое молоко с тростниковым сахаром».

В. ОСТРОВСКИЙ

г. Ленинград.

Шестеро из одного дома

Уже тысячи добровольцев подали заявления, в которых просят: направьте нас на новостройки. На собрании выпускников средних школ Москвы и Московской области, состоявшемся в Кремле, юноши и девушки единодушно решили: после школы пойдем на производство. Выступавшие говорили о том, что они поедут осваивать богатства Сибири и Дальнего Востока.

Молодежь столицы горячо откликнулась на призыв партии и правительства поехать на стройки и предприятия Востока, Севера, Донбасса. В Москворецкий райком ВЛКСМ пришла группа друзей из дома № 19 по Нагорной улице и заявила о желании работать на Востоке. Вместе с тысячами молодых патриотов скоро уедут в богатейшие края нашей Родины сборщик часового завода Валерий Цыганков, слесарь Валентин Родионов, электромонтеры Андрей Курбанов и Анато-

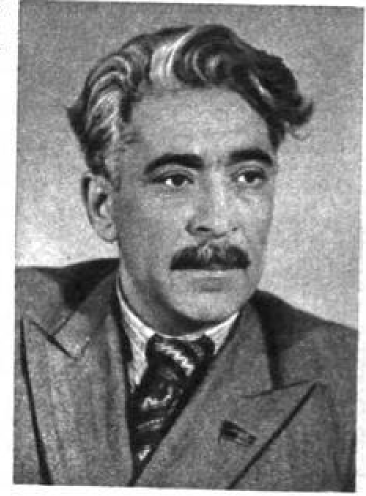

лий Лапин, слесарь-монтажник Станислав Парфенов и портной Геннадий Панов.

На снимке (слева направо): в первом ряду — Геннадий Панов, Валентин Родионов, Станислав Парфенов, Анатолий Лапин; во втором ряду — Валерий Цыганков и Андрей Курбанов.

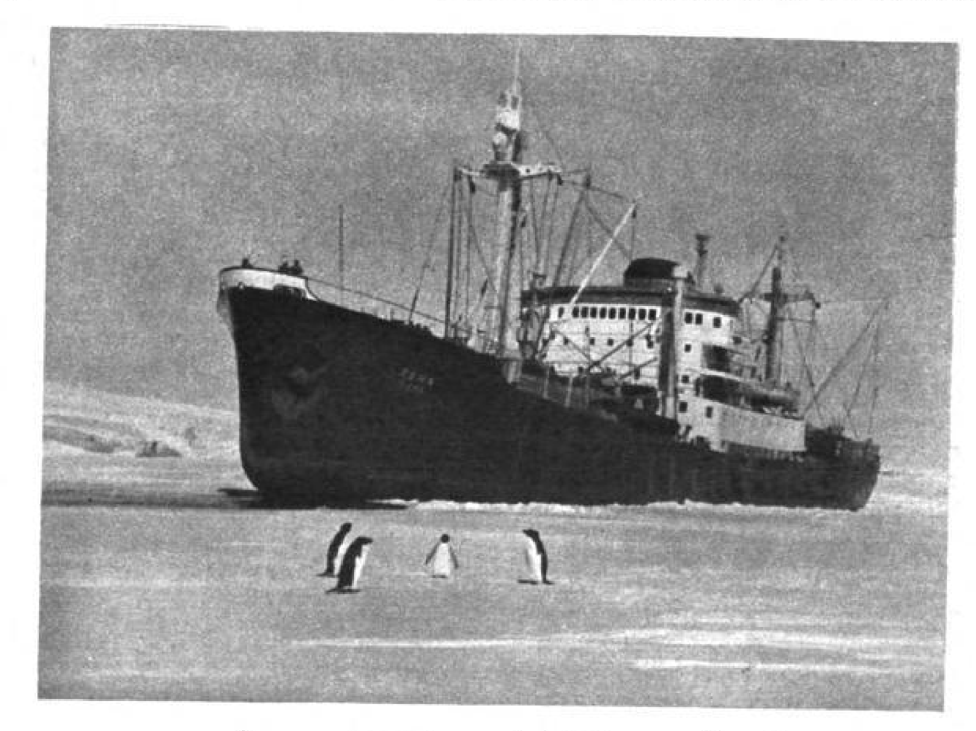
Фото О. Гудкова.

Самед Вургун

27 мая сего года в Баку после тяжелой и продолжительной болезни скончался народный поэт Азербайджана, депутат Верховного Совета СССР, член Президиума Союза писателей СССР товарищ Векилов Самед Вургун.

Творчество Самеда Вургуна — его страстные лирические стихотворения, героические поэмы «Слово о колхознице Басти», «Негр говорит», драматические произведения «Вагиф», «Фархад и Ширин», его замечательные переводы на азербайджанский язык «Евгения Онегина», «Витязя в тигровой шкуре» — завоевало любовь и признание читателей нашей страны и далеко за ее пределами.

„ЛЕНА" возвращается домой

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

...На рейде Мирного осталось два корабля: рефрижератор кончил разгрузку и направился в обратный путь. Затем ушла и «Обь»: ей предстояло большое и трудное плавание вдоль берегов Антарктиды, с высадками ученых на острова, с бесчисленными промерами глубин. У берега Правды стояла одна «Лена». Нужно было терпеливо ждать, покуда окончат строительство Мирного, заработает электрическая станция. А наступала осень, хмурилось небо, замерз пролив, порошил снег. Для мощного ледокольного корабля, каким является «Лена», не страшны метровые и двухметровые льды, если они не спаяны: можно двигаться между ними, используя трещины.

Капитан «Лены» А. Ветров летал с Иваном Черевичным на разведки. Капитан и пилот внимательно осматривали ледовый пояс. Молодой лед сковал старые льдины, смерзшаяся масса стеной вырастала перед глазами. Среди остановившихся льдов высились айсберги. Как же тут идти кораблю? Где найти выход из ловушки?

Тем временем первый помощник капитана К. Жидков с бригадами моряков занимался в Мирном строительством электрической станции, установкой радиомачт. Не будь моряков «Лены» — опытных дизелистов и электриков-механиков,— трудно было бы построить электростанцию. Это отлично понимали главный механик «Лены» Г. Новогородцев, электрики, штурманы, матросы — все моряки арктического корабля. Они оставили каюты, переселились в Мирный и там во всю силу работали на стройке.

Мороз крепчал, обычными стали налеты пурги, рев ветра. И, тем не менее, стройка шла в таком темпе, что домá, научные павильоны, склады вырастали с невиданной быстротой.

Капитан «Лены» с каждым днем становился мрачнее: ледовые разведки вызывали беспокойство, на огромном пространстве море уже замерзло и лежало, как под стеклом. Ледовый пояс Антарктиды ширился. Айсберги стояли,

Copyrighted material

Говорит Карл Лундберг

В Москве состоялся первый в нынешнем сезоне международный футбольный матч. На поле встретились сборные команды Дании и СССР. Игра, прошедшая в исключительно дружеской обстановке, закончилась победой советских футболистов со счетом 5 : 1.

Наш корреспондент попросил капитана команды Дании Карла Лундберга ответить на несколько вопросов.

— Каковы ваши впечатления о матче в Москве?

— Впечатлений много. Мы провели здесь прекрасные дни, которые никогда не забудем. Наши игроки получили удовольствие, встретившись с вашей прославленной командой, у которой мы, бесспорно, многому научились. Я лично также почерпнул немало полезного для себя, хотя выступаю за сборную команду своей страны уже в тридцать третий раз.

Три года назад в составе национальной баскетбольной команды Дании я был в Москве и выступал на розыгрыше первенства Европы. Тогда мне довелось увидеть три футбольных матча советских клубов. Вашу сборную команду я впервые увидел в прошлом сезоне в Стокгольме, в матче против Швеции. И вот теперь мне посчастливилось самому сыграть против сборной советских футболистов. Я уверен, что в течение последних лет советский футбол прогрессирует, имея большие потенциальные возможности. Двадцать пять — тридцать лет — это возраст расцвета для футболиста. Футболисты команды СССР подходят сейчас именно к этому возрасту спортивной зрелости.

Я изучаю футбол не только как спортсмен. Мною написано пять книг о футболе. Сейчас готовлю новую книгу об этой замечательной игре. Матч в Москве даст мне возможность написать одну из самых интересных глав.

— Как вы оцениваете силы команд Венгрии и СССР?

— Их силы примерно равны, последние годы это равновесие сохраняется.

— Как вы расцениваете встречу футбольных команд СССР и Дании?

— Когда мы выезжали в Москву, то ожидали поражения с разницей в четыре — семь мячей. В то же время нам очень хотелось забить в Москве хотя бы один гол. Дело в том, что в балансе минувших 199 интернациональных матчей за сборной командой Дании числились 499 забитых голов. Честно скажу, мы довольны результатом этой встречи. 1 : 5 в матче с одним из претендентов на мировую футбольную корону — это уже не так плохо для нашей команды. Я лично был вдвойне доволен еще и потому, что пятисотый гол забить посчастливилось мне.

Среди советских игроков мне особенно запомнились Татушин, Сальников, Нетто и Разинский.

В заключение г-н Лундберг пожелал советской команде успеха во всех остальных матчах нынешнего сезона, «кроме игры 1 июля в Копенгагене», как он шутливо подчеркнул.

— Ведь там, как вам известно,— сказал Лундберг,— состоится наш матч-реванш с командой Советского Союза.

ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКОВ ИНДИИ

В московском Доме художника открылась выставка индийского изобразительного искусства. На ней представлено больше 160 живописных и скульптурных произведений, среди которых древние миниатюры, классические произведения живописи и работы современных художников различных направлений.

На снимке: в выставочном зале Дома художника в день открытия выставки индийского изобразительного искусства.

Фото Дм. Бальтерманца.

Почта старого книжника

В журнале «Огонек» № 11 была опубликована заметка об одном из старейших книжников Москвы, И. И. Корчагине, полвека проработавшем в книжном деле. Заметка вызвала большой поток писем из самых отдаленных районов нашей страны.

Рабочие, колхозники, учителя, библиотекари — люди разных профессий тепло приветствуют юбиляра и советуются с ним, где и как приобрести нужные им книги.

Пишет нормировщик завода «Азовсталь» Д. Тихонов: «Мне 27 лет. Я собрал библиотеку, в которой насчитывается 1 500 книг. Все свободное от производства время отдаю литературе. Особенно люблю критическую и мемуарную литературу». Тихонов спрашивает, где бы приобрести ряд произведений по эстетике и философии.

В. Англов из Марийской АССР обращается с просьбой разыскать книгу, в которой были бы рецепты для изготовления различной бутафории: он работает в колхозном театре. «Нам в сельских условиях нужно научиться все делать самим. Где найти такое пособие?»

И. И. Корчагин аккуратно отвечает на все получаемые им письма.

Но одновременно возникает и такой вопрос: букинистическая сеть у нас ничтожно мала, существует только в крупнейших городах. Лишь один московский букинистический магазин высылает книги по почте! Книготорговым организациям надо бы подумать на эту тему.

словно впаянные. Проходы, на которые надеялся капитан, исчезли, и оставался один, последний,— вдоль шельфового ледника Шеклтона. А если и его затянет?

— Скорей! Скорей! — торопили моряков и строители. — Оставаться опасно, нужно спешить, нужно уходить из Мирного.

Но дело требовало задержки на три — четыре дня. Капитан улетел на разведку, вернулся обеспокоенный, но сказал:

— Потерпим.

Вытерпеть в таких условиях могут только мужественные люди. А тут еще ответственность за тяжелые последствия, если корабль останется во льдах и зазимует. Обстановка ухудшалась с каждым днем; приходилось маневрировать, уводя «Лену» от опасности. А на корабле почти пусто, вахту несут всего лишь несколько человек: все остальные в Мирном. Вертолеты опускаются около борта, чтобы доставить усталых моряков в баню или захватить пирожки, бидоны с молоком и отвезти их в Мирный.

— Через день будет поздно, завтра нужно уходить, — заявил наконец Ветров.

И тогда в морозный мглистый день все собрались на сопке, там, где реет в небе государственный флаг Страны Советов. Посмотрели на выросший городок, сказали теплые слова друг другу, и после прощания строители и моряки направились к вертолетам. Дул ветер, при котором летать машинам с вертикальными винтами не полагается. Но пилоты И. Иноземцев и Н. Шонин рискнули: они поднялись над Мирным с плотниками, монтажниками, дизелистами, электриками. Порой вертолет зависал на месте от встречного ветра, но продолжал упорно лететь над айсбергами, трещинами, островами. Рейс за рейсом переправлялись герои Антарктиды на борт корабля. Сидя в группе усталых людей, одетых в зеленые ватники, я смотрел в круглый иллюминатор вертолета и чувствовал, как ледяные мурашки бегали по коже: айсберги почернели, льды покрылись туманной пеленой. Остановись винт — и...

А потом тревожная ночь, опасливое блуждание прожекторного луча по белым полям ледового пояса Антарктиды, напряженные удары стального тарана корабля о льды, сжимающаяся темная лента проложенного за кормой канала. Временами не хватало многотысячной мощи двигателей, и «Лена» застывала среди льдов, отходила назад, снова рвалась вперед, искала разводий, огибала пловучие ледяные горы. Во тьме прожектор уперся в лед и остановился. «Лена», загнанная в ловушку, тщетно билась вблизи айсбергов. Пришлось стоять до рассвета. Чуть забрезжило, капитан нашел выход, повел «Лену» напролом через ледяные поля. В полдень прилетели из Мирного летчики, советовали, как и где лучше форсировать ледовый пояс, помахали крыльями и улетели.

Лед стал реже и совсем кончился. Мы вышли на океанский простор. Здесь ждали новые испытания: в Индийском океане бушевала свирепая буря.

...И вот «Лена» подходит к родным берегам. Позади пятьдесят тысяч километров. Трасса, по которой прошел корабль, напоминает гигантскую петлю, накинутую на планету: от Калининграда «Лена» шла вдоль западных берегов Африки к Антарктиде, а на обратном пути заходила в Австралию за грузом, чтобы не идти «в балласте» — порожняком. Она миновала Красное море, Суэцкий канал, Средиземное море и в Гибралтаре как бы завершила свое плавание вокруг Африканского материка.

Незабываемые встречи в австралийском порту Аделаида, восторженные приветствия египтян в Суэце и Порт-Саиде, гудки проплывавших кораблей, салютовавших советскому антарктическому судну, спешившие к «Лене» флотилии рыбачьих судов за Лиссабоном — все это живо передавало любовь простых людей к Советской стране, к нашему народу.

В пути, казалось бы, строителям можно было отдыхать. Но нет, они знали, что нужно подготовить трюмы к приемке груза в Австралии. Плотники, монтажники, молотобойцы, водители тракторов спускались в трюмы, красили их, чистили, мыли, и строгая комиссия в Аделаиде без слов разрешила заполнять грузовые помещения корабля зерном. И снова море, снова бури. А люди, строившие Мирный, висят над бортами в люльках и красят свой дизельэлектроход, ставший для них родным домом. Исчезли следы бурь, схваток с айсбергами — судно выглядит так, словно оно только что сошло со стапелей. Спустившись в машину, туда, где жара на экваторе доходила до пятидесяти градусов, мы увидели помогавших механикам и мотористам строителей. Выбежит паренек на палубу, взглянет на проплывающие берега, искупается в бассейне — и снова в машинное отделение. Только большая дружба и высокая сознательность позволяли переносить жару, грохот, гул и рев машин. Строители знали, что их товарищи после возвращения на родину должны идти в Арктику — в долгий и сложный рейс, а потом снова поход в Антарктиду. Поэтому-то и нужно было в море, на ходу, отремонтировать главные двигатели, механизмы, заранее привести весь корабль в боевое состояние, чтобы не терять потом времени на ремонт.

Кажется, еще вчера все изнывали от тропического зноя, плескались в бассейне и ходили в одних трусах. Но вот серый и мрачный Ла-Манш. Прохладно до озноба. Нахохлились в клетках попугаи и канарейки — подарки из Австралии. Засели за отчеты инженеры В. Кунин, М. Агеев, В. Корсак, К. Итальянцев, ученые О. Вялов, И. Кучеров. А родная земля все ближе, и сердце точно отстукивает: домой, домой, домой!

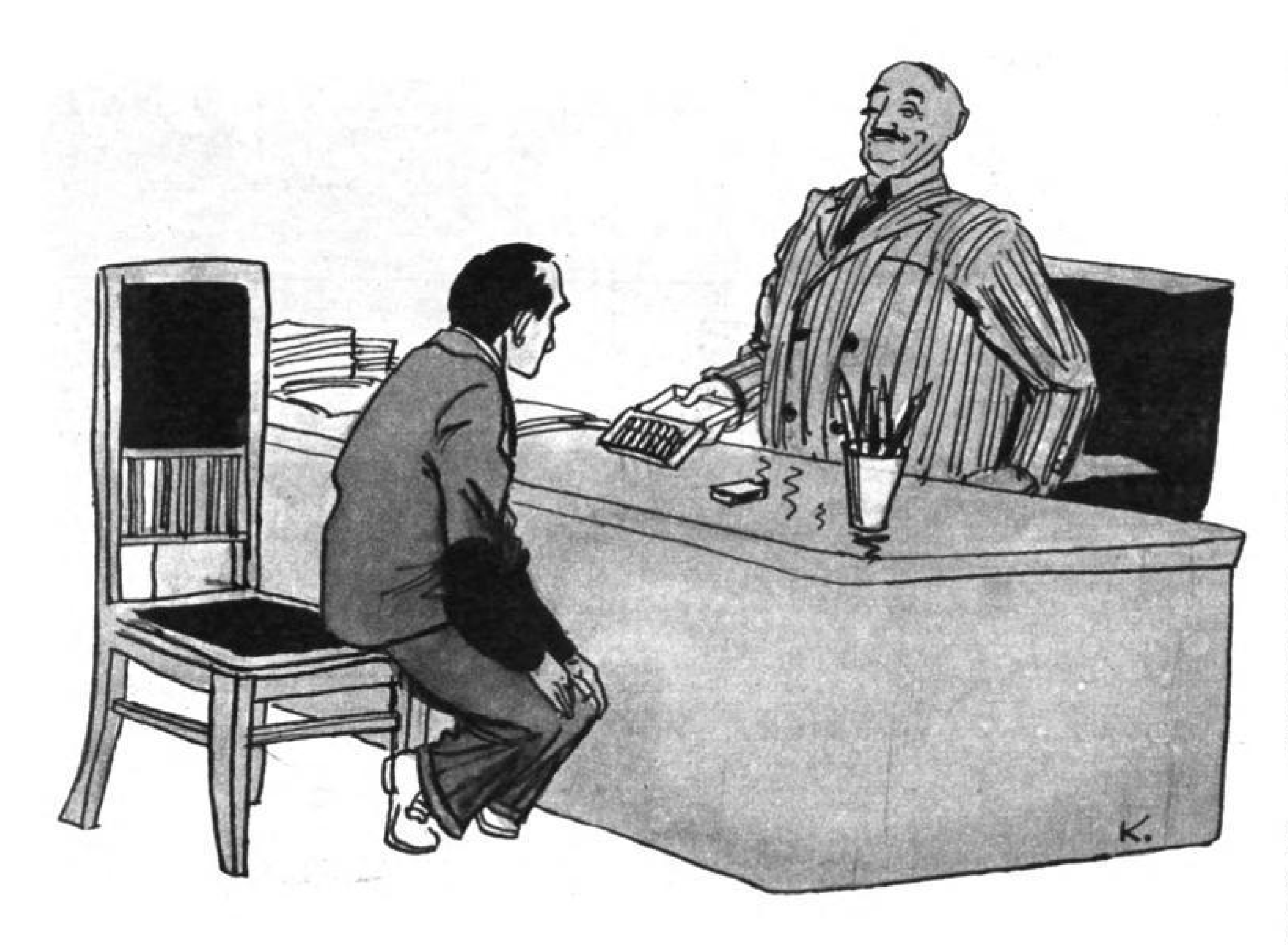
Главный инженер экспедиции Н. Розов, заложив за спину руки, ходит по палубе и уже прикидывает, что нужно сделать, чтобы скорее, лучше, без ошибок и промахов организовать следующую экспедицию в Антарктиду, где ждут смены зимовщики, где нужно строить на берегу Правды новые дома и научные павильоны, где предстоит серьезная научная работа в наступающем Международном геофизическом году.

Эта мысль о будущем волнует каждого участника экспедиции.

...Гремит в клюзах якорная цепь, отдают швартовы — «Лена» становится в Ленинградском порту. Но недолог отдых: впереди большие походы, большие дела.

Борт дизельэлектрохода «Лена».

Copyrighted material

Маленький человек

Рассказ

Александр АРАКСМАНЯН

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Люди, я решил рассказать вам мою историю. Не дает она мне покоя! Расскажу вам просто, ничего не преувеличивая и не приукрашивая. В своей жизни я ничего, кроме цифр, не писал, если не считать служебных записок. Поэтому прошу извинить меня за грубый слог, за неточные выражения и за разные другие литературные погрешности, которые я, может быть, и допустил. Я не писатель, я маленький человек, очень маленький. И рост у меня маленький, и дела незаметные, и вся жизнь непримечательная.

Позвольте сначала представиться. Мовсес Сократович Пичхулян. Прошу обратить внимание на библейское звучание моего имени, философское происхождение отчества и фамилию, как бы указывающую на крайнее ничтожество ее носителя, — Пичхулян![1].

Представьте, точно так же случается и с цифрами. Напишешь, например, пятьсот, тысяча или миллион рублей, а рядом появляются какие-то копейки, скажем, двадцать две. Такое положение с точки зрения бухгалтерии вполне нормально, но иной раз так и хочется округлить цифру, к черту послать копейки!

А нельзя, незаконно. Эти ничтожные двадцать две копейки создают определенный колорит для самых крупных сумм.

Так обстоит дело и с моей фамилией. Мовсесов Сократовичей, вероятно, очень много, а Мовсес Сократович Пичхулян пока один, и это ваш покорный слуга!

Несколько слов о моей биографии. Ее почти нет. Недавно мне стукнуло шестьдесят один год. Родился я в маленьком горном городке, а мечтал все время о большой жизни и больших делах. Еще юношей увлекался химией и хотел стать новым Менделеевым, потом мне понравился фокусник Газалиус, а однажды я решил стать философом.

Но ничего не вышло. Окончив школу, поступил работать счетоводом. Потом пошел на бухгалтерские курсы, стал бухгалтером. Мечтал о прекрасном — женился на обыкновенной, ничем не примечательной девушке. Любил детей — их не имел. А потом вообще перестал мечтать о чем-либо. Жил спокойно, скромно, ни хорошо, ни плохо, ни сладко, ни горько. Много и усердно работал и мало говорил. Жена прозвала меня «великий немой». Да, я не словоохотлив, не умею вмешиваться в чужие дела, говорю мало: для разговора слов не нахожу. Собственно говоря, я даже не «великий», а «малый» немой.

Шли годы, и все они походили один на другой. Работа, дом, жена, обед, чистая постель. Ну, правда, раза четыре — пять менял место работы. Новый директор, новый главбух и новые балансы. Все!

А бывало, ложусь в постель — и не спится. Что-то тревожит меня. Думаю, нервы, бессонница. Нет! Нервы у меня в порядке. Я это часто замечал. Вот, например, подготовляю какую-нибудь сводку — арифмометр, счеты, красный и черный карандаши, цифры, цифры, цифры, бог знает сколько их, и вдруг — заминка, где-то недоглядел, какую-то дьявольскую копейку не дописал, в итоге — расхождение. Приходится начинать все сначала, проверять сумму, сопоставлять, сравнивать, зачеркивать, переписывать... И что же? Нервы спокойны. Переживаю, но сердце работает нормально. Не ругаюсь, не курю, бумаг не рву...

Значит, тревожит меня что-то другое. Что? А вот что: нет у меня ни врагов, ни друзей.

А почему нет у тебя врагов, товарищ Пичхулян? А потому, что я мирный человек, не скандалист, все распоряжения выполняю беспрекословно, никого не критикую.

Но почему нет у тебя друзей, товарищ Пичхулян? Друзей? Да, это правда! Но, уверяю вас, я не против них... Вероятно, нет никакой пользы от меня, кому же нужна моя дружба? Ведь часто люди ищут только выгодную дружбу.

Нет, Пичхулян, как бы ты ни оправдывался, чего-то не хватает в твоей жизни. А чего?

Так и раздумываю об этом по ночам. Вот и не спится.

Бывало, вызовет к себе главбух или директор и говорит:

— Мовсес Сократович, товарищ Пичхулян, принимайте дела старшего бухгалтера. Вы опытный, честный человек...

А я отвечаю коротко и ясно:

— Спасибо за доверие, не могу.

Отвечаю и думаю:

«Я не корыстолюбив. Неправда! Боишься ответственности. Вот в чем дело!»

Так я говорю сам себе и сам же отвечаю: «Нет, мне и так хорошо. Я маленький человек».

Кажется, все привыкли, что я молчаливый, скромный. Скромность моя одних удивляет, другим нравится. Сижу на собраниях далеко от трибуны, слушаю выступления, бывает даже, что не согласен с мнением выступающего, но все мои мысли остаются при мне. «Какое твое дело, Мовсес? Молчание мудрее неуместного вмешательства». И молчу. Все привыкли к моему молчанию, и все узнали о моем прозвище «великий немой».

Вот какие думы не давали мне спать. То мне казалось, что я хороший, то негодный, то разумный, то трус. Будто сижу я на высоком дереве, а внизу течет большая неспокойная река — она и есть сама жизнь. Поглядываю я на эту реку и не делаю никакого движения: а вдруг сучок обломится?! Ох, как это страшно! Даже приснилось мне, как я падаю и как безнадежно иду ко дну.

Нет, я все-таки не трус!

Расскажу такой случай. В годы Отечественной войны однажды поздней ночью объявили тревогу. Ну, как полагается, жена вскакивает с постели и бросается к дверям — скорей в бомбоубежище. А я спокойно встаю, надеваю очки и пока приготовляюсь, — отбой! Жена меня бранит, а я как ни в чем не бывало снова ложусь в постель и думаю: «Может быть, и на фронте не изменили бы мне мужество и выдержка?!»

Извините за отступления, рассказываю, рассказываю, а путного ничего еще пока не рассказал.

Кстати, это моя страсть, люблю разные примечания и комментарии! Беру книгу, сначала рассматриваю примечания, а потом приступаю к чтению. Кончаю книгу и снова обращаюсь к примечаниям — все становится ясно и понятно.

Если хотите знать, наши бухгалтерские отчеты тоже имеют примечания, сопровождаются различными объяснениями. Мне часто поручают составлять служебные записки, говорят, что они получаются у меня неплохо — этакие повести о цифрах, об их взаимоотношениях. Да, я с увлечением пишу служебные записки!

Все это между прочим...

В последние годы я работаю в тресте, работаю усердно, как всегда. Должность моя — бухгалтер-экономист. Составляем разные квартальные сводки, подготовляем планы.

А в тресте дела неважные. Никто мне об этом не говорит, смотрю на цифры, и они мне шепчут: «Дела неважные». Потом в газете читаю и думаю: «Это по моим сводкам».

И вот однажды... Это было зимою, а зима стояла теплая, хоть распахивай окна. Был обыкновенный рабочий день, нет, не очень обыкновенный, мне предстояло составить отчет о том, как выполняется квартальный план. Смотрю на цифры, вижу, опять не дотянули — 76,2 или 82,5... Обидно, тоскуешь по трехзначным цифрам. На хорошей бумаге провел линейки, приготовился. Вдруг меня вызывает к себе начальник планового отдела. Иду. Он приветливо улыбается, жмет мне руку, предлагает сесть.

— Как ваше самочувствие, Мовсес Сократович? — спрашивает.

— Спасибо, как всегда, не жалуюсь, — отвечаю.

— Вот какое дело, Мовсес Сократович. Вы готовите отчет?

— Верно. Готовлю.

— Великолепно. Вы не очень обращайте внимание на точность цифр, они все приблизительные...

— Приблизительные?

— Да, да, представьте себе, ориентировочные. Их можно спокойно закруглять... Понимаете? Министерство должно отчитываться перед правительством, а наше отставание плохо отражается на общем итоге. Процентов 15—20 прибавить — небольшой грех, тем более, что имеются все предпосылки для выполнения плана в следующем квартале. Так

[1] От слова «пичхул» — сморкун.

Copyrighted material

вот, дорогой Мовсес Сократович, поступайте как хотите, а цифры должны радовать. Тогда мы все получим премии, и вам достанется месячная зарплата... Понятно?

— Понятно...— сказал я и пошел выполнять распоряжение.

У меня даже дух захватило. Подумайте, какое доверие! Я, маленький человек, получил право менять цифры по своему усмотрению! Моя сводка может повлиять благоприятно на итоговые цифры всего министерства!

Как это было интересно! Я творил цифры, я, обыкновенный бухгалтер-экономист, облагораживал облик нашего треста. Завтра о нем заговорят как о передовом, вызовут нашего начальника в министерство, поблагодарят, потом пойдут премии, и т. д., и т. п.

И это все произойдет из-за того, что Мовсес Пичхулян подправил цифры, подправил с охотой, вдохновенно, с той готовностью и беспрекословностью, которые были украшением всей его жизни.

Через несколько дней отчет был готов. Начальник планового отдела посмотрел внимательно мои цифры (да, да, они были мои, плодом моего воображения!) и сказал:

— Великолепно!.. Логично. Вполне правдоподобно. Спасибо! Идите домой, отдыхайте.

И я первый раз в жизни ушел с работы раньше времени. Давно у меня не было такого приподнятого настроения. Жена меня не узнала, подумала, не выиграл ли я крупную сумму по займу.

— «Великий немой», что случилось, чем можешь обрадовать свою жену?

Ну, понятно, женское любопытство. А я никогда не поддавался ему, не поддался и на этот раз. Молчу. Знаю, она не сможет оценить по достоинству мою работу.

Лег в постель — опять не спится. То, что несколько часов тому назад мне казалось лучом света в моей серой жизни, теперь стало тревожить.

Чем ты гордишься, товарищ Пичхулян, что тебя так радует? Ты обманул своего начальника, он обманет начальника треста, и так пойдет дальше и дальше... Ага, рассуждать начинаешь? А зачем согласился?

От ужаса я присел на постели и, выпучив глаза, смотрел в темноту. Уверяю вас, там плясали разные цифры, однозначные и многозначные. Потом начался парад цифр. Вот двойка, с хвостиком, со склонившейся головкой, словно у ретивого коня, а вот пятерка — пузатый чайник, семерка — флаг на мачте корабля... И море волнуется, бушует... Страшно!

Ведь это фальсификация, подлог!

Я встал с постели. Начал ходить по комнате. Жена проснулась.

— Ты от меня что-то скрываешь, Мовсес,— сказала она.

А я опять ни слова, хожу и жалею, что не научился курить.

Собственно говоря, что я сделал плохого? Приказало мне начальство, я и выполнил. Ему виднее, что хорошо и что плохо.

Так я успокоил себя. Выпил стакан кипяченой воды и опять лег в постель.

— Ну, «великий немой», скажешь наконец, в чем дело? — продолжает расспрашивать жена.

Я ей отвечаю:

— Не первый раз, милая, бессонница у меня... Видимо, старею.

Она усмехнулась, а через короткое время по своей привычке стала храпеть на весь дом. Я давно привык к этому храпу, без него не представляю себе ночи, как влюбленные не представляют своей встречи без луны и пенья соловья. Как говорится, привычка — вторая натура.

Лег я, но цифры не унимались. Они продолжали дразнить меня. Утром из-за пустяка обругал жену и пошел на работу нехотя. Вы понимаете, первый раз в жизни нехотя!

В коридоре на стене — объявление: сегодня открытое партийное собрание, обсуждается выполнение планов прошлого квартала.

Кажется, я очень долго стоял перед этим объявлением. Один из наших сотрудников даже заметил:

— Мовсес Сократович, что с вами? Ошибку обнаружили?

После обеда я сидел как на иголках и на собрание пришел раньше всех. Занял свое постоянное место далеко от трибуны и жду. Скорее бы начали! Пришел секретарь партбюро. Председателем собрания выбрали начальника треста. Начальник планового отдела стал докладывать. Он говорит о повороте в выполнении плана и читает цифры... Мои цифры... Мои цифры, мое произведение! Даже аплодировали. На лице начальника треста блаженная улыбка. Секретарь угрюм. А я сижу и волнуюсь. Не выпускаю из рук платка — лоб потный, сердце бьется. Словом, сам на себя не похож.

Выступили другие, расхваливали руководство. И слова подбирали такие — даже вспоминать скучно.

А потом подошел к трибуне сам секретарь. Молодой парень, лет тридцати, с густой шевелюрой, черными горящими глазами, смуглый и, как мне показалось, очень красивый,— словно впервые я увидел его. Он начал критиковать руководство, он не верил цифрам и отчетам, он приводил факты, он возмущался и даже сказал, что мы обманываем государство.

Секретарь ушел с трибуны, и в зале воцарилась тишина. Теперь угрюмым стал начальник треста. Он перешептывался с сидящим рядом моим начальником.

Ну, ясное дело, раз секретарь выступил с такой критикой, всеми овладело сомнение: неужели обман?

Обман? Мне хотелось оправдаться перед собой. Эти цифры не обман, они моя мечта! Мечта? Но никогда ведь не сбывались они, мечты мои! Ох, эти придирчивые, злые цифры, как они умеют мстить! Вот тройка, она раскрыла свою пасть, кричит, орет, дразнит, хохочет. А место ей — не здесь... Это я, Пичхулян, поставил ее на место дроби.

Сам не помню, как я очутился у трибуны. Да, да, не помню, какая сила толкнула меня на такой подвиг.

Смотрю в зал и никого не вижу. Мне то холодно, то жарко. Руки дрожат. Слышу тихий голос секретаря: «Ну, ну...».

Стою на трибуне и знаю только одно: надо сказать правду, плохо ли это для репутации треста или хорошо — неважно, только правду!

— Товарищи... — начал я очень официально и чувствую: в горле сухо. Искоса посмотрел на графин, который блестел на зеленом сукне.

Сразу кто-то подал мне стакан воды. В зале смех, или, как пишут в газетах, «оживление». Хотел сделать только глоток, а выпил воду до дна. Будто неделю не пил!

Наконец-то заговорил «великий немой»! Да еще как!.. Нет, я не хвалюсь. Я слышал свой голос, и будто он не был моим. И слова казались необычными. Зал шумел. Начальник планового отдела кричал из-за стола: «Чепуха, что он за вздор несет, это клевета!..» А «он», то есть я, не обращал внимания на звонки, на реплики, на шум и все говорил и говорил не только о подлоге, но и о всей своей жизни — серой, неинтересной, скучной...

Потом вдруг все оборвалось, я не мог закончить свое выступление и на полуслове сошел с трибуны.

Аплодировали. Я сел на свое место. Товарищи жмут мне руку. Потом выступили начальники, они так громко кричали, словно их слушали глухие. Потом опять говорили секретарь и другие, потом опять начальники. Часто произносили мое имя и отчество, мою фамилию — Пичхулян, Пичхулян...

Нет больше Пичхуляна, поймите, нет его, нет, нет!

Я и сам не подозревал, какую заварил кашу.

На следующий день прибыла авторитетная комиссия. Началось расследование. Часто обращались ко мне, расспрашивали. Даже к самому замминистра вызывали. Я вдруг стал персоной.

Не прошло и месяца, как уволили начальника треста и начальника планового отдела. Ну, думаю, доберутся и до меня. Жду справедливой кары. Не страшусь, но по ночам опять не спится.

И вот в один прекрасный день зовут меня к новому начальнику треста, а это не кто иной, как наш бывший секретарь. Вхожу в кабинет, жду суровых слов, наказания.

— Садитесь, Мовсес Сократович,— почтительно предлагает новый начальник.

Сажусь.

— Мовсес Сократович, оказывается, вы славный человек,— сказал он.

— Что вы, что вы?.. Я маленький,— начинаю я опять.

— Советский человек маленький не бывает... Выкиньте из головы мысль, что вы маленький. Вы просто хороший советский человек.

Чувствую, что у меня на глазах слезы. Знаю, что сейчас не смогу промолвить слова. А он продолжает:

— Мовсес Сократович, я предлагаю вам новую работу, более достойную ваших знаний и вашего опыта. Занимайте новую должность — заместителя начальника планового отдела.

Я уже не смог сдержать свое волнение.

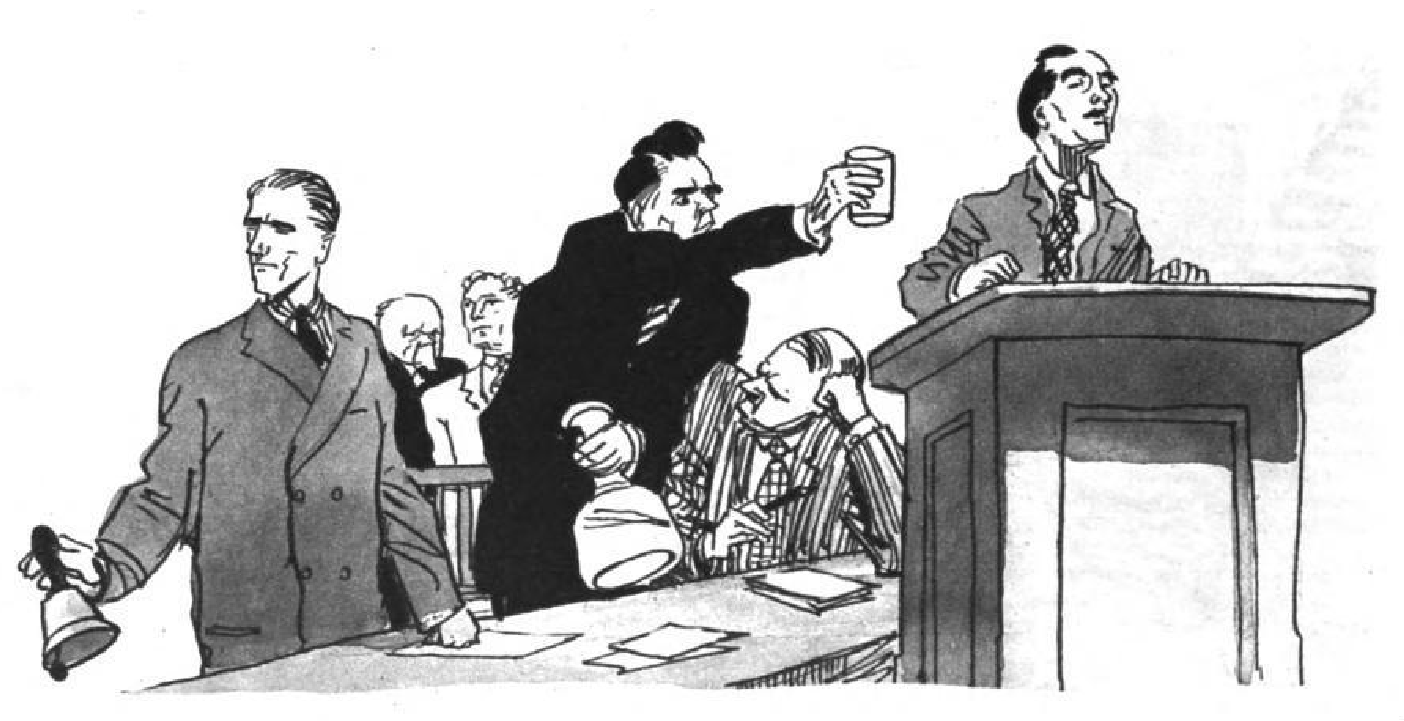
— Спасибо... Нет, нет!..

...И теперь, когда я пишу эти строки, я еще не решил, принять ли предложение нового начальника. Вы думаете, я и сейчас боюсь ответственности? Представьте себе, нет. Не страшно.

Но за какие заслуги? Я ни перед кем не рисуюсь, но знаю твердо: одно выступление на собрании — не велик подвиг. А других-то заслуг у меня нет.

Я вам все рассказал, исповедался, теперь судите сами...

Перевел с армянского автор.

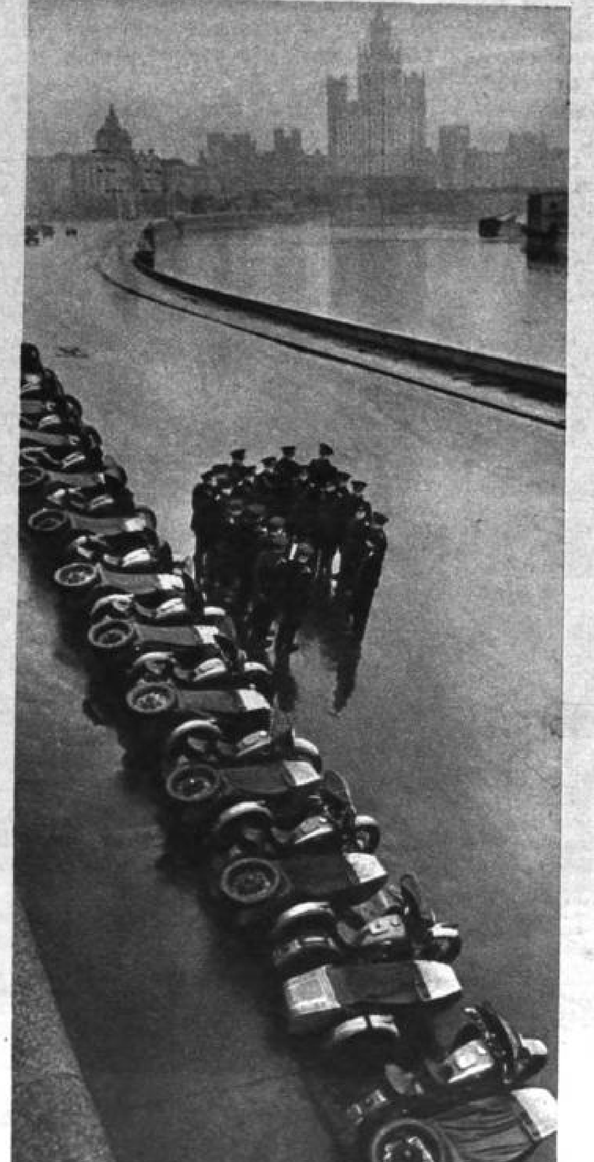
Copyrighted material

МАШИНЫ И ПЕШЕХОДЫ

Фото Я. РЮМКИНА.

С. МИХАЛКОВ

Люди, о которых говорится в нашем фоторепортаже, всегда находятся в центре уличного движения. Это работники ОРУДа Московской милиции. Днем и ночью стоят они на постах, обеспечивая порядок на многолюдных магистралях шумного города. Почетен и сложен скромный труд орудовцев.

←

Раннее утро. Улицы еще пустынны. Но работники ОРУДа уже готовы разъехаться на свои посты. Предстоит очередной жаркий день.

Жаркий день предстоит и автоматической станции ОРУДа. Отсюда управляют светофорами на пятидесяти восьми перекрестках Москвы.

→

Редкая уличная сценка. А сколько людей были бы благодарны милиции, если бы такие картинки не являлись исключением из правил... уличного движения!

Copyrighted material

В дежурной комнате ОРУДа.

— Я же на «зеленый» ехал!

— Ей-богу, я не гнал!

— Разве ж тут затормозишь?..

На месте происшествия. Здесь только что сбили пешехода.

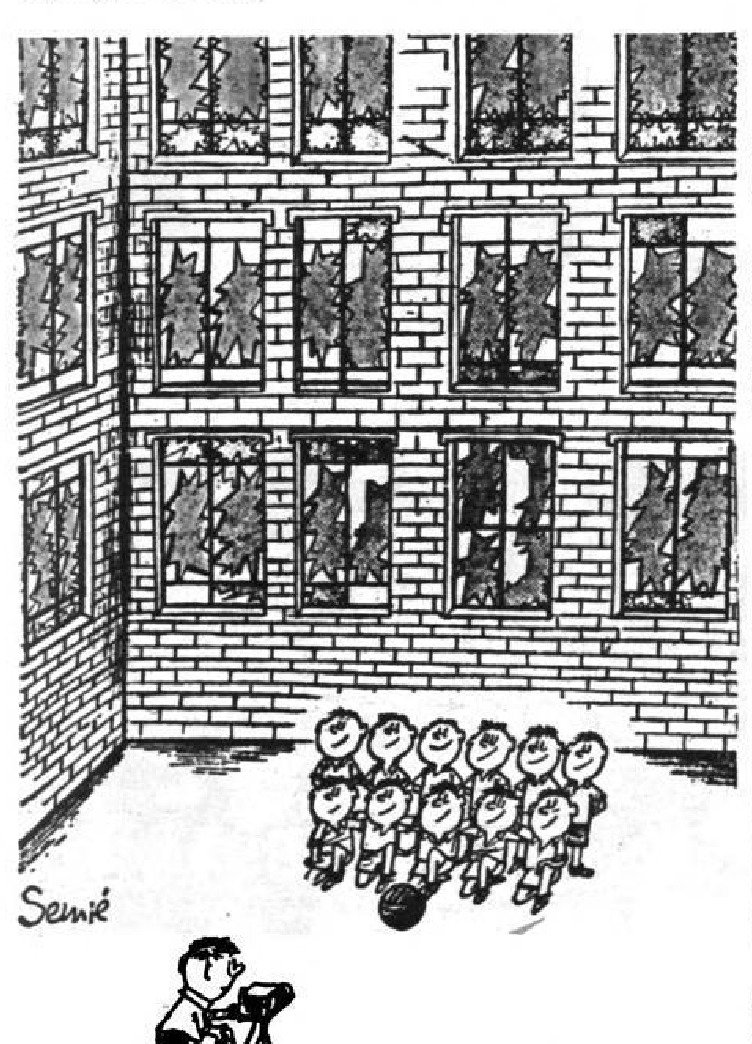
Автомобильные аварии чаще всего происходят по вине нетрезвых водителей. Напрасно шофер старался доказать, что «капли в рот не брал!». Химический анализ в медпункте ОРУДа доказал обратное: «Брал! И не каплю...»

Это сотрудник отдела пропаганды ОРУДа. Пешеходам хорошо знакомы его реплики: «Гражданка с сумкой! Вы можете попасть под машину! Гражданин в зеленой шляпе! Вы мешаете проходящему транспорту!..»

Как таблицу умноженья,
Помни правила движенья!

Copyrighted material

Французский юмор

БЕЗ СЛОВ

МОДЕЛЬ МАКСИМА САЛИНА

Посетители Музея истории Ленинграда обращают внимание на модель Исаакиевского собора. Она сделана из липового дерева в 1/166 часть натуральной величины.

Создал модель Максим Салин — выходец из крепостных крестьян Рязанской губернии. В 1821 году талантливый самоучка был освобожден от крепостной зависимости и принят в Академию художеств. Окончив курс обучения, мастер был назначен смотрителем работ на постройке Исаакиевского собора. В свободное время он продолжал заниматься любимым делом — резьбой по дереву, создавая модель Исаакиевского собора. Одиннадцать лет он кропотливо работал, отшлифовывая каждую деталь модели, и закончил ее в 1846 году. За этот труд его удостоили звания свободного художника. Максиму Салину принадлежит также деревянная модель Александровской колонны.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото А. Михайлова.

Из почты «Огонька»

КЕДР НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Как известно, кедр на Кольском полуострове не произрастает. Однако эта ценная культура могла бы обогатить скудный набор древесных пород полуострова.

В работах Недригайлова (1930) и Нестерчука (1931) описаны единичные кедры в окрестностях станции Кола, на берегу залива. Выросли они из семян, завезенных сюда в свое время поселенцами. Один из таких кедров можно и сейчас видеть у дороги между Колой и Мурманском.

В 1948 году объездчиком лесхоза Мошниковым обнаружен еще один сибирский кедр. Он растет на безымянном острове, на Нотозере, против устья реки Пауч. Судя по мутовкам, в момент находки дереву было 23 года. Семя, видимо, было занесено на островок рыбаками.

Успешное произрастание кедра без всякого ухода в условиях бросового заболоченного ельника свидетельствует о возможности внедрения этой полезной культуры в лесное хозяйство Мурманской области.

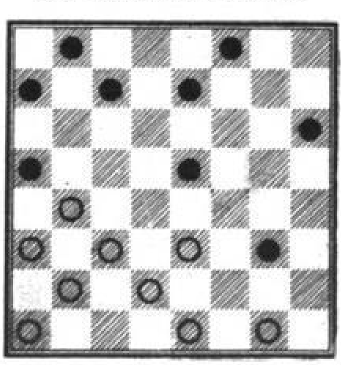
Л. КОЛЬСКАЯ

Мурманск.

Шашки

КОНЦОВКА

Л. Беленький (Москва)

Белые начинают и выигрывают.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин художников Армении, две страницы рисунков А. Кокорина и две страницы цветных фотографий.

Козел и Природа

Ашот ГРАШИ

Завел Козел
С Природой разговор
И жаловаться стал:
— Скажи, Природа,
Зачем рога на голове моей
Ты сделала кривей
Серпов и обручей
И отчего ты
Не выковала их прямыми, не витыми,
Не создала их острыми такими,
Чтоб каждый рог
Подобен был мечу,
Чтобы я мог,
Кого я захочу,
Бодать такими острыми рогами?
Тогда бы я расправился с врагами!
Искоренил бы навсегда их род я...

Ответила великая Природа:
— Козел,
Я знала, что ты зол.
Тебе прямых стальных рогов не дав,
Учла твой нрав!

Перевел с армянского Николай ГЛАЗКОВ.

Смерть Лисы

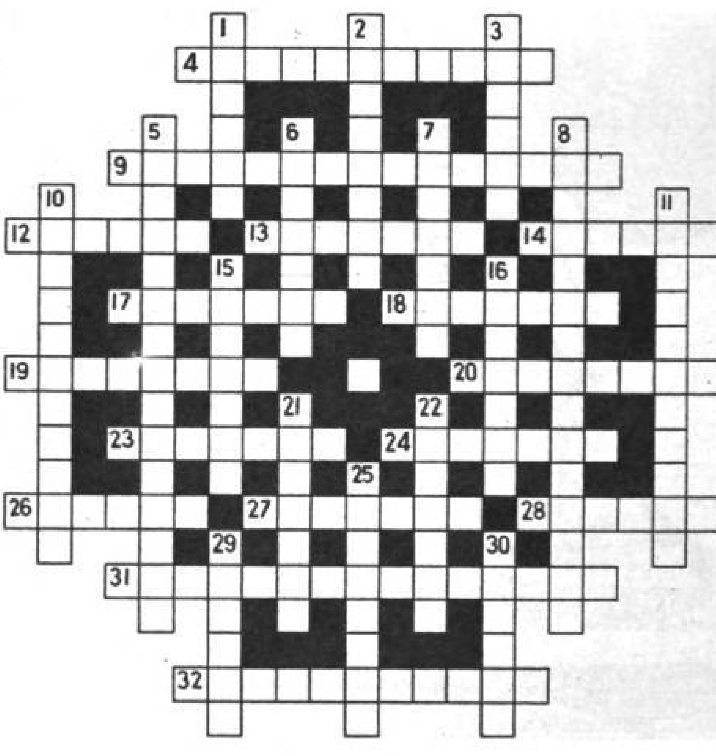
Мкртич КОРЮН

Как-то вздумалось Лисице
Поохотиться на птицу.
Вот ложится у дороги
И протягивает ноги:
Приманю, мол, птичью стаю,
Сразу нескольких поймаю!

Да не тут-то было! Псы
Подошли — и нет Лисы.

Перевел с армянского С. ШЕРВИНСКИЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Первая в мире женщина-профессор. 9. Раздел физики. 12. Прядильное волокно из конопли. 13. Полководец, знаток военного искусства. 14. Прибор для измерения электрического сопротивления. 17. Древнеиндийский эпос. 18. Чертежный инструмент. 19. Крепость. 20. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 23. Повесть Н. В. Гоголя. 24. Русский художник. 26. Ценная промысловая рыба. 27. Столица государства в Азии. 28. Водоплавающая птица. 31. Опора, на которой вращается вал машины. 32. Положительное качество.

По вертикали:

1. Танец. 2. Воображаемая линия, проходящая через полюсы. 3. Государство в Центральной Америке. 5. Народная артистка СССР. 6. Полуостров на западе Франции. 7. Вулканическая порода, строительный материал. 8. Пополнение. 10. Специалист по восстановлению предметов искусства. 11. Слой атмосферы. 15. Прибор в двигателях внутреннего сгорания. 16. Машина для разработки грунта горных пород. 21. Ветка растения для прививки или посадки. 22. Французский писатель-комедиограф. 25. Великий древнегреческий философ. 29. Курорт в Крыму. 30. Рамка.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 22

По горизонтали:

4. Хачатурян. 6. Содружество. 9. Ксенон. 10. Секрет. 14. Орфей. 15. Барабан. 16. Друть. 17. Пакистан. 18. Интеграл. 19. Тикси. 20. Туманян. 22. Отрез. 25. Арагац. 26. Гравер. 29. Протоплазма. 30. Нумерация.

По вертикали:

1. Очерк. 2. Этажерка. 3. Юрист. 4. Хлопок. 5. Неврев. 7. Лепешинская. 8. Прерогатива. 9. Кариатида. 11. Тетраметр. 12. Барнаул. 13. Шагинян. 21. Аэропорт. 23. Капрон. 24. Премия. 27. Штамп. 28. «Паяцы».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05750. Подписано к печати 29/V 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 457. Заказ № 1421.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Рисунки югославских художников

Пиво Караматьевич. ПАРТИЗАН ИЗ РУГОВА.

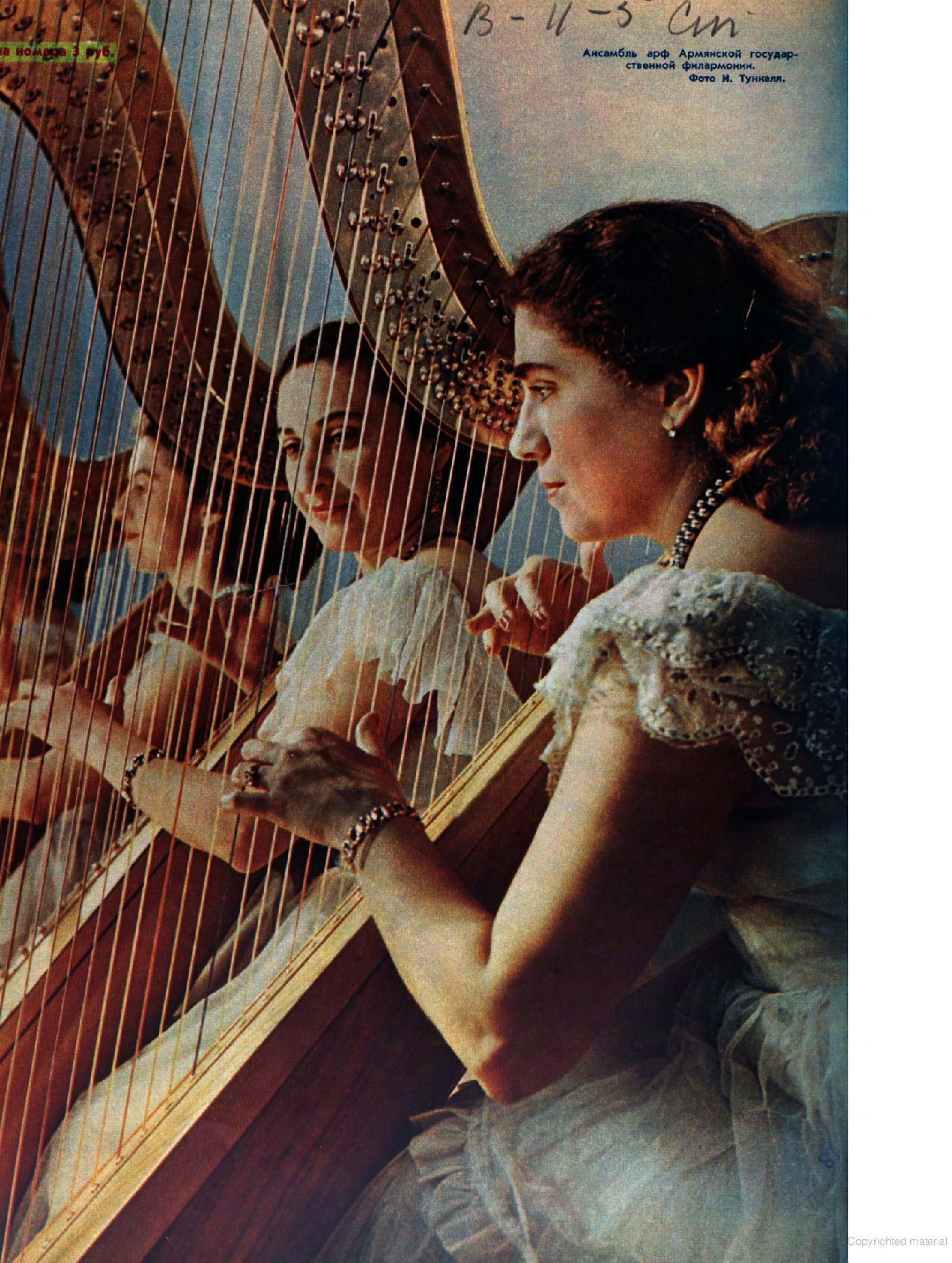
Джордже Андреевич-Кун. ЖЕНЩИНА-БОРЕЦ. Рисунок углем.

Пиво Караматьевич. ПАРТИЗАНСКИЙ ЛАГЕРЬ (Млиниште).

В-11-5 Сп

на номера 3 руб.

Ансамбль арф Армянской государственной филармонии.
Фото И. Тункеля.

Copyrighted material